

РАСУЛ МАГОМЕДОВ

**БОРЬБА ГОРЦЕВ
ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ
ПОД РУКОВОДСТВОМ
ШАМИЛЯ**

БИБЛИОТЕКА ФОНДА ШАМИЛЯ

РАСУЛ МАГОМЕДОВ

**БОРЬБА ГОРЦЕВ
ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ
ПОД РУКОВОДСТВОМ ШАМИЛЯ**

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

МАХАЧКАЛА — 1991

г. Махачкала
научная библиотека
ДНЦ РАИ

756847

Глава 1.

ДАГЕСТАН И ЧЕЧНЯ НАКАНУНЕ ЦАРСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

1. Социально-экономический строй

Горная страна, лежащая между Кавказским хребтом и берегом Каспийского моря, в исторической литературе известна под именем Дагестан.¹ Дагестан подразделяется на горный и плоскостной. В нагорной части Дагестана основой экономики являлось скотоводство. Хлебопашество и садоводство здесь играли лишь подсобную роль. В плоскостной части основное занятие населения составляло земледелие.

К концу XVIII столетия в Дагестане имелись следующие феодальные образования: шамхальство Тарковское, ханства Аварское, Дербентское, Кази-Кумухское и Мехтулинское, уцмийство Кара-Кайтагское и, наконец, майсумство Табасаранское, которое позже стало называться владением кадия Табасаранского. Кроме того имелось свыше 60 самоуправляемых обществ, где проживала основная масса сельского населения края.

По уровню развития производительных сил и, на их основе, производственных отношений, Дагестан не был однородным. Здесь имели место оттенки и прямые следы различных общественных отношений, начиная от общинных полуфеодальных и кончая сложившимися феодальными. Накануне царского завоевания в Тарковском шамхальстве, Кайтаге и Дербенте были сложившиеся феодальные отношения, а в нагорном Дагестане сохранились еще, раннефеодальные отношения. Такая мозаичность социально-экономических отношений объясняется неравномерным развитием производительных сил. Интересное высказывание Ф. Энгельса о том, что «буржуазная цивилизация развивалась вдоль морских берегов и по течению больших рек. Земли же, лежащие в глубине материка, особенно неплодородные и трудно проходимые горные страны, сохранили и варварство и феодальный строй»², лишний раз подтверждается на примере неравномерного социально-эконо-

¹ От тюркского слова «даг» — гора и иранского «стан» — страна.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. 5, стр. 250—251.

мического развития Дагестана. На Кумыкской равнине, в Кайтаге, и Дербенте, непосредственно прилегающих Каспийскому морю и имевших оживленные торговые и культурные сношения с другими странами, процесс развития производительных сил, а следовательно и социальных отношений, шел интенсивнее, чем в нагорном Дагестане, оторванном от культурных приморских центров.

При всей пестроте и разнообразии социальных отношений в Дагестане, ведущей формацией все-таки являлась феодальная, с наличием эксплуататорского класса местных феодалов—с одной стороны и эксплуатируемого класса крестьян—с другой. Для всей экономики феодального Дагестана той эпохи характерна барщинно-отрабочная система эксплуатации крестьян, распадавшаяся по своей зависимости от феодала на несколько категорий.

В северном Дагестане существовали следующие категории зависимых крестьян:

«1. свободные поселяне, уздени, живущие на собственных своих землях, но управляемые беками,... которым издавна присвоено право полицейской расправы над этими поселянами, с вознаграждением от них некоторыми посевными работами;

2. свободные же поселяне, уздени, живущие на землях беков, с правом наследственного пользования этими землями и с обязательством вознаграждения землевладельцев выполнением разных обычных повинностей;

3. чагары, т. е. бывшие дворовые люди из рабов и рабынь, отпущенные из двора для заведения собственного хозяйства на земле беков, с обязательством выходить на работы владельца по востребованию;

4. рабы и рабыни (кулы и каравашки), это—здоровые люди, невольники, не имеющие по туземным обычаям никаких прав; в отношениях к своим владельцам местные понятия жителей присваивают им последним над невольниками безотчетные и безграничные права».¹

Хотя в приведенном документе не совсем полно определяются отношения между феодалами и крестьянами, тем не менее, на основании ряда других источников выясняется, что зависимые крестьяне делились на три зависимых категории, из которых наиболее угнетенной являлась категория раятов и чагаров, составляющих основную массу крепостного крестьянства. Далее шли, так называемые «свободные поселяне—уздени, жившие на землях беков и мало чем отличавшиеся по своему социальному положению от раятов. Верхушечным слоем зависимых крестьян являлись, так

называемые «свободные» уздени, жившие на «собственных» землях и отбывающие ханам и бекам работные повинности.

Таков, в основных чертах классовый состав феодального Дагестана. Следует при этом учесть, что каждое феодальное владение имело свои специфические особенности.

Вся Кумыкская равнина была разбита между несколькими феодальными владельцами—Костиковским, Аксаевским, Эндреевским и другими. К югу от них находилось самое крупное феодальное владение—Тарковское, управляемое шамхалами. Их резиденцией с древних времен являлось селение Тарки. К эксплуататорскому классу кумыков относились все потомки владетельных родов. Тарковские владельцы титуловались шамхалами. Кроме того, шамхал носил титул владельца буйнакского и валия дагестанского. Последнее звание давалось шамхалу не как владельцу всего Дагестана, а как наиболее крупному в сравнении со всеми остальными владельцами феодалу. Потомки шамхала делились на два разряда. Одни из них, рожденные от равного брака, назывались беками и баями, а другие рожденные от побочных или «незаконных» жен феодала, именовались джанками, джанка-беками. К категории высшего сословия причислялись сала—уздени и духовные лица. За этими категориями эксплуататорского класса во владении шамхала Тарковского следовали эксплуатируемые крестьянские категории: уздени, догереки—уздени, азаты (вольнотпущенные), чагары (крепостные), наконец, кулы (рабы) и каравашки (рабыни), находившиеся в личной и имущественной от своих владельцев зависимости.¹

На узденей и чагаров ложилась вся тяжесть феодального гнета. Они обязаны были работать на землях шамхала и платить феодальные подати. Достаточно познакомиться с этими феодальными повинностями и податями, чтобы представить себе исключительно тяжелое положение крепостных крестьян во владении шамхала Тарковского: с каждого крестьянина имевшего овец, здесь взималось ежегодно по одной овце (кент—ясак); каждый, имевший рабочий скот, обязан был доставлять шамхалу арбу дров (арба—ясак) и в любое время, по требованию владельца, выставять арбы для его надобности. За пользование пастбищами и водой для оросительных целей крестьянин также платил шамхалу подати и, кроме того, с него взимались различные штрафы за потравы и другие проступки.

Наиболее тяжелыми для крестьян были работные повинности, в частности работа на владельческих землях для шамхалов. Вся

¹ ЦАУ Грузии, св. 8711, лл. 21—22, 1865 г.

¹ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, СПб, 1871 г., стр. 630.

тяжесть полевых работ лежала на чагарях и узденях, которые пахали господскую землю, убирали, молотили, свозили, выполняли разнообразные работы в доме владельца, обрабатывали его сады и т. п.

В Мехтулинском ханстве крестьяне находились в еще более тяжелом положении. В Большом и Малом Дженгутае и в Дургелях, кроме податей (так называемых кент—ясака, арба—ясака и т. д.), взимали еще по одному сабу (1 пуд 10 фунтов) пшеницы с каждого дома. Барщинно-отрабочная рента в Мехтулинском владении была такая же, как в шамхальстве Тарковского, с той только разницей, что здесь она состояла из сабан-бильха, бичан-бильха и урах-бильха.

Во владении уцмья Кара-Кайтагского не было полузависимых или «свободных» категорий крестьян. Все крестьянство здесь было уже закрепощено; оно состояло из раятов или крепостных.

Процесс завершения феодального строя в Кайтаге сопровождался усилением крепостной эксплуатации, превращением «свободных» крестьян в зависимых, а зависимых в крепостных. Раяты были в полной зависимости от своего владельца; они не имели право переходить от одного феодала к другому, или судиться без разрешения бека. Согласно постановлению кайтагского уцмья Рустам-хана, запрещалось принимать жалобу от крестьянина, если он «не имел от бека бумаги с приложением его печати», а «если же кадий прочтет,—говорится в постановлении,—для того, у кого нет письменного позволения от бека, то с него, с кадия взыскивается одна лошадь в пользу бека».¹

Постановление кайтагского уцмья Рустам-хана преследовало, во-первых, ограничение перехода крестьянина от одного владельца к другому, во-вторых—сосредоточение в руках уцмья, бека всей власти над личностью крестьянина. Эта неограниченная власть уцмья в конце XVIII столетия сопровождается новыми насилиями над крестьянами, увеличением оброка и барщины.

Уцмий, бек, чанка-бек, чанка, идики, или сеиды², духовенство, верхушечный слой узденей, составляли господствующий эксплуататорский класс населения Кайтагской земли. Все остальные население—раяты, евреи, терекмейцы находились на положении крепостных. Кроме барщинных работ на своего владельца они платили следующие подати: «каждый, кто имел пару быков или буйволов, обязан был платить 20 саб (25 пудов) пшеницы и 5 саб яч-

меня, помимо этого, с каждого дома от 1 до 6 саб пшеницы¹. За каждый пуд собранной марены крестьянин должен был платить пошлину в размере 10 коп. серебром. С тех жителей, которые занимались шелководством, с каждого сада взималось 2 мотка шелку и 1 саба шелковичных семян. Все жители обязаны были платить установленную плату за пользование пастбищами. Уцмий натурой взимал налог с фруктов, винограда, орехов и т. п., а с селения Кубачи он брал пошлину за провозимый шелк—по червонцу с каждого вьюка.

«1. С каждого дома, имеющего пару рабочих быков,—2 капана, не имеющие скотины—1 капан пшеницы;

2. Рубили хворост для бекской марены;

3. Набивали в хоралы марену и возили в гор. Дербент;

4. Кто имел сенокосное место, обязан был давать беку одну арбу сена;

5. Раяты обязаны были покрывать для бека марену в продолжение рабочего дня;

6. По требованию бека раяты обязаны были провести какаву;

7. Раятские жены обязаны были смазывать крышу бекского дома и чистить пшеницу;

8. Нукеры обязаны были нести бекские службы;

9. Раяты обязаны были везти бекскую пшеницу на мельницу для перемола;

10. Доставлять беку в нужном количестве дров и хвороста;

11. Неимеющий скотины обязан был нести бекскую службу;

12. Раяты обязаны были возить дрова и уголь в гор. Дербент в дом бекского кунака, у которого бек останавливался;

13. Возить бекские семена к пахотным полям и засеивать их вовремя;

14. Жать бекский хлеб;

15. Возить на хорманы снопы, а зерно с хорманов в бекский дом;

16. Скосить бекское сено, убрать его в стоги и во время поливать бекское сенокосное место;

¹ Комиссия для окончания сословно—поземельных дел в частях Кавказского края (ЦАУ Грузии, д. 9, л. 22, 1866 г.)

Положение крестьян в Табасаране и Дербенте было не менее тяжелым. Вся земля была сосредоточена у табасаранских беков, они являлись полновластными хозяевами над подвластным им населением. Барщинно-отрабочная система эксплуатации крестьян здесь была сильнее, чем где бы то ни было в пределах Дагестана. Раяту в Табасаране приходилось выполнять все полевые и строительные работы на бека, кроме того платить свыше 35 видов различных податей. Жители селения Мурага должны были отбывать в пользу бека следующие 40 повинностей:

¹ Постановление кайтагского уцмья Рустам-хана («Сборник сведений о Кавказских горцах», вып. 1, стр. 80).

² Записка о сословно—поземельном строе в Кайтаге (ЦАУ Грузии арх. 3, ф. 65, 1866 г.).

17. Кто имел овец, тот должен был давать ежегодно беку два барана;

18. Все раяты в год один раз должны были доить свою скотину и все молоко отдавать беку;

19. Кто сеял сорочинское пшено, должен был дать беку один капан чалтыка;

20. Кто не сеял сорочинского пшена, а приобретал на стороне, тот должен был отдавать беку одну сабу чалтыка;

21. Кто сеял сорочинское пшено на бекской земле, один бель должен был засеивать для бека;

22. С виноградного сада бек получал одну корзину винограда. При окончании сбора всего винограда, бек получал большую корзину зрелого и такую же корзину незрелого винограда для давления из него сока;

23. Из сваренного виноградного нарбека бек получал горшок нарбека;

24. Раяты имевшие фруктовые сады или деревья обязаны были отдавать беку плоды с одного дерева;

25. Доставлять в нужном количестве яиц и кур;

26. Отдавать беку для верховой езды свою лошадь;

27. При постройке беком жилища, раяты обязаны были приготовить строительный материал и привезти к месту стройки;

28. Строить для бекской скотины кочму или чалу своими средствами;

29. Привезти камышу и покрыть бекский саманник;

30. По случаю свадьбы бека или его сына раяты и нукеры обязаны были делать беку подарки деньгами;

31. При вступлении раята в брак, он обязан был дать беку 1 ковер, 1/2 барана, 2 са крупы, 1 ваш масла;

32. При выдаче замуж дочери раята в другое селение жених должен был дать беку 10 руб., а с вдовы 5 руб., бекскому конюху 50 коп. и одну маленькую переметную сумку;

33. Если раят дочь свою выдавал за жителя мюшкурского магала, или в гор. Дербент, размер денежной уплаты определялся самим беком;

34. За преступление совершенное раятом, с виновного в пользу бека взыскивался один буйвол;

35. За послушание и уклонение от бекской или казенной службы с виновного взыскивался в пользу бека штраф—5 руб. серебром;

36. Из денег полученных в уплату за кровь, бек получал 100 руб. серебром;

37. Каждый год бек отдавал сельскую марену на откуп промышленнику за условную цену для покупки красного товара;

38. За каждый проданный раятом пуд марены бек получал 25 коп. серебром;

39. Раяты обязаны были нести караульную службу во дворе бекского дома;

40. Раят занимавшийся пчеловодством обязан был дать беку пол сабы меду»¹.

Крестьяне в Дербентском ханстве, сверх работных повинностей на хана от 5 до 7 дней, платили натуральные повинности в размере 1/10 части собранного урожая и денежную ренту в сумме 3 руб.

Еще тяжелее было положение крестьянства в Кази-Кумухском ханстве. Вся земля, пригодная для обработки, и пастбища находились у потомков ханского рода. На долю крестьянского населения падали незначительные малопригодные для обработки, клочки земли. Основная же масса крестьян в Кази-Кумухском ханстве вовсе не имела пахотной земли. В силу отсутствия пахотных земель, достаточных для удовлетворения прожиточного минимума, у лакцев вошло в обычай ежегодно, начиная с осени и до лета, отправляться на заработки. Отходничество было одним из важнейших средств к жизни для безземельного лакца. Он изучал какое-нибудь ремесло — слесарное дело, лужение, сапожное дело, кузнечное дело, золотых и серебряных дел и т. д., но большинство лакцев в отходничестве батрачили и работали чернорабочими—землекопами. О распространении отходничества среди лакцев сохранилась в народе поговорка: «Подыми любой камень—найдешь под ним лакца». В Кази-Кумухском ханстве зависимое крестьянство обязано было платить с пастбищ особые подати, известные под названием: лавмач, канит-равало, ханхар, барних, архикулбу, бенс-кетю, арасра, чукламо и т. д.²

В Аварском ханстве земель пригодных для обработки было очень мало, а то, что было, являлось собственностью ханского двора. Каждый мало-мальский пригодный клочок земли на какой бы то ни было высоте обрабатывался крестьянами, и часто для орошения его крестьяне проводили к нему за 15 километров воду, без которой на нем ничего не произрастало³.

Недостаток в пахотных землях был общим явлением для всего нагорного Дагестана. Острый недостаток в земле дал основание

¹ Комиссия для окончания сословно—поземельных дел в частях Кавказского края (ЦАУ Грузии, д. 9, лл. 3—4. 1866 г.)

² Записка по делу о земельных правах потомков бывш. казикумухских и кюринских ханов (ЦАУ Грузии, ф. 79, д. 16, лл. 3—10).

³ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1 стр. 502.

для возникновения среди горцев известного предания, рисующего горскую действительность той эпохи. Один трудолюбивый горец,—говорится в этом распространенном предании,—желая выиграть время и скорее закончить работу, с вечера отправился в поле с быками и сохой и к ночи прибыл к своему участку. Раскинув бурку на земле, он улегся и заснул крепким сном. На утро он легко нашел соху и быков, но своей земли он никак не мог отыскать. Раздосадованный тщетными поисками, горец решил ехать обратно в аул и только тут заметил, что земля его, оказывается находилась под его же собственной буркой.

Из перечня феодальных податей и повинностей по различным феодальным образованиям в Дагестане видно, что раяты—низшая узденская категория в Дагестане—находилось в личной и имущественной зависимости от своих беков. К концу XVIII и началу XIX века в ханствах Аварском (селение Ках) и Казии-Кумухском (селение Кадрух и Читрух)¹ и шамхальстве Тарковском имелись целые поселения рабов. Категория домашних рабов уже отмирала и к середине XIX века мы находим их в незначительном количестве. Но еще в начале XIX века домашнее рабство играло видную роль в экономике Дагестана, а в XVIII веке дагестанские феодалы занимались работорговлей на восточных рынках.

Одним из главных центров торговли в нагорной полосе Дагестана была Андия, «здесь шла точно такая же торговля невольниками, как в знаменитом кумыкском ауле Эндеры»². Богатая пастбищами и стадами овец, Андия выделяла для продажи сукна, войлок, и бурки славившиеся среди всех соседних племен и народов. По тогдашним подсчетам, в Андии ежегодно выделялось до 8 тысяч бурок³ для сбыта. Торговля была главным образом, меновая и взамен своих товаров андийцы получали соль, кукурузу, железо, оружие, которое привозилось из Кубачей и даже из Персии и Турции.

Наряду с теми феодально-крепостническими образованиями, которые обрисованы выше, в нагорном Дагестане сохранились и союзы «вольных» обществ: даргинское, лезгинское, койсубулинское, гумбетовское, ункратлинское и другие. За обладание ими между дагестанскими ханами происходила ожесточенная борьба.

Чтобы понять социальную природу тех отношений, которые существовали внутри «вольных» обществ, необходимо познакомиться с основными принципами их политического устройства. Во главе

союза обществ стояло выборное лицо, которое именовалось большей частью кадием. В его функции входило решение внутренних и внешних вопросов, касающихся всего общества и он являлся организатором и руководителем вооруженных сил всей общины. За кадиями стояли родовые старшины, которые по рекомендации кадия выбирались тухумами из членов почетного и сильного тухума. Далее следовали второстепенные должностные лица, известные под общим названием нартов, в число которых входили сельские старшины—монгуши, будуны, избираемые также всем джамаатом¹. Кроме перечисленных должностных лиц, каждый тухум имел своего родоначальника, им являлось всеми уважаемое лицо, «которому каждый из членов обязан сообщить обо всем случившемся и к которому он должен обращаться за советом даже в делах семейственных»².

В начале XIX века внутри союзов общин можно было наблюдать процесс разложения общинных порядков и складывания раннего феодализма. В качестве признака распада общинных отношений и складывания классовых порядков можно указать хотя бы на то, что в союзах общин должность кадия из выборной сделалась наследственной.

Мы уже указывали, что Дагестан к концу XVIII века не составлял целого государства. Большая часть страны распадалась на 9 феодальных, независимых друг от друга ханств (Аварское, Казии-Кумухское, Мехтулинское, Кайтагское, Табасаранское, Дербентское, Тарковское, владения Аксаевских и Андреевских князей) и на множество общинно-территориальных союзов сельских обществ. В общем весь Дагестан дробился на 75 и более частей, и каждая из них представляла собой самостоятельный удел, где сидели «независимые» феодальные князьки. Между ними происходили постоянные распри, межусобицы и войны, которые экономически ослабляли Дагестан. В результате насилий и грабежей феодалов положение крестьянина—горца становилось невыносимым. Росло недовольство крестьян существующим режимом.

К концу XVIII века Дагестан стал ареной борьбы между тремя государствами—Турцией, Персией и Россией. Каждая из этих стран стремилась превратить Дагестан в объект колониальной грабежа и эксплуатации. С этой целью применялся подкуп местных дагестанских ханов, натравливание друг на друга ханов различных ориентаций, чтобы ослабить влияние одной из заинтересованных в захвате Дагестана стран и тем самым упрочить свое

¹ Сведения о видах крепостной зависимости существовавшей у туземного населения Дагестанской области (ЦАУ Грузин, д. 21—19—22 сч 8711, 1865 г.)

² Н. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, стр. 500.

³ Там же.

¹ Максим Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, т. 2, Москва, 1820 г., стр. 161.

² Там же, стр. 152.

влияние. Бывали случаи, когда боровшиеся за влияние в Дагестане государства непосредственно вмешивались в завязавшуюся между ханами борьбу и оказывали прямую поддержку войсками. От этой борьбы ханов и от иноземных войск сильно разорялось крестьянство Дагестана, особенно южных районов и кумыкской равнины.

Таково было положение Дагестана накануне царского завоевания. Примерно такое же было и положение Чечни.

Первые, более или менее точные сведения о чеченском народе относятся к XVI веку, к периоду начала наступления царизма на северо-восточный Кавказ и захвата района нижнего Терека. Чечня точно так же, как и Дагестан делится на горную и плоскостную или равнинную. Это—богатый сельскохозяйственный район, который своим хлебом снабжал не только горные районы, но и нагорный Дагестан. Сподвижник Шамиля, Абдурахман, говорит, что «чеченская земля была изобильная, с дешевым фуражем и продовольствием». В нагорной Чечне господствующей отраслью хозяйства было скотоводство; хлебопашество и садоводство играли вспомогательную роль.

Социальное развитие Чечни и Ингушетии во многом напоминало Дагестан. И здесь с районами охватившими феодальным развитием, имелись и свободные общества. Основное население Чечни и Ингушетии составляли вольнолюбивые уздены. Как и в Дагестане в Чечне силы были тухумные организации, тайп и адатные отношения.

К началу XIX века общественный строй в Чечне вступает в более глубокий процесс феодализации. «Управление Чечней, — писал командующий Кавказской армией генерал Ермолов, — разделено из рода в род между несколькими фамилиями, кои почитаются старшинами, имеющими сильнейшие связи с людьми богатыми, более уважаемыми».¹

2. КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ ЦАРСКОЙ РОССИИ НА КАВКАЗЕ ДО НАЧАЛА XIX СТОЛЕТИЯ

Феодально-крепостническая Россия давно стремилась овладеть Кавказом. По мере укрепления и роста русского национального государства вопрос о захвате северного Кавказа и Закавказских стран становится одной из основных задач самодержавия.

Захваты на северо-восточном Кавказе и в Закавказье в конце XVIII и в начале XIX столетия не являются случайными в завоевательной политике царской России. Продвижение на Кавказ

было подготовлено всем ходом колониальной политики царизма, проводившейся в течение сотен лет. Оно вытекало из самой природы русского феодально-крепостнического государства. Стремление к захвату рынков сбыта, сырьевых баз и торговых путей, шедших к восточным рынкам, было положено в основу захватнической политики царизма на Кавказе.

История завоевания Кавказа—это непрерывная цепь набегов и карательных экспедиций царских войск, встречавших со стороны северо-кавказских горцев и закавказских народов сильное вооруженное сопротивление. Многолетняя борьба отмечена жестокостями и огромными жертвами с обеих сторон.

Начиная с конца XV столетия, московские цари ведут усиленные дипломатические сношения с Прикаспийскими и Закавказскими странами. Первое известие об официальных сношениях кавказских владельцев с Россией относится к 1492 г.; в летописи за этот год говорится о приезде Мурада—посла кахетинского царя Александра I — к великому князю Ивану III. С этого времени дипломатические связи московских царей с закавказскими владельцами становятся взаимными и особую силу и значение приобретают в период царствования Ивана IV, который отправил на Кавказ с различными целями и задачами ряд посольств.

В 1556 году войска Ивана Грозного захватывают город Астрахань—столицу ногайских татар. Весь волжский путь оказался в руках московских царей. Одна из самых больших водных артерий—река Волга—стала русской, и по ней русские купцы спускались к Каспийскому морю.

Утверждение в устьях Волги открыло русскому государству в Прикавказье целый мир мелких владений, между которыми происходили постоянные войны и междуусобицы, облегчавшие московскому государству захват этих стран. Обладание Каспием вело к владычеству над этими раздробленными прикаспийскими провинциями, к монопольному владению торговыми путями, идущими к странам переднего Востока.

Вслед за утверждением русского владычества в Астрахани, сношения Московского государства с северо-кавказскими народами приняли оживленный и систематический характер. В год покорения Казанского царства, а именно в 1552 г., в Москву приезжают два черкесских князя с просьбой принять их в подданство и оказать помощь против турецкого султана и его вассала—крымского хана. Это был период усиленной борьбы между Турцией и Ираном за овладение западным Кавказом. Местные феодалы искали себе более сильного союзника, который мог бы их взять под свою власть и оказать им в нужное время помощь против турецких захватчиков.

¹ Ермолов, Записки, т. 2, стр. 21.

Московские цари охотно шли навстречу желанию северо-кавказских и закавказских владельцев перейти под протекторат России.

Летом 1557 г. приезжают два кабардинских князя—Темрюк и Тизрюк—с просьбой принять их в подданство и оказать им помощь против набегов шамхала Тарковского, одного из наиболее сильных владельцев на северо-востоке Кавказа. В свою очередь и он не раз подвергался нападению, ибо в то время феодальные князьки вели непрерывную борьбу за расширение объектов эксплуатации и захват земель. Любопытно отметить, что в том же 1557 г. шамхал Тарковский также обратился к московскому царю с просьбой оказать ему помощь против усилившихся набегов кабардинских и черкесских владельцев.

Приблизительно к этому времени относится образование русского гребенского казачества, расселившегося пятью станицами между Терекom и Сунжей. Гребенские казаки в 1555 г. принимают участие в посольстве кабардинских князей к московскому царю. Иван Грозный «дарит» казаков Терекom, он хочет вовлечь их в орбиту своей колониальной политики на Кавказе.

Ивана IV интересовало экономическое состояние земель кавказских владельцев. Известно, что в 1556 г. по его распоряжению из Астрахани в Кахетию был направлен толмач Русин Данилов с целью ознакомления с экономическим и политическим состоянием Грузии. В результате дипломатических отношений московское государство постепенно шаг за шагом укрепляло свое влияние на кавказской почве на берегах Терека и Сунжи. Иван Грозный имел даже родственные связи с кабардинскими князьями; он вторым браком женился на Марии Темрюковне и построил крепость на Тереке, гарнизон которой состоял из ратных людей московского государства. Казаки прочно водворяются на берегах Терека, Малки и нижней Сунжи, образуя в 1567 г. Терское воеводство, а впоследствии, с 1577 г.,—терское и кизлярское казачье войско.

С воцарением Федора Ивановича сношения Москвы с Кавказом еще больше упрочиваются. При нем в Кахетию были направлены монахи-иконописцы и всякого рода «учительные люди», которые должны были способствовать укреплению русского влияния в Грузии и вести миссионерскую пропаганду.

Первый поход московского царя на Кавказ был осуществлен под видом защиты царя Александра Кахетинского от набегов шамхала Тарковского. Действительно, шамхал Тарковский в то время притеснял кабардинских князей и своими стремительными набегами угрожал независимости Кахетинского царства. В 1586 г. послы Александра были в Москве и били челом, чтобы государь принял их народ в подданство и спас от великого утеснения шам-

хала. После этих официальных визитов Москва и Александр согласились совместными усилиями пойти против шамхала, лишить его столицы Тарки и поселить на его место Александра.

В 1594 г. из Москвы была снаряжена экспедиция против шамхала Тарковского во главе с боярином Хворостинным. Весною 1594 г. русское войско в количестве 2900 человек было в Астрахани и оттуда двинулось на Терек. Присоединив к себе терских и гребенских казаков, пошли на реку Койсу. Этот пункт был назначен для соединения с войсками кахетинского царя Александра. Шамхал с тарковцами, кумыками, ногаями встретили русских на реке Койсу. Под сильным натиском он вынужден был отступить. Столица шамхала Тарки не была укреплена и Хворостинину удалось захватить ее. Русский воевода начал укреплять Тарки и строить на захваченной кумыкской земле царские крепости. Так была основана на берегу Сулака крепость Койсу.

Население кумыкской земли во главе с чабан-шамхалом Тарковским восстало против новых хозяев. Шамхальцы, окружили крепость Тарки, держали русских в блокаде, а подкрепления, обещанные из Грузии не подходили. К восставшим кумыкам присоединились аварцы. Хворостинин вынужден был отступить на Терек, потеряв во время схватки с объединенными силами горцев 3000 солдат.

Десять лет спустя, в 1604 г., царь Борис Годунов снарядил под командованием воевод Бутурлина и Плещеева новый поход в Дагестан.¹ С 10-тысячным отрядом двинулись они на Тарки. Предварительно было достигнуто соглашение с кахетинским царем о присылке войск для совместных действий против шамхала Тарковского. По пути к Таркам воеводы построили две крепости на Сулаке и Акташе. Шамхал в свою очередь был занят сосредоточением своих войск для отражения наступающих. Из Аксая Андрея и других мест к нему стекалось множество горцев.

Воеводы не решались одни выступить против шамхала и решили ждать помощи грузинского царя. Не дождавшись, они пошли на приступ. Около Тарков завязался бой, который для обеих сторон стоил больших потерь. Тарки были захвачены и подвергнуты сильному разрушению. Вблизи Бутурлин выстроил новую крепость, поселив в ней русский гарнизон.

Однако владычество московских князей в Дагестане было недолговечно. Пока воеводы были заняты возведением крепости Султан-Мута, сын шамхала успел поднять весь Дагестан. С огромны-

¹ Летопись русская по Никоновскому списку, ч. 8, стр. 51—53.

ми полчищами горцев он двинулся на Сулак, уничтожил крепостн, истребил русские гарнизоны, а потом двинулся к Таркам.¹ Объединенными силами восставших горцев царские войска были истреблены. В бою был убит и Султан-Мута.

Таков был исход первого значительного похода царизма в Дагестан.

До царствования Петра I больших и организованных походов из России на Кавказ уже не было. Но сношения с Кавказом не были прерваны. Напротив, в последующий период эти сношения участились и приняли регулярный характер. Московские цари принимали добывавшихся подданства послов Кабарды, Черкесии, Дагестана, Закавказья и в свою очередь также посылали посольства на Кавказ. Известно, что в 1647 и 1654 гг. были снаряжены посольства из Москвы в Кахетию к царю Теймуразу с подарками на 10000 руб. и деньгами. Особенно оживлены были дипломатические сношения с грузинскими царями и кабардинскими князьями.

К началу XVIII века район нижнего течения Терека принадлежал царской России, экспансия которой продвигалась на юг, к надтеречной равнине. Этому оказывали довольно упорное сопротивление чеченцы. В частности, в 1707 г. они захватывают и сжигают расположенную в устьях Терека русскую крепость Терки.

Новые походы на Кавказ были возобновлены Петром I. В период его царствования Кавказ становится ареной борьбы не только между Персией, Турцией и Россией но и между западно-европейскими странами. Кавказ делается частью восточного вопроса, ибо он был связан с черноморской проблемой, а последняя, в свою очередь, Дарданеллами. Обладание Кавказом в значительной мере облегчало завоевание Каспийского и Черного морей.

В 1711 г. по указанию Петра I на левом берегу Терека были заложены 5 казачьих станиц гребенского казачества. Этим самым было положено основание так называемой Кавказской военной линии. Вслед за тем Петр I начал военный поход за обладание прикаспийскими провинциями, принадлежавшими в ту пору Ирану. Этому властно требовали интересы русских помещиков и купцов, которым нужны были торговые пути на Восток, в Среднюю Азию, Индию и Иран. К войне с персидским шахом Петр I готовился тщательно. Он заранее сговорился о помощи с грузинскими князьями и армянскими купцами. Сам поход он организовал и сухопутными и морскими путями.

18 июля 1722 г. Петр I с пехотными полками отплыл из Астрахани; конница шла сухопутным путем из Царицына по направлению к Дербенту. Численность армии по официальным подсчетам

равнялась 100 с лишним тысячам человек.¹ 27 июля войска Петра уже высадились на кумыкской земле. В этот же день были посланы войска для занятия Андреевской деревни.

На подступах к аулу горцы построили засады. Сопротивление оказали и жители других аулов. Войска гибли и чтобы сломить это неожиданное сопротивление был послан усиленный отряд под командованием полковника Наумова. Его войскам после упорной борьбы удалось захватить Эндрей-аул и прилегающие селения.

6 августа Петр I выступил в поход к Таркам и 12 августа войска его находились уже на расстоянии 5 верст от аула. Навстречу Петру явился шамхал тарковский Адиль-Герей и изъявил свою покорность и преданность. Царь щедро наградил его и последующие 2—3 дня гостил у шамхала.

16 августа войска Петра выступили в поход к Дербенту. Сильное сопротивление оказали в пути жители аула Утамыш. Посланцев Петра утамышцы истребили, а сами стали готовиться к вооруженному сопротивлению. Петровские войска разорили аул, вытоптали поля и истребили часть жителей. Ряд схваток пришлось выдерживать петровским войскам также с населением Кайтага и других аулов.

22 августа Петр I подошел к Дербенту. За версту от города его встречал дербентский наиб имам Кули. Он вручил царю два серебряных ключа от городских ворот. За мирную сдачу города и объявление покорности Петр пожаловал паиба званием генерал-майора ландмилиции.

Вслед за Дербентом были заняты и восточные ханства Закавказья. Для поддержания спокойствия во вновь завоеванных странах Петр I заложил на Сулаке крепость «Святой Крест».

Оккупацией Каспийского побережья Петр I нанес сильный удар могуществу Ирана. Однако, позже, когда на персидский престол взошел Тахмас-Кули-хан, мощь Ирана вновь стала возрастать. Новый шах, принявший имя Надира, жестоко расправился с беспорядками внутри страны. Затем он совершает целый ряд завоевательных походов и, в частности в 1735 г. разбивает турок вблизи Багдада, отвоевав прежние области.

В числе прежних иранских провинций был Ширван и Дагестан. Однако горцы не признали над собой власти нового шаха. Поэтому в 1734 г. Надир предпринимает поход в Дагестан.

К тому времени в силу внутренних неурядиц в России при приемниках Петра I, влияние царизма на Кавказ ослабевает. Горцам грозила опасность попасть снова под персидское иго. Дагестан

¹ В. Потто, Кавказ до Петра, СПб, 1896 г., стр. 8—10.

¹ И. Г. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1805 г., ч. I, гл. 3

156847

восстал, и в 1741 г. Надир-шах вынужден был собрать 100-тысячную армию и лично выступить против восставших. Однако с самого начала шах терпит неудачи. Горцы оказывают персидскому завоевателю упорное сопротивление. Надир-шаху пришлось простоять целую зиму около Дербента и только в конце 1742 г., с получением дополнительных сил, ему удается проникнуть в нагорный Дагестан. Надир-шах с боем овладевает Кумухом, а оттуда двигается через гору Турчи-Даг в Аварию. Но к Согратлю и Чоху со всех концов были стянуты силы горцев, готовившихся к решительному отпору иноземным захватчикам. В декабре 1742 г. под Чохом столкнулись персидские захватчики и горские народные массы, отстаивавшие свою независимость от иноземных поработителей. Войска шаха после длительного боя были разбиты наголову, шах бежал к Дербенту. Иго иранских захватчиков было окончательно сброшено с плеч дагестанских народов.

Со второй половины XVIII столетия, в связи с колониальными задачами на Кавказе, царская Россия стала осуществлять систематическое вооруженное наступление на Кавказ. Для России Кавказ был еще малоизвестным краем, поэтому именно тогда начинается активное изучение Кавказа. К этому привлекаются и русские и западно-европейские ученые. За короткий срок на Кавказе побывало немало исследовательских экспедиций, например Гмелина, Гильденштета, Ст. Вонявина, А. Кирхнера, Гербера, Палласа и др.

В 1763 г. был заложен город Моздок. Кавказская военная линия, имевшая огромное значение в общей системе, оказалась таким образом продленной от Кизляра до Моздока.

Что представляла собою Кавказская военная линия? Это была полоса заселенная вооруженным русским казачеством, цепь станций и крепостей, расположенных по течению Терека, на подступах к Чечне и к Дагестану. По этой линии тянувшейся от Терека по течению Кубани вплоть до берегов Черного моря, располагались терское, волжское, черноморское казачество. Царизм превращал его в орудие своей колониальной политики, делал своей основной опорой в борьбе за Северный Кавказ и Закавказье. Из года в год за счет захвата лучших земель у горцев царизм расширял свою Кавказскую военную линию.

С самого начала проникновения на Кавказ царизм опирался на местных кавказских и закавказских владельцев и родовую аристократию. Горских феодалов царизм подкупал деньгами, награждал чинами, и грамотами на лучшие земли горских крестьян. У тех народов, у которых не было крупных собственников, в частности в Чечне, царизм искусственно насаждал класс земельных собственников, на которых можно было бы опереться в осуществлении колониальных задач.

Ко второй половине XVIII столетия царизм развернул среди горских народов миссионерскую пропаганду. Миссионерство также играло весьма важную роль в истории колониальной политики царизма на Кавказе. К этому делу было привлечено грузинское и армянское духовенство. Миссионеры действовали в Кабарде, Чечне, Осетии и Ингушетии. За четыре года они сумели в этих областях окрестить тысячу с лишним человек, а между 1771 и 1791 гг. было окрещено более 5000 человек.

Следующим мероприятием, усиленно проводившимся царизмом, было насаждение духовных школ с целью руссификации горцев. В этих школах царские чиновники из самих горцев готовили кадры для миссионерской пропаганды в горах. Первая такая миссионерская школа была основана в 1764 г. в городе Моздоке.

К концу XVIII столетия линия русских укреплений продвинулась до Терека. Чеченцы, кумыки и другие народы уже успели испытать на себе грабительские действия царских войск, насилие офицеров и чиновников. Гнет царизма имел своим результатом крупнейшее восстание 1785—1787 гг. чеченских и дагестанских крестьянских масс, под руководством пастуха Мансура из селения Алтыкабака. Это восстание развернулось под лозунгом «газавата» — войны против неверных. Мансур стал проповедовать идею объединения всех горских народов для совместной борьбы против царизма. В короткий срок слава Мансура распространилась далеко за пределами Чечни. О Мансуре говорили на кумыкской равнине и в горах Дагестана, как об освободителе крестьян от жестокой феодальной эксплуатации ханов, беков и от колониального гнета царизма. Недовольные и эксплуатируемые раяты, чагары и уздени из селений Казанище, Губден, Хунзах, Эрпели, Карабудахкент, Каякент, и Кумух партиями и по одиночке стали стекаться к руководителю движения — имаму Мансуру. Основное ядро мансуровских войск составляли чеченцы, кабардинцы, лезгины, кумыки, и ногайцы. Они находились на передовых позициях в борьбе с царскими войсками. Это было общее движение северо-кавказских горцев за свою независимость против колониальных захватов царизма.

Восстание, происходившее под руководством Мансура, было направлено не только против колонизаторов, но и против срастившейся с ним местной феодальной знати. Восставшие горцы пытались взять крепость Кизляр, но были разбиты. Так окончилось движение, поднятое Мансуром. Чеченцы и дагестанцы и после этого не раз поднимали восстания, но каждый раз эти восстания беспощадно подавлялись царизмом.

В интересах своей колониальной политики царское правительство использовало в частности национальную разношерстность

Кавказа. Царизм намеренно стал культивировать вражду между северо-кавказскими народами, стал натравливать их друг на друга. В то же время все больше и больше становилось казачьих станиц и военных крепостей. Для них отводились лучшие плодородные земли Кабарды, Чечни, Черкессии и Дагестана. Лучшие земли царские администраторы раздавали своим верным агентам—местной феодальной знати и офицерам.

Управление Кавказом претерпевало ряд изменений. Первым инспектором Кавказской линии был майор граф Иван Медем. Затем было учреждено губернаторство, и 2 февраля 1784 г. известный Потемкин был назначен генерал-губернатором Астраханским и Кавказским. Наконец, в 1790 г. была учреждена должность командующего войсками на Кавказе; на этот пост был назначен генерал-аншеф граф Гудович.

Это был период царствования Екатерины II, с именем которой связан захват новых земель и порабощение народов Крыма, Украины, Кавказа и дальнего севера. Войска Екатерины уже проникли в глубь Северо-Восточного Кавказа и успели построить значительное количество крепостей.

С царствованием Екатерины связан и известный поход под командованием Зубова через Дагестан и Азербайджан—в Грузию.¹ Обстоятельства похода таковы.

В конце XVIII века Астрабадский Ага-Магомед-хан захватывает в Персии шахский престол. В 1735 г., укрепив свои позиции в Персии, он переходит с войсками реку Аракс, опустошает Эривань и Карабах, вступает в Грузию, грабит и разоряет город Тифлис, овладевает Азербайджаном и начинает угрожать другим Прикаспийским провинциям.

Все это противоречило колониальным интересам царской России. Екатерина II решила помешать Персии укрепиться на Кавказе. С этой целью она снаряжает специальную экспедицию под начальством генерала Зубова. К 10 апреля 1796 г. часть Каспийского корпуса была сосредоточена у Кизляра², а 28 апреля Зубов с войсками уже достиг реки Гимры-Озень, где и расположился. В это время дербентским ханом был сын известного Фатали-хана—Ших-Али-хан. Ших-Али-хан был одним из богатейших и могущественных владельцев на всем Северо-Восточном Кавказе: его владения простирались от Дербента до Кубы. Узнав о движении царских войск, он решил не пропускать их через Дербент и выставил 10 тысячную армию, одновременно обратившись с воззвани-

ем ко всем феодалам Дагестана и Азербайджана. Ших-Али-хану действительно удалось получить помощь гор: в Дербенте находилось ополчение из кубинцев, кази-кумухцев и кайтагцев. Ших-Али-хан укрепил стены крепости, возвел боевые башни, и зубовским войскам пришлось около месяца стоять у Дербента. Чтобы овладеть городом Зубову пришлось послать войска обходом через Табасаран. В течении месяца длились жестокие бои, стоившие больших жертв для обеих сторон. Только после месячной осады крепости Ших-Али-хан вынужден был сдаться Зубову. Убежав вслед за тем в горы, он до 1822 г. ведет непрерывную партизанскую войну с царскими завоевателями.

Зубову же после захвата Дербента удается завладеть и Азербайджаном. Лишь смерть Екатерины II помешала дальнейшему продвижению царских войск. Зубову было предложено прекратить военные действия и вернуться обратно. Через год, согласно договору, заключенному между Россией и Персией, царские войска были выведены из захваченных стран и Северо-Восточный Кавказ вновь оказался в сфере влияния Персии.

Колониальную политику Екатерины II на Кавказе продолжил Александр I. Для царизма продвижение на Кавказ в начале XIX века являлось единственным путем обеспечения прочных позиций на берегах Каспийского и Черного морей. Это нужно было для борьбы с Персией и Турцией. Для Закавказья, в особенности для Грузии, этот период характеризуется обострением внутренних и внешних политических отношений. «Перед Грузией тогда стояла альтернатива—либо быть покоренной шахской Персией и султанской Турцией, либо перейти под протекторат России»¹. Вступление Грузии под протекторат России имело для самой Грузии прогрессивное значение, поскольку Россия стояла, по сравнению с шахской Персией и с султанской Турцией, на более высокой ступени социально-экономического развития.

С присоединением Грузии к России, опустошительные набеги персидских феодалов и турецких султанов были прекращены.

¹ Русский богатырь в стенах Дербента, «Отечественные записки», 1821 г.

² Броневский. Новейшие географические и исторические известия на Кавказе, ч. 2, Москва, 1823 г., стр. 344—346.

¹ Постановление жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник истории.

ГЛАВА 2.

НАЧАЛО БОРЬБЫ ГОРЦЕВ КАВКАЗА

1. Занятие царизмом территорий на Кавказе в первой четверти XIX века и борьба горцев

12 сентября 1801 г. манифестом Александра I было объявлено о присоединении Грузии к России и назначении главнокомандующим генерала Кнорринга, которому была подчинена и вся Кавказская кордонная линия. С этого времени начинается непрерывная борьба народов Северо-Восточного Кавказа против царизма, которая окончилась лишь через 59 лет с пленением Шамиля и покорением восточного Кавказа.

Восстания против царизма начинаются с 1801 года и происходят в самых различных частях Кавказа. В борьбе против царских колонизаторов в продолжение известного периода времени принимали участие и местные кавказские владельцы — ханы, беки и старшины. Это были: Хасбулат Казикумухский, Омар-хан Аварский, Адиль-уцмий Кайтагский, Ших-Али-хан Дербентский и другие. Они добивались восстановления своей прежней политической и экономической и территориальной независимости. Наряду с этим другая часть владельцев выступила потому, что была связана с Ираном и Турцией. Дербентский хан Ших-Али и Кайтагский уцмий Адиль ориентировались на Персию; шамхал Тарковский был тесно связан с Россией и ориентировался, конечно, на нее.

Таким образом, на первых порах в борьбе с царизмом между дагестанскими феодалами не было единства. Каждый действовал по своему усмотрению. Однако в дальнейшем между феодалами было достигнуто соглашение о совместном действии против царизма. Это было обусловлено тем, что экономические и политические привилегии местных феодалов до известной степени были ущемлены царизмом. Дагестанские феодалы считали себя «обиженными».

Дело в том, что дагестанские феодалы с присоединением Грузии к России были лишены части своих доходов, которые они получали от Грузии и от своих грабительских набегов; дагестанские феодалы уводили грузин в плен и потом за большие деньги прода-

вали их в качестве рабов, с присоединением же Грузии к России этим набегам на Грузию был положен конец.

Дагестанские феодалы не сразу примирились с лишением экономических выгод, получаемых от Грузии и, начиная с 1800 г., организуют ряд походов на Грузию, пытаясь изгнать оттуда царские войска. Наиболее крупные походы были предприняты аварским Омар-ханом и казикумухским Сурхай-ханом.

Выступление Омар-хана относится к 1800 году. В его 15-тысячном отряде были акушинцы, кази-кумухцы и андийцы. По дороге в Тифлис Омар-хан был разбит отрядом генерала Ф. Ф. Сибирича. В бою пало много горцев. В июле 1801 г. аварцы в союзе с джаро-белоканцами повторили нападение на отряды казаков, расположенных по правому берегу реки Алазань и угнали табуны казачьих лошадей. Через месяц они напали около селения Велисцихе на кабардинский полк. В следующем 1802 г. аварцы во главе со своим ханом Ахмедом в третий раз нападают на пост Чикани, где была расположена часть кабардинского полка.

Таким образом, царской администрации в первые годы своего владычества в Грузии приходилось быть в постоянной мобилизационной готовности. «Чтобы очистить Закавказье,—говорит великодержавный историк,—от лезгинских шаек, надо было в продолжении 15 лет истреблять их, как истребляют хищных зверей»¹

В сентябре 1802 г. вместо Кнорринга был назначен новый главнокомандующий Кавказской армией генерал Н. Д. Цицианов, который одновременно являлся инспектором Кавказской военной линии, астраханским губернатором и главнокомандующим Грузии. Князь Цицианов, один из самых жестоких ставленников царизма на Кавказе, происходил из грузинской феодальной знати. Основной своей задачей он считал беспощадную борьбу с горскими массами, остававшимися с оружием в руках свою независимость.

Массовые крестьянские восстания на Кавказе начались вслед за присоединением Грузии к России. В 1804 г. возникло горадизное крестьянское восстание в нагорной полосе восточной Грузии. Восстали хевсуры, осетины, джаро-белоканские лезгины и другие. Восстание произошло на почве колониальной эксплуатации и национального гнета горских народов царской администрацией, чиновниками и местной феодальной аристократией.

Царизм обложил население Кавказа многочисленными повинностями и податями. В частности, городское население по военно-грузинской дороге было обложено дорожной и подводной повинностями. Военно-грузинская дорога являлась важнейшей стратеги-

¹ Фадеев, Шестидесять лет Кавказской войны, стр. 12.

ческой и торговой магистралью, соединявшей Закавказские страны с Северным Кавказом и Россией. Все работы по расширению дороги, постройки мостов и содержанию ее в порядке легли на население нагорной полосы Восточной Грузии. Колониальная эксплуатация, тяжесть повинностей и налогов толкали крестьян на восстание.

Джаро-белоканские лезгины были обложены царизмом ежегодной данью—шелком-сырцом. Однако, они категорически отказались от уплаты этой дани. На попытки царских администраторов принудить лезгин уплатить положенную дань население ответило в 1803 г. вооруженным восстанием. Центром восстания были аулы: Джары, Белоканы, и Кахети. Князь Цицианов потребовал от белоканцев, под угрозой физического истребления их, покориться и уплатить дань. Джаро-белоканцы ответили: «Приди и покажи свою силу».¹ В ответ на отказ джаро-белоканцев князь Цицианов послал такой приказ: «Неверные мерзавцы. Я вас много раз уговаривал, а вы призывали дагестанцев, и теперь хотите, чтобы я вам поверил и помиловал, да и дерзаете писать, что мне неприлично. Вы верно, думаете, что я грузин, и вы смеее так писать. Я родился в России, там вырос и душу русскую имею. Дождетесь вы моего посещения и тогда дома ваши я сожгу, из детей ваших и жен утробу выпу. Вы думаете до снытия хлеба быть покойным, но я, вас уверяю, что не будете есть вы джарского хлеба, доколе не выплатите требуемого. Вот вам, изменникам, последнее мое слово».²

Одновременно с этим ультиматумом князь Цицианов отправил в Джаро-Белоканы карательный отряд под начальством генерала Гулякова. Отряд состоял из трех батальонов пехоты и двух сотен казаков, сопровождаемых восьмью орудиями. Приказано было разорить аулы Джары, Белоканы и Кахети и выбрать на Алазани место для постройки укреплений, которые могли бы преградить лезгинам путь из Дагестана в Кахетию. Генерал Гуляков приказ Цицианова выполнил в точности: аулы были сожжены, масса людей уничтожена, а укрепления воздвигнуты. Такая же участь постигла восставших в восточной Грузии.

Восстания были подавлены. Однако набеги со стороны Дагестана не прекратились. Сурхай-хан Казикумухский предпринял опять крупный поход в Грузию. Ополчения Сурхай-хана с восставшими джаро-белоканцами подошли к Алазани и непосредственно угрожали Тбилиси. Ожидалось только прибытие Ахмед-хана. По

поводу этого похода и неповиновения аварского хана Цицианов говорил: «Не слабой мухе каков аварский хан, против непобедимого русского оружия брать гордый голос и думать утешить меня, поседевшего под ружьем». Он приказал генералу Гулякову разогнать отряды Сурхай и наказать джаро-белоканцев. Гуляков во главе четырех батальонов и одного полка двинулся против лезгин. На правом берегу Алазани завязался жестокий бой, в результате которого половина отряда казикумухцев погибла, а уцелевшая часть во главе с ханом обратилась в бегство. Гуляков в течение двух недель опустошал всю Джаро-белоканскую область. Горцы истреблялись. От упорно сопротивлявшихся аулов не осталось камня на камне.

После кровавой расправы над джаро-белоканцами Гуляков решил проникнуть в нагорный Дагестан, чтобы заодно наказать и аварцев. У генерала было достаточно войска и он не сомневался в благополучном окончании экзекуции. Этой экспедицией он надеялся положить конец сопротивлению и нападениям аварского хана и подвластного ему населения. В отряде Гулякова были такие сатрапы, как граф Бенкендорф—будущий николаевский генерал и Воронцов—будущий наместник Кавказа. Расчеты Гулякова не оправдались. Дагестан не думал смириться. Аварцы и соседние общества устроили в ущелье засаду двигавшемуся в горы отряду. В панике часть солдат обратилась в бегство сшибая друг друга с ног. Аварцы и закатальцы с обнаженными шашками ринулись в головной отряд царских войск. Значительная часть армии Гулякова была уничтожена а сам генерал убит.

Вслед за подавлением восстания в Восточной Грузии и Джаро-Белоканах Цицианов захватил ряд областей в Закавказье. В течение 1803—1805 гг. были присоединены к России княжества Имеретинское, Гурийское и Мингрельское и ханства Карабахское и Ганджинское. В 1806 г. Цицианов предпринял несколько походов к берегам Каспийского моря. В результате были захвачены Ширван и Баку. 8 февраля 1806 г. Цицианов в сопровождении своего адъютанта князя Эриванского и казаков направился к крепости Баку принять от Гусейн-Кули-хана Бакинского ключи от крепости. Гусейн-Кули-хан в сопровождении своей свиты выехал навстречу Цицианову. Когда обе стороны приблизились, один из сопровождавших хана в упор выстрелил в Цицианова и Эриванского. Оба были убиты наповал, а войска, стоявшие поблизости от города под начальством Завалинина, не приняв боя, поспешно отступили от Баку в сторону шамхальского владения.

Гусейн-Кули-хан отрубленную голову Цицианова послал шаху Бабахану в Тегеран. Таков был бесславный путь «грозного князя». После убийства Цицианова из Кабарды в Баку был двинут

¹ Завоевание Кавказа (1801—1864), СПб, 1880 г., стр. 17.

² Акты собранные кавказской археографической комиссией, т. 2, стр. 691.

отряд под начальством генерала Глазенапа. По пути Глазенап при помощи шамхала Тарковского захватил Дербент, однако овладеть Кубинским и Бакинским ханствами ему не удалось.

На Кавказ был назначен новый главнокомандующий граф И. В. Гудович. Вместо Глазенапа командующим действующей армией Гудович назначил генерала Булгакова, занявшего 3 сентября 1806 г. Баку и вслед затем Кубинскую провинцию; Карабах, а затем и Шекинское ханство отошли к России.

После убийства Цицианова имеретинский царь Соломон поднял восстание, лезгинцы вновь начали свои набеги на Грузию. Поднялись опять и джаро-белокапцы. В Кахетии и в Карталинии происходили большие крестьянские волнения. Тревожно было и на Северном Кавказе. Престарелый Гудович не в силах был справиться с восстанием, происходившим повсеместно. Персы, воспользовавшись удобным моментом, вторглись в Закавказье, чтобы вернуть Ирану отнятые Цициановым области.

Для царизма наступил период прямой угрозы потерять покоренные области на Кавказе, а народам Кавказа вторжение шахской Персии грозило опустошительными набегами и разорением.

Получив дополнительные войска, Гудовичу с большими усилиями удалось подавить восстания и отразить наступление Персии. Но зато наступал не менее опасный для России враг—султанская Турция. В 1806 г. началась русско-турецкая война, затянувшаяся на 5 с лишним лет.

В течение 10 лет после Цицианова на Кавказе сменилось четыре главнокомандующих—граф Гудович, генерал Тормасов, Маркиз Пауллуччи и генерал Ртищев. При Пауллуччи весь Кавказский край для удобства административного управления был разделен на Закавказье и Северный Кавказ. При нем же в Дагестане вновь усилились волнения. Казикумухский и аварские ханы грозили увлечь за собой вновь присоединенные ханства. Это обстоятельство заставило Пауллуччи послать в Кубинское ханство военную экспедицию под начальством генерал-майора Хатунцова. В 1811 г. у аула Рустовой отряд Сурхай-хана был разгромлен, а Кюра занят. В 1812 г. было образовано новое кюринское владение, отданное в управление на ханских правах племяннику и непримиримому врагу Сурхай-хана—Аслан-беку. Для защиты нового владения от Сурхай-хана и его приверженцев в селении Курах был водворен новый гарнизон.

В 1812 г. восстанием была охвачена вся Кахетия. Маркиз Пауллуччи в рапорте Александру I так определял причины кахетинского восстания: «Оно вызвано безнравственностью, царствующей здесь между российскими чиновниками, отчего произошли чрезвычайные злоупотребления, непомерным количеством требуемых

подвод и худым распоряжением по этой части; медленностью российского судопроизводства; тысячами подлостей провиантских чиновников, которые они в тягость народу и к разорению казны не перестают здесь делать с самой смерти князя Цицианова».¹

Кахетинское восстание направленное не только против царской власти но и против местных помещиков, было крупным и длилось 4 с лишним месяца. Царское командование двинуло против восставших крупные военные силы. Восстание было подавлено вооруженной рукой.

По подавлению кахетинского восстания Пауллуччи был отозван Александром для действий против Наполеона, а главнокомандующим в Грузии был назначен генерал Ртищев. При Ртищеве восстанием были охвачены Дагестан, Чечня, и Кабарда. Восстали осетины, пшавы, хевсуры, тушины, которые прочно заняли важнейшие стратегические пункты по военно-грузинской дороге.

Пользуясь повсеместными восстаниями в горах, Персия вновь двинулась в пределы Закавказья, овладела Талишинским ханством и стала угрожать остальной части Закавказья.

Это было тревожное для царской России время. Наполеон с огромным войском напал на Россию. Захватив Литву и Белоруссию он двинулся на Москву. Русские войска отступали. Французские войска грозили разорением страны. Вторжение Наполеона в Россию подняло весь русский народ. Российская земля, от края до края встала на борьбу с иноземными захватчиками. В конце августа близ селения Бородино произошло знаменитое сражение, которое решило исход борьбы. Русский народ сломил могущество наполеоновской армии.

В начале октября 1812 г. против многочисленной армии наследника персидского шаха Аббас-Мирзы, стоявшего на Араксе, были двинуты русские войска под командованием Котляревского. Персидская армия была разбита на—голову. Аббас-Мирза с остатками отряда обратился в бегство. 12 октября 1813 г. был заключен Гюлистинский договор, по которому Иран вынужден был признать права России на Дагестан, Грузию, Мингрелию, Имеретию, Абхазию и ханства Карабахское, Ганджинское, Кубинское, Бакинское, и Талишинское.²

Центральный и Западный Кавказ, населенный многочисленными горскими племенами, продолжал еще оставаться независимым и враждебным царской России. Ближайшей задачей царизма бы-

¹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией т. 3. стр. 97.

² Краткий исторический обзор наиболее замечательных событий в Дагестане со времени прихода русских до 1853 г., л. 7. (рукопись хранится в кабинете истории Дагестанского научно-исследовательского института истории, языка и литературы).

ло завоевание горских народов. Однако, это оказалось много труднее, чем предполагали царские военные начальники: Центральным и Северо-Западным Кавказом пришлось овладевать в продолжение десятков лет. России для сношения с закавказскими странами необходимо было завладеть единственной военно-стратегической магистралью, проходившей по Дарьяльскому ущелью, а оно было заселено, как указано выше непокорными России горскими народами Центрального Кавказа.

Об исключительном значении Дарьяльского пути Карл Маркс писал следующее:

«Россия устремила свои жадные взоры и на устья Дуная и на Кавказский хребет. Устья еще надо завоевать, а на завоеванном Кавказе надо укрепить свое господство. Кавказские горы отделяют Южную Россию от роскошных провинций Грузии, Мингрелии, Имеретии и Гурии, отторгнутых москвитянами от мусульман. Этим ноги гигантской империи отрезаны от туловища. Единственная военная дорога, заслуживающая это название вьется от Моздока к Тифлису через узкое Дарьяльское ущелье; она защищена непрерывной цепью укреплений и подвергается с обеих сторон беспрестанным нападениям враждебных кавказских племен. Если бы все эти кавказские племена объединились под владычеством единого военного вождя, они могли бы представить серьезную опасность даже для соседних казачьих областей.»¹

Чтобы овладеть этим важнейшим путем, соединявшим Закавказские страны с Северным Кавказом и Россией необходимо было покорить племена Центрального Кавказа силой оружия. И царизм приступил к завоеванию Центрального Кавказа, где он встретил со стороны горцев исключительное сопротивление, сломить которое стоило царизму много времени, труда и человеческих жизней.

В апреле 1816 г. главнокомандующим Кавказской армией был назначен на место Ртищева генерал-лейтенант Алексей Петрович Ермолов, который еще до своего назначения бывал на Кавказе и участвовал в походе Зубова на Дербент. Ермолов «прославил» себя на Кавказе своей исключительной жестокостью по отношению к горским народам. Основной своей задачей царский сатрап считал завоевание Чечни и Дагестана—этих основных очагов непрерывных восстаний. Он говорил: «Кавказ—это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Надо штурмовать ее или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого...» Основными твердынями Кавказа Ермолов не без основания считал Чечню

и Дагестан на Северо-Восточном Кавказе, Кабарду и Черкессию—на Западном Кавказе.

Ермолов начал с Чечни. «Смирить чеченцев надобно, необходимо,—доносил он,—но меры на то должны быть взяты совсем другие, нежели до сего времени. Прежде войска наши ходили к ним в землю неизвестную, по положению почти неприступную, туда, где весь народ соединялся для защиты жен, детей и собственности. Надобно оставить намерение покорить их оружием, но отнять все средства к набегам и хищничествам. Надобно занять Сунжу и по течению ее устроить крепости,—тогда чеченцы, стесненные в своих горах, лишаются земли, удобной возделыванием, и пастбищных мест, на которых в зимнее время укрывают стада свои от жестокого в горах климата»¹.

Территория Чечни в это время была покрыта непроходимыми девственными лесами, которые служили для чеченского крестьянства естественным убежищем. Чтобы лишить чеченцев их убежищ, генерал Ермолов в разных направлениях прокладывал просеки, на большом пространстве вырубал и сжигал леса.

Покорение Чечни имело очень большое значение в том отношении, что Чечня являлась житницей Дагестана. Чеченским хлебом питался почти весь Дагестан. Для того, чтобы лишить Дагестан экономической базы необходимо было захватить Чечню.

1817 год следует считать началом агрессивных действий Ермолова в Чечне и Дагестане. Наступая на Чечню, он оттеснял чеченское крестьянство с занимаемых земель к горным трущобам, а в занятых местах закладывал военные укрепления. Царское командование рассчитывало, что чеченское крестьянство, потеряв плоскость между Терекон и Сунжей, будет вынуждено уйти в болотистые места за Сунжей, непригодные для земледелия и скотоводства, откуда чеченцам ходить в набеги будет далеко и опасно.

Началось систематическое наступление царских войск в глубь чеченских земель. Ермолов, исходя из вышеизложенных предположений, усиливает в верховьях Сунжи Назрановский редут и устраивает еще другое укрепление, вниз по течению Сунжи, в 50 верстах. Тогда же по приказанию Ермолова, приступили к постройке главной крепости в 6 верстах от ущелья Ханакале, которая была названа «Грозною».

Так постепенно чеченское и кумыкское крестьянство все глубже оттеснялось с плодородных богатых плоскостных земель на бесплодные горные районы. Царские колонизаторы шаг за шагом овладевали плоскостной частью Чечни Дагестана. На захвачен-

¹ А. Зиссерман, История 80 пехотного Кабардинского генерала-фельдмаршала кн. Барятинского полка, т. 1, СПб, 1881 г., стр. 338.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. 9, стр. 533.

ных землях горцев они пасаждали колонизаторов из кулацких элементов—из русских крестьян и казачества.

Наступление царизма не только не сломило сопротивление чеченских народных масс, а наоборот еще более его усилило. Главная масса чеченского населения, расположенная у подножья гор за Сунжей и по Аргуну совсем не думала об изъятии покорности. Она отчаянно защищалась.

Чеченское крестьянство, соединившись с горцами Дагестана, не раз делало попытки уничтожить русские крепости и поселения, расположенные по Тереку. С этой целью в июле 1818 г. было сделано совместное нападение на одну из крепостей по Сунже. По свидетельству очевидца «в течение двух часов чеченцы и лезгинцы дрались упорно, надеясь раздавить горсть наших людей, но в конце, сбитые с занятых крепких мест, вынуждены были бежать обратно за реку с значительным уроном»¹

Не имея достаточных сил и не будучи достаточно организованной для совместного единодушного наступления на царские войска, жители каждого аула начали самостоятельную борьбу. В Чечне началась партизанская война.

Постройка крепости Грозной явилась прямой угрозой для Чечни и Дагестана, в дальнейшем действовавших совместно против царских колонизаторов. Еще до Ермолова «стали доходить слухи о тайных сношениях, открытых между ними (т. е. дагестанцами) и чеченцами»². Чеченцы ездили к дагестанским владельцам и убеждали их, что постройка крепостей ничего хорошего не предвещает для всех горских народов. В Дагестане эта пропаганда стала заметно распространяться. Восстание в Дагестане постепенно нарастало. Мехтулинское ханство, Акуша, дагестанские владельцы, за исключением шамхала Тарковского, собрались на совещание и было постановлено образовать союз для борьбы с царской Россией. Во главе движения стал Ахмед-хан Аварский и старший брат его Гасан-хан Мехтулинский. Результатом этого совещания было то, что горцы объединенными силами в боевом порядке направились к Дербенту. К восставшим присоединились кайтагцы. Создавалась серьезная угроза для Ермолова. Отряду генерал-майора Пестеля, посланному для подавления восстания в Кайтаге, у селения Башлы пришлось потерпеть сильное поражение—было убито 12 офицеров и 370 солдат.

Чтобы не дать восстанию развернуться, Ермолов 25 октября 1818 г. сам выступил для подавления восстания с 4 батальонами при 15 орудиях и 4 сотнях казаков. По пути к Таркам он предло-

жил выстроить на левом берегу реки Акташ крепость под названием Внезапная для наблюдения за жителями Эндери и пресечения пути из Дагестана к Чечне. 3 ноября Ермолов прибыл в Тарки в резиденцию шамхала Тарковского, а оттуда выступил к Параулу и ночью занял его. Из Параула Ермолов отправился к селению Большой Дженгутай, в резиденцию брата аварского хана—Гасан-хана.

Дженгутай, центр Мехтулинского ханства был укреплен со всех сторон земляными валами. Здесь под ружьем находилось 15 тысяч человек. Ожидалось, кроме того, подкрепление от Акуши—около 4 тысяч человек. По прибытии войск у стен Дженгутая завязался жестокий пятичасовой бой, в результате которого аул был взят и по приказанию Ермолова предан огню и разрушению.¹ Гасан и Ахмед-хан бежали в горы. Ермолов объявил, что Мехтулинское ханство вступает в состав Российской империи, а хан Гасан лишается наследственных прав на ханство. В Мехтулинском ханстве было введено русское управление.

Взятие Ермоловым Параула и Дженгутая не ослабило борьбы горцев с царизмом и в следующем 1819 г. она вновь возобновилась. Вновь восстали акушинцы, аварцы, и жители Дженгутая. Акушинцы, дженгутаевцы и другие горцы предприняли поход во владение шамхала Тарковского. Из опасения быть захваченным, он вынужден был бежать из Тарков в русские пределы. Тарки были взят восставшими горцами. Сообщение кавказской линии с Дербентом прекратилось. К восставшим примкнули табасаранцы.

К концу августа Ахмед-хан Аварский собрав большую массу людей из разных племен, направился на кумыкскую плоскость, где и расположился в 16 верстах от строившейся крепости Внезапной. Большинство жителей Андрей-аула примкнули к нему. Присоединились также и чеченцы соседних аулов.

Чтобы приостановить распространившееся движение, генералу Ермолову пришлось 29 августа вторично выступить для подавления восстания. С большим отрядом он вышел из крепости Внезапной в сел. Бовтугай и выдержал крупный бой с отрядом Ахмед-хана. В начале горцы нанесли врагу большой урон, но прибытие новых отрядов противника вынудило их с потерями отступить в горы.

Чеченцы в этот период усилили свои набеги на русские укрепления. Поход Ермолова в Дагестан был на некоторое время отсрочен,—он приказал генералу Сысову отправиться в Чечню для усмирения восставших чеченских аулов.

Войска генерала Сысова по пути «сжигали хлеба и стоги се-

¹ Там же, стр. 340.

² С. Эссадзе, Штурм Гуниба и пленение Шамиля, стр. 24.

¹ Краткий исторический обзор, л. 8.

на, бывшие в полях»¹. Царские войска разгромили главный центр восстания, аул Дада-юрт. Сысов приблизившись к аулу потребовал от жителей «мирного покорения и освобождения аула». В ответ последовал категорический отказ. По приказу генерала по аулу был открыт орудейный огонь. Восставшие покинули передовые позиции и засели в каменных саклях. Дада-юртовцы, по словам очевидца и участника боя, дрались «отчаянно, каждую саклю приходилось обстреливать артиллериею на ближайших расстояниях в 100 шагах под сильным ружейным огнем, затем брать штурмом. Как только пробивалось малейшее отверстие или осыпалась часть стенки, наши солдаты мгновенно врывались туда с штыками и уже не давали пощады. Рукопашный бой кинжалов и шашек против штыков произошел такой же ожесточенный, какой войскам нашим едва ли случалось до того встретить на Кавказе»². Многие чеченцы, видя, что не устоять им, «на глазах солдат убивали своих жен и детей... Несколько женщин сами бросались с кинжалами на солдат и гибли на штыках... Ужасное побоище длилось несколько часов, и аул был окончательно взят только после истребления всех его защитников».³ Кончилась вся эта кровавая расправа уничтожением аула Дада-юрт до основания. Такой же участи подверглись аулы Истису, Алаяр, Ноим-Берды, и Хош-Гельды.

В то время, как ермоловские войска были заняты погромом чеченских аулов и истреблением населения, в Дагестане происходили усиленные волнения, а в ноябре 1819 г. Дагестан был охвачен восстанием.

Центром восстания в нагорном Дагестане сделалось селение Акуша. Там находились со своими отрядами Сурхай-хан Казн-Кумухский, Адиль-умий Кайтагский и Ших-Али-хан Дербентский. Здесь был подготовлен план походов. Акушинцы в первую очередь решили наказать шамхала Тарковского за измену восставшим и его преданность царским завоевателям. В это время шамхал находился у Ермолова во Внезапной, а восставшие и владельцы решили воспользоваться его отсутствием, напасть на его дом и захватить в плен его семейство.

Шамхал был оповещен о готовившемся нападении. Он поспешно приехал в Тарки и узнал, что его подданные на стороне восставших. С большим риском он успел с семейством и партией приверженцев спастись в своем загородном укрепленном замке.

Для подавления восстания Ермолов выступил в Тарки с отрядом несколько тысяч человек. Из Тарков он двинулся, уничтожая по пути посевы и аулы горцев по направлению к главному очагу восстания—аулу Акуша. Даргинцы, койсубулинцы, кумухцы и мехтулинцы отступив из Джэнгутая, ожидали его у Левашей для решительной схватки. 19 октября 1819 г. по прибытии отряда в Левашин произошло одно из самых крупных сражений. Много горцев погибло в этом бою. Объединенные силы горцев были разбиты наголову. Союз трех обществ распался. Койсубулинцы и кумухцы отступили. Акушинцы были предоставлены самим себе. Они уже не могли предпринимать серьезных действий и вынуждены были отступить в Акуши. Ермолов преследуя их по пятам, 21 октября 1819 г. достиг места восстания. После непродолжительной перестрелки аул был взят, жители всего Даргинского общества были приведены к присяге на верность России и обложены ежегодной данью в размере 2000 баранов в год.¹ Главным кадем в Акушах Ермолов назначил крупного богатея Зухума. Вслед за этим было подавлено восстание в Кайтаге и Табасаране, а Адиль Кайтагский низложен с достоинством умия. Для заведывания нижним Кайтагом был назначен русский пристав. В январе 1820 г. в Джэнгуте Ермолов оставил особый отряд из двух батальонов Кабардинского полка под начальством полковника Верховского для наблюдения за Даргинским обществом и Мехтулой.

В 1820 г. из всех феодальных владений Дагестана оставались еще независимыми Авария и Казн-Кумух. Особенно враждебен был владелец Казн-Кумухский—Сурхай. Он был грозой для вновь покоренного ханства Кюринского и Кубинского. Ермолов, чтобы укрепить господство во вновь захваченных землях, решил покончить с Сурхаем. Для этого он приказал князю Мадатову вторгнуться в Казн-Кумухское ханство и привести его в покорность. 12 июня 1820 г. Мадатов разбил отряд Сурхая на перевале между Чирахом и Хозреком. 16 июня был взят Кумух. Сурхай был низложен с ханского звания.² Жители были приведены к присяге на верность царской России, а все Казн-Кумухское ханство было передано в управление Аслан-хану Кюринскому.

Таким образом, к 20 годам XIX века весь Дагестан, за исключением Аварии, силой оружия был включен в систему Российской империи. Чтобы удержать народы Дагестана в подчинении, Ермолов в 1821 г. заложил близости от Тарков новую крепость под названием Бурная.³ Постройка крепости в шамхальстве и посе-

¹ А. Зиссерман, История 80 пехотного Кабардинского генерала-фельдмаршала кн. Барятинского полка, т. 1, стр. 352.

² Там же, стр. 353.

³ Там же, стр. 353.

¹ Краткий исторический обзор, л. 9.

² Сурхай-хан убежал в Персию.

³ Краткий исторический обзор, л. 11.

ление в ней царских войск сильно встревожило горцев. Этим завершилась так называемая лезгинская военная линия, шедшая с берегов реки Сунжи через всю кумыкскую равнину к берегам Каспийского моря, и окончательно утверждалась русская власть в шамхальстве.¹

2. ВОССТАНИЕ В ЧЕЧНЕ В 1825—1826 гг.

Выше мы уже говорили о том, что Ермолову удалось покорить силой оружия почти весь Дагестан, за исключением Аварии, и что для наблюдения за населением он построил на кумыкской земле ряд крепостей и в разных местах поселил вооруженные гарнизоны. «Покорность» горцев была формальная, вынужденная Аварский Ахмед-хан, узнав о постройке крепости Бурной, в 1821 г. делает попытку поднять весь Дагестан на борьбу с колонизаторами. Ему удается с большим количеством горцев вторгнуться даже в Казанище, откуда он стал грозить и крепости Бурной. Против восставших аварцев Ермолов послал начальника штаба генерал-майора Вильямина, которому удалось разгромить аварцев около аула Амаки. Однако Ахмед-хан в союзе с Умалат-беком Буйнакским вновь делает нападение на русский гарнизон, стоявший в Дженгутае, в результате чего был убит полковник Верховский. Затем последовало еще ряд восстаний почти во всех (за исключением даргинцев) частях Дагестана: Кайтаг, Табасаран, Авария и Мехтула. Ермолов лично с усиленным отрядом выехал в Казанище, где пробыл всю зиму.

В 1822—1823 гг. особо крупных событий в Дагестане не произошло. К этому времени относится смерть наиболее опасных для царской России врагов—Ших-Али-хана Дербентского и Ахмед-хана Аварского. Но в этот же период начало зарождаться новое политическое течение, отдалившее покорение Чечни и Дагестана почти на 35 лет. Родоначальники этого нового религиозно-политического учения, известного в истории Кавказа под названием мюридизма, были Магомед-эфенди и Газин-Магомед, о которых будет подробно сказано ниже. Это новое учение в 1823—1824 гг. пустило глубокие корни не только в Дагестане, но и в Чечне. Чеченское восстание явилось следствием ермоловской политики, которая проводилась в течение 10 лет, а новое учение явилось продуктом, выросшим на этой почве и получившим среди горцев широкое распространение.

Весь 1824 г. был годом подготовки восстания в Чечне. Здесь стали появляться агитаторы из Дагестана, которые распростра-

ли среди населения весть о появлении имама, призывающего всех правоверных на газават. Это был призыв горцев к борьбе против колониальной политики царизма. Чечня сильно заволновалась. Появились какие-то проблески и надежды на освобождение от гнета царских колонизаторов.

В мае 1825 г. в Чечне вспыхнуло одно из самых крупных восстаний. Руководил им народный вождь, прославленный наездник и храбрец Бей-Булат Таймазов, житель селения Маюртуп и Абдул-Кадыр. Бей-Булат и Абдул-Кадыр были известны среди чеченских народных масс, как выразители крестьянских интересов. К ним везде относились с доверием и уважением.

От имени Бей-Булата поскакали гонцы в чеченские аулы с извещением о сборе в Маюртупе. К назначенному сроку из всех аулов в Маюртуп стал стекаться народ. Бей-Булат на сходе народных представителей выступил с призывом к населению поднять оружие против неверных. В ответ на этот призыв к «газавату», к Бей-Булату стали вооруженными партиями стекаться со всей чеченской земли массы горцев. Восстанием была охвачена вся Большая Чечня и Ичкерия. Примкнули и кабардинцы. В короткий срок восстание охватило все пространство от Аксаи и Сулака до Владикавказа.

Бей-Булат с 6-тысячной армией восставших горцев двинулся к царским укреплениям. Он занял укрепление Амир-Аджи-юрт на Терек. Далее он взорвал пороховой погреб в результате чего уничтожил весь отряд капитана Осипова, и на кумыкской земле осадил укрепление Герзель-аул и крепость Внезапную.

Гарнизон Герзель-аула состоял из 380 человек под начальством майора Пантелеева. Пять дней подряд у стен крепости происходил ожесточенный бой. Положение осажденных со дня на день становилось все хуже. Они изнемогали от жажды, а воды в укреплении не было. Окружной начальник генерал Лисаневич и генерал Греков с большими силами подошли к крепости на выручку осажденным. Под Герзель-аулом произошло сражение и Бей-Булат вынужден был отступить. На следующий день по приказанию Лисаневича в Герзель-аул были собраны все кумыкские старшины и чеченцы в числе 318 человек. Лисаневич на чеченском языке произнес речь и стал упрекать чеченцев в измене и вероломстве. По списку генерал стал вызывать виновников восстания. Очередь дошла до чеченца Учар-Гаджи. В зеленом бешмете и белой чалме с голыми до колен ногами и большим кинжалом на поясе, он встал в толпе с диким, блуждающим взглядом и не хотел выходить. Греков приказал его вывести и обезоружить. В один момент горец выхватил кинжал и Греков, пораженный в живот упал бездыханный. Тогда Учар-Гаджи в один прыжок очутился около Лисаневича и

¹ С. Эссадзе, Штурм Гуниба и пленение Шамиля, стр. 32—33.

нанес ему смертельную рану в грудь, солдаты поспешно заперли ворота и истребили всех, находившихся в укреплении чеченцев и кумыков.

После Герзель-аульской кровавой драмы восстание приняло такой угрожающий характер, что больной Ермолов вынужден был встать с постели. Восстание становилось повсеместным. Ермолов из Тбилиси поспешно выехал в Чечню. По прибытии он мобилизовал все войска, находившиеся на линии, и с этими войсками сам лично отправился в очаги восстания. Жестоко расправлялся Ермолов с восставшими. Везде где проходили войска, он разрушал аулы, истреблял беззащитное население, сжигал посевы и стога сена. На месте полуразрушенных укреплений он стал возводить новые, вселяя в них большое количество войск. Тогда же были построены два больших укрепления—у Ташкичу и Амир-Аджиюрта.

Но Бей-Булат был неуловим. Число восставших все увеличивалось. После Герзель-аульского погрома Бей-Булат 29 августа делает нападение на крепость Грозную, однако овладеть крепостью ему не удалось, так как гарнизон, осведомленный о его намерении, заранее устроил засаду и Бей-Булат с главными своими силами возвратился обратно к Ханкальскому ущелью. За ним в Ханкальское ущелье 26 января 1826 г. последовал Ермолов с отрядом в 4 с половиной батальона, с 600 казаками и с 15 орудиями. Войска заняли заброшенный аул Атаги. Бей-Булат находился в Чах-Кари, к нему стекалась масса жителей—мичиковцы, ичкеринцы и дагестанские горцы. Ермолов выступил с войсками к аулу Чах-Кери, но в ней Бей-Булата не оказалось. Вскоре вслед за отрядом полковника Ковалева появилась из-за Аргуна чеченская конница. За ней следовала основная масса восставших чеченцев во главе Бей-Булатом. Конница горцев бросилась в атаку, вслед за нею и все остальные. Схватка была отчаянная. Чеченцы дрались храбро, но уничтожить отряд им не удалось в виду его многочисленности, и Бей-Булат отступил за Аргун.

Ермолов в погоне за Бей-Булатом прошел всю Чечню, стирая с лица земли аулы, уничтожая повстанцев, вырубая леса. Из Шали и Гермечука Ермолов двинулся к Грозному и на обратном пути были истреблены несколько аулов, жители которых действовали особенно неприязненно¹.

Эти жестокости Ермолова не усмирили чеченцев, и через два месяца он вынужден был повторить свою экспедицию в малую Чечню.

Восстание в Чечне к маю 1826 г. было подавлено, но Бей-Бу-

лат с остатками своих сил еще долго оставался в горах неуловимым и руководил партизанской войной горцев.

Карательные меры царских опричников не только не сломили горцев, а еще больше усилили сопротивление горского крестьянства. Борьба на всем Северо-Восточном Кавказе постепенно нарастала, принимая все больше ожесточенный характер. Это был период, когда колонизаторы полагали, что утверждение царской власти над горскими племенами Восточного Кавказа было делом возможным и, казалось, уже близким к окончанию. Однако, близкое на первый взгляд к окончанию дело покорения Кавказа сделалось далеким, вследствие одного весьма важного обстоятельства, отодвинувшего завоевание Северо-Восточного Кавказа на несколько десятков лет. Обстоятельство это есть,—говорит капитан Штурмер,—появление в 20-годах «шариатского учения, образовавшего секту мюридов»¹.

Генералу Паскевичу, новому главнокомандующему, Николай I дал указание «усмирить навсегда горские народы и истреблять непокорных». Началась напряженная борьба. Горцы мужественно отстаивали свою свободу и независимость.

¹ Штурмер. О настоящем положении дел в той части кавказских земель, которая подвержена непосредственному влиянию Шамиля. Составлено на точном основании официальных донесений получаемых с Кавказа в мае 1842 г., л. 8—9 (рукопись хранится в историческом кабинете дагестанского научно-исследовательского института).

¹ С. Эссадзе, Штурм Гуниба и пленение Шамиля, стр. 41.

ГЛАВА 3

ВОССТАНИЕ ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ В 1828—1834 ГОДАХ ПОД РУКОВОДСТВОМ ГАЗИ-МАГОМЕДА

1. Магомед-Эфенди Ярагский

Во время управления генерала Ермолова в Дагестане появился новый религиозный толк, принявший впоследствии политический характер и известный под названием мюридизма.

Один из видных авторов в русских источниках военной истории Кавказа В. Потто в своей книге «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях» дает следующую характеристику этому толку: «В то самое время, когда Россия победоносно выходила из войн с Персией и Турцией—двумя могущественными государствами Азии, в глубине Дагестана незаметно скоплялись горючие материалы, грозившие Кавказу страшным потрясением». Это был всеобщий взрыв борьбы горцев, «который в своем проявлении записан в наших летописях под грозным именем «мюридизма». Мюридизм возвестил народам Дагестана «газават», т. е. войну религиозную, а следовательно войну кровавую и упорную до изуверства»¹.

Другой знаток Кавказской войны Фадеев в своей книге писал: «Мюридизм овладел всей восточной группой Кавказа и обратил силы ее на газават, войну против неверных. Нельзя было уже надеяться подавить его в горах иначе, как покорив самые горы. Но для этого надобно было изменить всю систему войны. Мы имели теперь дело не с обществами ничем не связанными между собой, сопротивлявшимися или покорявшимися отдельно, но с государством самым воинственным фанатическим, покорствующим перед властью, обреченной в непогрешимость и располагающим несколькими десятками тысяч воинов, защищенных страшной местностью, с государством, вдобавок окруженным сочувствующими ему племенами, готовыми при каждом успехе единоверцев взяться за оружие и поставить наши войска между двух огней»².

¹ В. Потто, Кавказская война..., стр. 15.

² Фадеев, Шестдесят лет Кавказской войны, т. 1, ч. 1, стр. 28—29.

По вопросу о возникновении нового религиозного толка существует несколько мнений. Много томов посвящено вопросу о том, откуда занесен в Дагестан мюридизм и каковы причины его появления. Профессор Казимбек, Фадеев, Эссадзе и ряд др. авторов в своих работах считают, что мюридизм получил свое начало и перешел на Кавказ из Бухары, а в Бухару проник из Турции и Ирана. Называли некоего бухарца Хас-Магомеда, как перенесшего новое учение в Дагестан. Нашлись сторонники этих утверждений и в нашей советской печати.

Военно-колониаторским историографам нужно было оправдать захватническую политику на Кавказе, обосновать шестидесятилетнюю кровавую войну царизма с кавказскими горцами. Дать правильный анализ исторической обстановке возникновения мюридизма для официальных военных историков означало не что иное, как говорить о боине, грабежах и насилиях, чинимых царскими администраторами на Кавказе. Говорить об этих фактах, выводить из этих фактов истоки борьбы горцев Кавказа было равносильно тому, чтобы поставить царизм перед общественным судом. Поэтому великодержавные историки искали корни появления мюридизма не в конкретной обстановке Чечни и Дагестана, а за пределами их—на переднем Востоке.

Из концепции перечисленных выше авторов вытекает следующий вывод: если бы «учение» шариата или мюридизма не проникло в Дагестан с Востока, то и не было бы и той борьбы, которая длилась в течение 35 лет. Как ни странно, но эти взгляды еще по сей день находят отражение в нашей литературе.

Что же на самом деле представляла собой обстановка, в которой возник так называемый мюридизм, получивший широкое распространение на всем Северо-Восточном Кавказе вплоть до 1859 г.?

Обратимся к конкретным фактам исторической действительности Чечни и Дагестана.

Из предыдущей главы выясняется два весьма важных факта, один из которых—колониальное наступление царизма, а другой—непрерывная цепь восстаний, направленных против захватнической политики колонизаторов.

Народы Чечни и Дагестана к 20 годам XIX века уже были отеснены в бесплодные трущобы гор. Закладка военных крепостей и укреплений на Тереке и кумыкской земле, постоянное продвижение военной линии ближе к предгорьям, все больше и больше теснили горцев. Они были лишены возможности пользоваться предгорными пастбищами и многих других экономических выгод. Насильно введенная в Мехтулинском, Казы-Кумухском, Кюринском и Дербентском ханствах, в уцмийстве Кайтагском и в Аку-

ше колонизаторская система управления, устройство которой было совершенно непонятно и чуждо населению Дагестана и Чечни. — вызвала среди горцев озлобление и ненависть. Далее, население покоренных земель было обложено податями и разными видами работ, как-то: поставка арб для надобности войск, починка дорог, мостов и т. п. Малейшая попытка неповиновения новой власти и несвоевременная уплата податей влекли за собой немедленное наказание и разорение аулов.

Жестоко расправлялись царские опричники с трудящимся населением Чечни и Дагестана.

Жестокости эти в отношении горцев были доведены до крайней степени при генерале Ермолове. В Дагестане оставалась лишь одна Авария, где не побывал этот палач горских народов. Везде, где он проходил, уничтожались и сжигались аулы горцев. Немало горцев погибло, отстаивая свою независимость.

Все эти обстоятельства породили в горах Дагестана чувство ненависти и недовольства установленным царизмом колониальным режимом и постоянную готовность при первом удобном случае сбросить чуждую им власть. Но дагестанские племена были разрознены, отсутствовало среди них единство, они враждовали между собой. В Дагестане господствовали адатные отношения. Согласно адату (обычному праву), каждый аул, общество, тухум, горец производил суд и расправу.

Адат, издавна господствующий в Дагестане, укреплял и поощрял все эти отношения. Адат препятствовал объединению разрозненных племен. Он сильно мешал борьбе горцев Дагестана против колониальных захватчиков. В одном документе прямо говорится, что «само подавление восстаний не представляло больших затруднений, так как между дагестанскими обществами не было единства и при волнении в одном обществе, соседние редко принимали в нем участие и свободно пропускали наши войска»¹.

В силу такого положения, при всем своем героизме в борьбе с царизмом народы Дагестана ничего серьезного не могли добиться. Народ изнемогал под тяжестью колониального гнета и внутренних раздоров.

Все это говорит о том, что Дагестан нуждался в каких-то преобразованиях, которые сплотили бы разрозненные горские племена в одну боевую силу против их общего врага в лице царизма.

Полковник генерального штаба Романовский, анализируя обстановку возникновения движения горцев говорит: «Когда мы стали все теснее и теснее окружать горы, и опасность, грозившая независимости, для всех обществ сделалась очевидна, племенные

раздоры должны были смолкнуть перед новым, общим чувством вражды к тем, кто покушался на вековую свободу Кавказских племен». И далее: «Строгие меры и разорение, которыми мы пытались победить первое сопротивление воинственных племен, и самые неудачи неприятеля в войне с нами не могли не раздражать этой вражды и ненависти еще более, а относительное к нам географическое положение кавказских горцев, которых в первое время войны мы окружили со всех сторон, ускорило распространение между ними убеждения в необходимости соединиться для совокупного отпора. В таких-то обстоятельствах в начале 20-х годов явился на Кавказ мюридизм, призывавший мусульман на войну против христиан».¹

Сама обстановка и внешние условия борьбы привели горцев к объединению. Внешней окраской этому объединению послужило общность религии.²

«Когда шах-глава шиитов и султан-глава суннитов окончательно отреклись от кавказских народностей—первый по Туркманчайскому договору (1828), второй по Адрианопольскому (1829), черкесы и лезгины поддались увещаниям мюридов проповедывающих соединение суннитских планов с шиитскими на предмет священной войны с неверными».³

Сплочение горцев под религиозной оболочкой делало их более грозными для царизма. В Дагестане в то время были образованные люди, которые зная положение населения гор, понимали силу этого сплочения, признавали необходимость преобразований. Но такие люди считались единицами. К их числу следует отнести Магомед-Эфенди Ярагского, Джамалутдина Кази-Кумухского, Гази-Магомеда и Шамиля Гимринского. Правда они были сторонниками ислама и замены адата шариатом.

Введение шариата, как общего для всех закона, вместо адата, дробившего Дагестан на отдельные общины и аулы и действовавшего не в сторону объединения, а в сторону распыления горских сил, надо признать важнейшим фактором организации горцев против царизма.

Первым проповедником идеи введения шариата вместо адата и на этой основе объединения горцев для совместной борьбы с завоевателями был престарелый Магомед-Эфенди из селения Яраг бывш. Кюринского округа.

Народ стал волноваться. В селение Яраг стали приходить представители со всех концов гор для обсуждения создавшегося поло-

¹ Романовский, Кавказ и Кавказская война, СПб, 1860, стр. 310.

² История XIX века, Москва, 1837 г., стр. 357.

³ Там же.

¹ Путеводитель по Дагестану, Тифлис, 1871 г., стр. 4.

жения. Это был 1824 год. В марте, когда Ермолов узнал об этих происшествиях он немедленно вызвал к себе Аслан-хана Кази-Кумухского и приказал прекратить возникшие волнения. Аслан-хан после этого распоряжения тотчас же отправился в кюринское селение Касум-Кент, куда по его требованию был вызван Магомед-Эфенди Ярагский с некоторыми своими приверженцами.

Аслан-хан стал упрекать Магомеда Ярагского, говоря, что его учение только соблазняет народ к газавату, что он делает губительное дело для народа. «Разве ты,—говорил Аслан-хан,—не знаешь силы русских, разве не знаешь сколько может пострадать и погибнуть невинных людей?»¹ В ответ на эти упреки Магомед заявил: «Я бы посоветовал и тебе, хан, оставить мирскую суету и подумать о том, куда мы все пойдем»². И когда хан стал убеждать, что он честен и исполняет все, что подобает мусульманину, Магомед ответил ему: «Ты говоришь ложь»³. Он обвинял хана в том, что тот действует заодно с колонизаторами и старается поработить народ. Этот дерзкий ответ и укор, брошенный в лицо одному из могущественных владетелей Дагестана вывел из себя гордого хана. Он публично дал Магомеду пощечину и выгнал его вон. Вслед за этим последовало донесение хана Ермолову о том, что в ханстве восстановлен полный порядок.

Однако дело обстояло иначе. Пропаганда Ярагского продолжала развиваться, при том развивалась она в различных оттенках в разных местах. В это время совершенно самостоятельно действовали в Аварии Гази-Магомед, а в Кази-Кумухе Джамалутдин. Рассказывают, что Аслан-хан встревоженный действиями Джамалутдина в его владениях, приказал привести его во дворец. Ему грозила явная смерть, если бы не вмешалась ханша.

Вскоре в селение Яраг явились к Магомеду из Аварии гимринский житель Гази-Магомед, Ших-Шабан из селения Губден, Гаджи Юсуф Джамалутдин из Кази-Кумуха и др.⁴ Этот сход наиболее видных людей в Яраге имел решающее значение.

С этого времени начинаются активные действия последователей мюридизма. В документах говорится, что Магомед Ярагский обратился к представителям гор со следующим призывом: «Ступайте на свою родину, соберите народ, прочтите ему наставления мои, вооружитесь и идите на газават, истребите врагов...»⁵.

В 1825 г. местное начальство вторично доносит Ермолову о

действиях Магомеда Ярагского и об успехе его учения среди населения. Ермолов строжайше предписал Аслан-хану схватить Магомеда Ярагского¹ и доставить в Тифлис. Аслан-хан поручил исполнить приказание Ермолова правителю Кюринского ханства Гарун-беку. Эфенди Ярагский был схвачен и приведен в селение Курах, но оттуда убежал в Табасаран и вновь начал с успехом распространять свое учение.

Царская историография в своих многотомных трудах окрестила борьбу горцев Восточного Кавказа общим именем мюридизма. Такого рода толкование 30-летней борьбы горцев вело к затуханию ее классового характера, а это было выгодно царизму в его колониальных действиях.

Однако дело обстояло иначе. Мюридов, в полном понимании этого слова, на всем продолжении Кавказской войны было немного,—их считали десятками, тогда как горцев, становившихся под знамя Гази-Магомеда и Шамиля, считали тысячами. Мюридом у Шамиля считался всякий преданный и честный горец, который, становясь под знамя Шамиля, боролся против царизма.

Таким образом, Кавказский мюридизм являлся просто-напросто политическим оружием. Под религиозной оболочкой образовалось невиданное до этого в истории объединение ранее разрозненных горцев Дагестана и Чечни в одну крепкую силу, могущую противостоять натиску регулярных царских войск. «Несомненная цель нового учения,—говорит главнокомандующий Кавказской армией Паскевич,—заключается в том, чтобы отторгнуть от нас все дагестанские племена и соединить их под одно общее теократическое правление...»²

Из всего вышеприведенного совершенно ясными становятся два положения: во-первых, что эта проповедь исходила из основ религии ислама; во-вторых, что мюридизм, а вместе с ним и восстание горцев зарождалось на совершенно реальной почве. Ход и действия мюридистического течения были продиктованы обстановкой, создавшейся в результате колониального захвата и эксплуатации царских войск в Дагестане.

Последователи мюридизма выдвинули требование «равенства всех мусульман». Согласно их учению, мусульманин не мог быть ничьим рабом и никому не должен был платить подати. Эти выступления на данном историческом этапе выражали открытый протест против существующего режима ханов, беков и царских колонизаторов. К этой секте мюридизма полностью применимы указания Энгельса о крестьянско-плебейских ересьях средневековья,

¹ О начале беспокойства в Северном и Среднем Дагестане, стр. 8.

² Прушановский, Исторические записки, л. 11—12.

³ Потто, Кавказская война, т. 5, стр. 24—25.

⁴ Прушановский, Исторические записки, л. 13—14.

⁵ О начале беспокойства в Северном и Среднем Дагестане, стр. 8.

¹ Штюрмер, О настоящем положении дел на Кавказе, л. 11.

² В. Потто, Кавказская война, т. 5, стр. 4.

которые требовали в своей программе «восстановления равенства, существовавшего в отношениях между членами ранней христианской общины и признания этого равенства в качестве нормы и для гражданского мира»¹.

Одной из наиболее типичных черт мюридизма следует признать выдвинутый им лозунг газавата—войны против «неверных». По своему содержанию этот лозунг ставит две задачи: призыв народных масс к борьбе с колониальными посяблениями царизма и борьбу эксплуатируемых горцев против местной феодальной знати и старшин, которые в союзе с колонизаторами беспощадно эксплуатировали горское крестьянство. Лозунги равенства и газавата, всем близкие и понятные, были подхвачены крестьянством Дагестана и Чечни.

2. ГАЗИ-МАГОМЕД

Идеи объединения горцев на почве единоверия для совместной борьбы с царизмом пустили глубокие корни в Дагестане. Магомед Ярагский в 1828 г. давал своим ученикам мюридам последний совет о борьбе горцев с царскими колонизаторами, и если он первый начал пропагандировать идеи объединения горцев, то претворять их в жизнь, поднимать горцев на борьбу за независимость взялся житель аула Гимры—Магомед по прозвищу Гази.

Гази-Магомед происходил из семьи простого узденя, крестьянина. Родился он в Унцукуле в 1795 г., детство провел в ауле Гимры. С малолетства он начал свою трудовую жизнь. Ему много приходилось разъезжать по Дагестану, возить на осле виноград и персики из Гимры. Постоянные разъезды, постоянные подчас интересные встречи, знакомства с разными людьми развили в Гази-Магомедe любовь к знаниям. В то время в Дагестане не было школ, где можно было бы получить знания. В медресе, существовавших почти в каждом ауле, можно было научиться только чтению корана. Это было мало для того, кто хотел быть образованным человеком. Мальчикам приходилось ходить по аулам и разыскивать ученого кадия, от которого можно было бы получить уроки. Гази-Магомед скитался из одной мечети в другую, пока не нашел себе учителя. Это был Сеид-Эфенди Араканский, будущий его враг, с которым ему пришлось выдержать упорную борьбу, как со сторонником царизма.

Учился Гази-Магомед в тяжелых условиях. Чтобы получать уроки, ему приходилось ходить из Гимры в Аракань. Отправляясь туда, он еще дома изготовлял тех (толокно), варил курдюк на не-

сколько дней. Делал он это потому, что в Араканах было много мулаимов и трудно было там достать продовольствие. Тех, требовавший лишь разведения его с водой, избавлял от приготовления пищи и поисков пищи. Гази-Магомед употреблял в день 2 галушки теах и этим довольствовался. Впоследствии он говорил: «Самое трудное, что для меня было во время нахождения в Араканах,—это запоры желудка. Если досыта ел—тяжелело тело, развивалась лень и не хотелось учиться, если же воздерживался от еды—мучили запоры»¹. Прежде чем получить образование, Гази-Магомед много натерпелся и намучился. Достаточно сказать, что он с хурджинами на плечах, пешком, вместе со своим другом Шамилем, исходил всю Аварию и Кумыкскую плоскость, Кумух, Кизляр, Каранагай—в поисках средств к существованию.

К 20-годам XIX века Гази-Магомед был уже совершенно зрелым человеком и отличался силой, ловкостью и умом. «В это время он уже был известным ученым, сам же скрывал свои успехи. Вел себя не так, как большой ученый, а как младший ученик. Однако, на диспутах задавал вопрос за вопросом, ставя в тупик, заставлял замолчать самого большого ученого. Во время пребывания в Унцукуле он в спорах побеждал здешних ученых, доводя их до того, что они уже перестали приходить в мечеть». За это в последствии унцукульцы «изгнали его из своего аула»².

Гази-Магомед был очевидцем всех событий происходивших в 20-годах XIX века. Он видел, под какой тяжестью находились крестьяне и каким грабегам подвергались они со стороны царских войск. Именно в этой обстановке выдвинулся он, как руководитель народного движения в Дагестане. Непосредственное сближение Гази-Магомеда с Магомедом Ярагским и другими выдвинуло его на арену как политического деятеля. Он в период своего пребывания в Яраге получил целый ряд наставлений по вопросу о распространении шариата и о подготовке населения к восстанию. Возвратившись в Гимры, Гази-Магомед усердно стал распространять шариат. В первую очередь он сам подавал пример. Еще до установления шариата среди горцев,—говорит современник,—Гази-Магомед, будучи совсем молодым человеком, отличался исполнением долга по отношению к родственникам и отзывчивостью к их делам. Если случалось у родственников какое-нибудь несчастье: похищение женщины, убийство, насилие с захватом земли,—он оказывал помощь, давал совет такой, чтобы можно было избежать кровопролития.

¹ Гасаниллу. Имам Гази-Магомед, л. 14 (рукопись на аварском языке хранится в кабинете истории Дагестанского научно-исследовательского института).

² Там же, л. 15.

¹ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Москва, 1831 г.

В Дагестане адаты имели силу закона. Вся общественная жизнь регулировалась и управлялась адатами. Каждый род, каждый аул имел свои адаты. Кровомщение, поощряемое адатом, было среди горцев весьма распространенным явлением. Достаточно привести следующий факт, чтобы представить себе, каким бичом являлась для горцев кровавая месть. В ауле Ирганай проживал некто Мирза-бек, бежавший сюда из Дженгутая после убийства мехтулинского пристава. Через четыре года Мирза был убит в ссоре с одним из ирганайцев. Это и послужило началом чудовищных кровавых событий. Однажды ночью семнадцать мехтулинцев нагрянули на Ирганай, чтобы разыскать убийцу. Последнего не оказалось дома и потому жертвами мести сделались не в чем повинные две женщины да араканский житель, случайно почевавший в сакле. Когда в Иргане поднялась тревога, мехтулинцы не успевшие покинуть аул, заперлись в сакле; родственники пострадавших кинулись в саклю и все 17 человек были истреблены. Такое же положение было и в других местах.

Против обычая кровной мести и выступил Гази-Магомед. Для этого он избрал «лучший путь, подкрепляя каждое слово примером из собственной жизни». Гази-Магомед с хурджинами «наполненными одним толком, и с посохом в руке обходил аулы, беседуя с народом...»¹. Красноречие его, по словам горцев, было таково, что «сердце человека прилипало к его губам и одним дыханием будило в душе человека бурю»².

Гази-Магомед, став во главе нового учения, вместе со своими приверженцами требовал от горцев оставить адат, принять правила шариата. (Шариатом называется совокупность всех правил и постановлений корана, которыми всякий правоверный мусульманин обязательно должен руководствоваться во всех своих действиях, как в общественной, так и в частной жизни). Он рассылал воззвание за воззванием во все концы Дагестана, требуя от народа принятия шариата. «Однако, старики, воспитывавшиеся на старых дедовских адатах, были против шариата. Что же касается молодых, то они приветствовали шариат и были согласны с ним...»³.

Шариат начал распространяться среди населения.

Гази-Магомед с самого начала своей проповеди встретил оппозицию со стороны мулл и сельских старшин. Однако самыми сильными противниками, с которыми предстояло бороться Гази-Магомеду, были ханы, беки, старшины, власть которых неминуемо должна была пасть. Известное в то время духовное лицо, у которого в

свое время Гази-Магомед брал уроки, — Саид, кадий Араканский, — находясь на службе у царизма, организовал специальные отряды для борьбы с Гази-Магомедом, стремясь в то же время дискредитировать его учение.

К концу 1829 г. Гази-Магомед успел привлечь на свою сторону Койсубу, Гумбет, Андию, шамхальство, всю Аварию, за исключением Хунзаха. В своих речах и выступлениях Гази-Магомед развивал перед народом картины будущей войны и обосновал необходимость изгнания с Кавказа царских колонизаторов.

Об усилении восстаний и влиянии Гази-Магомеда барон Розен сообщал: «Еще в 1829 г. неизвестный до того горец Гази-Магомед, под видом восстановления ослабевшего исламизма и введения шариата (духовного управления), успел склонить к себе некоторые общества нагорного Дагестана. Видя, что влияние его в горах возрастает, он в 1830 г. начал распространять свое учение между племенами, ближе к ним живущими»¹.

В начале 1830 г. Гази-Магомед созывает собрание народных представителей по вопросу о необходимости объединенной борьбы горских народов против царизма. Собравшиеся провозгласили Гази-Магомеда имамом и обещали исполнять все его приказания. В Гимрах был выработан окончательный план похода. После этого совещания Гази-Магомед обратился к населению с призывом к газавату. На его сторону стали все, за исключением Хунзаха. К нему стекались вооруженные партии горцев. Гази-Магомед решил в первую очередь укрепиться в Аварии для уничтожения последней опоры царизма в Хунзахе.

Последний правитель Аварии Ахмед-хан умер в 1823 г., оставив после себя наследником малолетнего сына Абу-Нуцал-хана. Ермолов, еще при жизни Ахмед-хана объявивший его изменником не признал Абу-Нуцал-хана наследником ханского престола и после смерти Ахмед-хана провозгласил владельцем Аварии молодого Сурхая, которому однако, управлять всей Аварией не пришлось. Авария разделилась на две части: одной частью управлял Сурхай, другой, большей частью, управлял Нуцал-хан. Из-за малолетства Нуцал-хана Аварией правила его мать — ханша Паху Бике. Эта была хитрая, жестокая правительница. В Аварии происходили непрерывные распри и столкновения. В таком положении Авария находилась несколько лет. В 1828 г., достигнув совершеннолетия, Абу-Нуцал-хан написал письмо генералу Эмануэлю, тогда командовавшему войсками на Северном Кавказе, с просьбой принять его со всем аварским народом под покровительство цар-

¹ В. Потто, Кавказская война, т. 5, стр. 39.

² Фадеев, Шестдесят лет Кавказской войны, стр. 17.

³ Гасанилау, Имам Гази-Магомед, л. 31.

¹ Всеподданейшая записка барона Розена о военных действиях против горских народов.

ской России. Для приведения к присяге Абу-Нуцал-хана Эмануэль уполномочил кумыкского князя Чобан-Муртаза Алиева. 9 сентября 1828 г. хунзахцы были приведены к присяге и Абу-Нуцал-хан был признан владельцем части Аварии. С этого времени он стал покорным слугой русского царя.

Гази-Магомед решил уничтожить последнюю опору царизма в горах. Необходимость похода в Хунзах была продиктована еще и тем, что владычество в Аварии давало Гази-Магомеду возможность с полным успехом распространять свою власть повсеместно в Дагестане.

3. ВОЙНА ГАЗИ-МАГОМЕДА С ХАНАМИ, БЕКАМИ И ЦАРИЗМОМ

В феврале 1830 г. Гази-Магомед с 8-тысячным отрядом восставших горцев¹ явился к Хунзаху. Сам он стоял во главе койсубулинцев, а своего любимого друга Шамиля назначил предводителем гумбетовцев. Гази-Магомед потребовал, чтобы хунзахцы присоединились к нему и помогли ему уничтожить русские крепости Внезапную, Дербент и другие укрепления². Абу-Нуцал-хан ответил отказом. Произошла жестокая битва. Часть отряда Гази-Магомеда возвалась в аул. Шамиль с 60-ю храбрецами занял дворец, но хунзахцы неожиданно заперли за ним ворота. В это время среди восставших был пущен слух, будто бы гумбетовцы изменили, а койсубулинцы дерутся вместе с хунзахцами. В результате произошла паника и хунзахцы воспользовавшись этим, нанесли крупное поражение Гази-Магомеду, вынудив его отступить за Хунзах. Шамиль, сидя запертым во дворце, должен был выбрать смерть или сдачу. Когда он вышел с 30-ю своими мюридами из дворца, его сейчас же окружили, сорвали чалму и хотели убить. Но он спасся благодаря вмешательству старца Нур-Магомеда, который взял его под свою защиту.

Так кончилась первая вооруженная схватка под руководством Гази-Магомеда. За отражение отряда Гази-Магомеда и верность царской России Николай I пожаловал Абу-Нуцал-хана знаменем с гербом Российской империи.

Кавказское начальство после хунзахских событий сразу обратило внимание на дела происходившие под Хунзахом. Уже в июле 1830 г. в Гимры был выслан отряд под начальством генерал-лейтенанта барона Розена, который потребовал от гимринцев выдачи виновника дагестанских смут—Гази-Магомеда, но последний уже успел скрыться в Белоканы, и гимринцы выдали аманатов в знак

лояльности по отношению к царскому правительству. Розен удовлетворившись получением аманатов, ушел обратно за линию.

Однако, Гази-Магомед не сложил оружия, а готовил новый поход. Барон Розен говорит, что он весною 1831 г. снова появился с большим чем прежде влиянием и с гораздо большею решимостью в действиях своих. Первоначально меры, принятые против сего предприимчивого изувера, были слишком недостаточны. Он не только утвердился в Северном Дагестане, но даже имел некоторые успехи против наших войск¹.

Гази - Магомед вновь обращается к населению с призывом к восстанию. В ауле Унцукуль он выступил с горячей речью. Он говорил: «Кровь, оставшаяся на железе, дымится и порождает ржавчину, кровь, пролитая нашими братьями и песмытая с хунзахских скал, вопит о мщении. Берегитесь, чтобы она не покрыла ржавчиной ваши души. Готовьтесь к великой борьбе...»².

В начале 1831 г. Гази-Магомед с 8-тысячным отрядом вышел с гор и расположился в урочище Чумескент, сильно его укрепив. Отсюда он решил совершать свои налеты на крепости и гарнизоны. К Чумескенту двинулся из Большого Казанища князь, Бекович—Черкасский с батальоном солдат, чтобы рассеять отряд Гази-Магомеда, но, убедившись в превосходстве сил восставших, решил отступить без боя. Гази-Магомед разослал воззвание ко всем жителям Дагестана с призывом присоединиться к нему. Воззвание имело успех. Со всех сторон начали прибывать в Чумескент вооруженные партии горцев. Царский батальон, расположенный в ауле Большое Казанище, должен был отступить на Кафыр-Кумухские высоты.

Гази-Магомед взял селение Параул, сжег дом шамхала Тарковского. 25 мая 1831 г. он осадил крепость Бурную³. Осада длилась несколько дней. Пущенная из крепости граната попала в пороховой погреб, находившийся за крепостным валом; произошел взрыв, и по официальным данным погибло 1000 человек из отряда Гази-Магомеда. Прибывший к Бурной отряд под начальством генерала Коханова заставил Гази-Магомеда отступить от крепости с большими потерями.

После этой неудачи Гази-Магомед по приглашению кумыков двинулся с отрядом на крепость Внезапную. 15 дней длилась осада. Только прибытие отряда князя Бековича и Эмануэля вынудили Гази-Магомеда снять блокаду и отступить в Андреево. Отряд генерала Эмануэля двинулся по следам Гази-Магомеда, уничтожая по пути селения восставших горцев. Пока войска были заняты

¹ Всеподданейшая записка барона Розена.

² В. Потто, Кавказская война, т. V, стр. 160—161.

³ Штюрмер, О настоящем положении дел на Кавказе, л. 15.

¹ Штюрмер, О настоящем положении дел на Кавказе, л. 14.

опустошениями аулов, Гази-Магомед отступил в дремучие ауховские леса и преградил отряду путь отступления. В лесу произошел бой. Генерал Эмануэль был ранен, 15 офицеров убито, значительная часть царских войск была истреблена.

Из ауховских лесов Гази-Магомед вернулся в свою резиденцию Чумескент, куда прибыли к нему делегаты из Табасарана и Кайтага с просьбой освободить их из-под власти русских завоевателей. Депутаты говорили Гази-Магомеду: «Не устояли против нас ни русские солдаты, ни майсумские всадники: на горе Каргуд, где был разбит шах Надир, мы разбили гяуров. Табасаран, Кайтаг, Теркеме и все тамошние дагестанские народы ждут тебя, иди же с нами на газават»¹.

Результатом переговоров был новый поход Гази-Магомеда к Дербенту. Он побывал в Великенте и Маджалисе, везде встречая сочувствие и находя опору. Все жители присоединились к нему.

В октябре 1831 г. весь Табасаран, а вслед за ним и Кайтаг, были охвачены восстанием. Это было крупное восстание угнетенных горцев Южного Дагестана, направленное против уцмиев и майсумов, против насилий и грабежей царских опричников.

12 августа 1831 г. Гази-Магомед осадил крепость Дербент. Царское командование сразу учло всю опасность южно-дагестанского восстания. Все силы были сосредоточены на подавлении табасаранского мятежа. Генерал Панкратов в рапорте от 24 октября 1831 г. писал: «Я счел за нужное начать действия мои поражением табасаранских мятежников, которые по соседству их к Дербенту были всего опаснее...»². Действительно, табасаранцы представляли собою серьезную угрозу для Дербента, в котором сосредоточено было оружие, продовольствие и обмундирование для действующих царских войск. «Три отряда посланы были в Верхний Табасаран для истребления самых значительных селений, в коих гнездились бунтовщики»³.

Гази-Магомед держал Дербент в блокаде 8 дней. Узнав о приближении к Дербенту отряда генерала Коханова, он отступил в Табасаран и оттуда направился в Гимры. Вскоре усиленными частями войск царской армии восстание в Кайтаге и Табасаране было подавлено.

Между тем, Гази-Магомед, пользуясь отвлечением сил к Южному Дагестану, предпринял смелый поход на кумыкскую плоскость. С появлением имама восстают жители Аксая, Андрей-аула и Чечни. На плоскости Гази-Магомед имел громадный успех. В ноябре 1831 г. он направился на Кизляр. Город был взят. Захва

тив богатую добычу и много пленных, Гази-Магомед отправился обратно в свою резиденцию Чумескент. Этот прорыв через Кавказскую линию вызвал большое недовольство Николая I, который приказал произвести самое строгое расследование всех обстоятельств этого набега¹.

По возвращении из кизлярского похода имам воздвиг укрепление под названием Агач-Кала и сильно его укрепил.

Популярность Гази-Магомеда росла не только в Дагестане, но и в Чечне. «Скорость, с которою Кази-мулла успел в последнее время соединить значительное скопище мятежников,—говорит барон Розен,—показывает, что, несмотря на потерпленные поражения, он имеет еще влияние в народе; если зимою не успеем истребить его, то на будущее время, мятеж в Дагестане может опять возгореться и распространиться по другим частям Кавказа»².

В начале 1832 г. почти вся Чечня была охвачена восстанием. Восстали джаро-белоканцы и закатыльцы. Там действовали посланцы имама—Гамзат и Ших-Шабан. Весной 1832 г. Гази-Магомед предпринял поход в Чечню. Из Чечни он делал набеги на кордонную линию, на русские крепости и укрепления. Силы его увеличивались. На призыв его стекались большими партиями чеченские крестьяне. Гази-Магомед стал угрожать Владикавказу и Грозному.

Крупные успехи Гази-Магомеда вынудили кавказское начальство принять решительные меры. В Дагестан были направлены отряды с двух сторон—из Закавказья и с Кавказской линии. Против Гази-Магомеда и восставших чеченцев была снаряжена экспедиция. В августе 1832 г. 10-тысячный отряд под начальством барона Розена направился в Чечню. В начале октября 1832 г. силой оружия восстание в Чечне было подавлено. Гази-Магомед отступил в Гимры. Во время подавления восстания в Чечне шестьдесят аулов были разорены царскими войсками.

Вслед за этим было решено предпринять экспедицию в Дагестан для наказания восставших горцев. При известии о движении отряда, восставшие построили башню в самом узком месте Гимринского ущелья и укрепились здесь. 10 октября 1832 г. отряд под начальством корпусного командира барона Розена подступил к Гимрам³. Аул со всех сторон был окружен. С рассвета 17 октя-

¹ Отношение барона Розена графу Чернышеву от 22 октября 1832 г., № 303, «Кавказский сборник», т. XXXII, стр. 86—87.

² Письмо барона Розена графу Чернышеву от 19 декабря 1831 г., № 243, там же, стр. 81.

³ Отношение графа Чернышева барону Розену от 13 марта 1832 г., № 423, там же, стр. 155—164.

¹ Прушановский, Исторические записки, л. 23.

² «Кавказский сборник», т. XXXII, стр. 43.

³ Там же, стр. 40.

брю барон Розен отдал приказание штурмовать Гимры. Войска пошли на штурм, но были отбиты. Восставшие отразили еще ряд атак. Тогда было начато наступление с трех сторон. Закипела отчаянная рукопашная битва. Восставшие гибли на штыках, но в плен не сдавались.

После ожесточенного боя Гимры, заваленный трупам, был взят. Оставшиеся горцы в количестве 16 человек заняли башню, откуда решили защищаться до последней возможности. Царские войска окружили башню—последнее убежище Гази-Магомеда. Гази-Магомед и защитники башни отстреливались через бойницы. Вскоре оружие пришло в негодность. Гази-Магомед обратился к защитникам башни: «Здесь всех нас перебьют и мы погибнем, не сдлав вреда неверным, лучше выйдем и умрем пробиваясь»¹. Вслед за этим, подоткнув полы черкески за пояс, засучив рукава до самых локтей и крепко затянувшись поясом, он схватил шашку и, потрясая ею над головой, сказал с улыбкой: «Кажется, сила еще не изменила молодцу»². С этими словами он бросился из дверей башни, как вдруг один из солдат ударил его в затылок камнем, он упал и тут же был заколот штыками.

Так погиб в 1832 г. один из замечательных героев народов Дагестана.

Вслед за Гази-Магомедом стал готовиться к вылазке из башни и Шамиль. Он также засунул за пояс полы черкески, засучил рукава и, схватив шашку, выбросился из башни с такой силой, что очутился по ту сторону живой штыковой изгороди. Во время прыжка удар прикладом ружья сбил с него шапку. С обнаженной головой и с шашкой в левой руке врезался Шамиль, как лев, в густой неприятельский строй и первых двух солдат с прицеленными ружьями изрубил шашкою³.

Один из мюридов Шамиля, Магомед-Тагир Карахский, в своих мемуарных записях описывает дальнейшую сцену следующим образом:

«Кольцо разорвалось, и Шамиль очутился между двумя рядами солдат, стоявших лицом друг к другу по обеим сторонам узкого Гимринского ущелья. Он пустился бежать без оглядки во всю прыть посреди ошеломленных врагов. Впереди против него не выступали, сзади не стреляли, из боязни попасть в своих. Наконец, один смельчак в бурке и папахе выскочил вперед и, преградив ему дорогу, выстрелил в него почти в упор, но дал промах.

Шамиль ударил его шашкою по голове, но тот подставил бурку под удар и остался невредимым. Удары повторялись и ловко отражались буркою. Наконец, ловким отвлечением внимания гяура в сторону от действительного направления удара Шамилю удалось раскроить череп гяуру и продолжить свое бегство. Однако, не надолго. Скоро один солдат, выступивший вперед, преградил дорогу и всадил штык в бок Шамилю. Шамиль, схватившись за дуло ружья, вырвал штык из своей раны и прикладом по голове уложил врага на месте. Тяжелый камень, брошенный сзади солдатами вдогонку, падает на плечо Шамиля. Он чувствует резкую боль. Дыхание спирается, силы слабеют, но вера в возможность скорого спасения возбуждает в нем бодрость духа и энергию. Делается последнее мучительное усилие, и он вырывается из среды смертельных опасностей, сопровождаемый со стороны неприятеля ружейным залпом, не причинившим ему, однако, никакого вреда. По выходе из этого ада, Шамиль оглянулся назад и вздохнул облегченно: вместо врагов он увидел бежавшего за ним своего односельчанина. Оказывается, он выпрыгнул из башни вслед за Шамилем и бежал все время прикрываясь им. Он не получил ни ушиба, ни царапины в этой горячей перепалке. Вырвавшись на свободу, Шамиль почувствовал сильное изнеможение. Он прилег за большим осколком скалы под кустом терновника. Односельчанин спрятался недалеко от него. Шамиль просил его не беспокоиться о нем. «Оставь мертвого в покое. Я уже не жилец этого грешного мира. Твои заботы и хлопоты меня не спасут... Спасайся, пока имеется возможность. Гяуры знают цену нашим шурам. Они не оставят нас в покое»¹.

Были истреблены и оставшиеся горцы, а жители аула Гимры были обложены бароном Розеном штрафом по 6 рублей и ежегодной подушной податью по 1 рублю².

Таков был исход первых боев объединенных горцев Дагестана и Чечни под руководством Гази-Магомеда.

ГЛАВА IV.

ВОССТАНИЕ 1834 ГОДА В ДАГЕСТАНЕ

1. Истребление ханов Аварии

Царскому командованию на Кавказе казалось, что разгром горских сил под Гимрами и смерть Гази-Магомеда должны были

¹ Абаз, Защита Гергебиля.

² Магомед Тагир, Три имама, стр. 13.

³ Ив. Захарьин (Якунин), Встреча с сыном Шамиля и его рассказ об отце, «Русская старина», т. VII, 1901 г., стр. 375.

¹ Магомед Тагир, Три имама, стр. 13—14.

² П. Кублицкий, Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г., «Кавказский сборник», т. XX, стр. 122.

положить навсегда конец сопротивлению народов в Дагестане и их мечте об изгнании колонизаторов. Однако, дела в Дагестане приняли иной оборот. Идея газавата—борьбы за независимость, за которую честно сложил голову один из прославленных руководителей горцев—Гази-Магомед,—успела пустить глубокие корни среди воинственных горцев Дагестана и Чечни. Силы горцев были расстроены, но не разбиты. И если в течение 1833 г. наблюдалось некоторое затишье в горах, то это еще ни о чем не говорило. Это было временное затишье перед новой, более мощной схваткой.

Действительно, не прошло и года после гимринских событий, как Дагестан вновь был охвачен восстанием. Во главе восставших стал один из близких к Гази-Магомеду людей—Гамзат-бек.

Гамзат-бек родился в 1789 г. в селении Гоцатль. Происходил он из рода аварских беков,—чанка¹. Отец Гамзата—Алискендер—был известен в Аварии своими набегами в Кахетию и борьбой с первыми появившимися в Дагестане царскими колонизаторами. В 1801 г. Гамзат, 12 лет от роду, был отдан мулле Махач-эфенди из селения Чох для обучения арабскому языку. В Чохе Гамзат проявил большую склонность к знаниям. Он успешно учился арабскому языку, а в свободное от занятий время увлекался стрельбой из ружей различных систем. До 24-летнего возраста Гамзат обучался в Чохе, а после смерти своего учителя возвратился в аул Гоцатль, но не нашел уже своего отца в живых. Учеба Гамзата не была еще завершена. Он хотел учиться дальше и с этой целью отправился в Хунзах и там брал уроки у Нур-Магомеда. Через четыре года по окончании учебы Гамзат возвратился в родной аул и женился.

Современник Гамзата говорит, что он был «весьма умен от природы, ученые развило ум его. Ростом он был высок, строен, лицо имел приятное и даже красивое. Главными чертами его характера были чрезвычайное терпение в достижимости чего-либо, решительность и веселость»².

Таковы те отрывочные биографические сведения о Гамзат-беке, которые дошли до нас. Как и каким образом Гамзат-бек очутился в числе приближенных Гази-Магомеда,—сведений об этом нет, но ясно, что это было в период усиленных волнений в Дагестане.

¹ Рожденный от брака с женщиной простого (крестьянского) происхождения называется в Дагестане чанка.

² Краткий очерк жизни Гамзат-бека, л. 4 (очерк составлен по сведениям, доставленным Маклачем, сыном Чохского жителя Гази, у которого в детстве жил Гамзат-бек; в сокращенном виде напечатана в XXXI томе «Кавказского сборника» под заглавием «Гамзат-бек, второй имам Чечни и Дагестана». Рукопись хранится в кабинете истории Дагестанского научно-исследовательского института).

Гази-Магомед был в то время достаточно известен в Аварии. В 1830 г., когда Гази-Магомед подступил к Хунзаху, Гамзат-бек уже сражался во главе отряда восставших.

После неудачи под Хунзахом Гамзат-бек был послан Гази-Магомедом к восставшим джаро-белоканцам для руководства и отражения двигавшихся против восставших войск. В продолжение месячного его пребывания здесь вся Джаро-Белоканская область была охвачена восстанием. Гамзат-бек непосредственно стал грозить русской администрации Грузии. Было зимнее время. Глубокий снег мешал дальнейшим действиям и сделал невозможным возвращение в Дагестан. Гамзат-бек, не видя иного выхода, решил вступить в переговоры, но его арестовали и отправили в Тбилиси, как мятежника. Он несколько месяцев находился в плену, потом был освобожден, но вместо него взяли аманатов¹. Вернувшись из Тбилиси, Гамзат-бек вновь становится во главе восставших.

В Гимрах во время решающего боя Гамзата не было: он шел с отрядом на подмогу из Гоцатли, но до его прихода все было кончено и Гази-Магомед был убит. После этого его отряд тоже подвергался атаке.

После смерти Гази-Магомеда Гамзат-бек вместе с Магомед-эфенди Ярагским обратился с воззванием к населению Дагестана, в котором просил прислать представителей на совещание в аул Карада. В Карада собравшимися народными представителями имамом горцев был избран Гамзат. Шамиль, уже отличившийся среди народа своими подвигами, в это время лежал изнеможенный от ран и не принимал участия в избрании имама. По возвращении в Гоцатль Гамзат получил письмо от матери Гази-Магомеда, в котором она поздравляла его с избранием народом на место ее сына и сообщала, что она вручает ему деньги, собранные на поддержание войны.

Новый имам—предводитель Чечни и Дагестана,—не теряя времени, энергично взялся за подготовку нового похода против царских войск. Он стал усердно разъезжать по аулам и обращать всех к шариату. Он побывал до своего исторического похода почти во всех аулах Аварии. Он «набирал мюридов, дал при себе убежище беглым русским солдатам, из коих составил роту своих телохранителей, обмундировав и вооружив их подобно... пехоте. Эта рота постоянно содержала караул при его доме, а в поле—при его стоянке, и которым он доверял больше, нежели мусуль-

¹ Заложников.

манам; кроме того принял к себе одного из беглых офицеров»¹, который впоследствии очень приблизился к Гамзату.

По выздоровлении Шамиль сделался одним из близких сподвижников Гамзата. Как рядовой воин он выполнял все распоряжения нового имама, при нем набирал войско, заботился о его довольствии и военном снаряжении.

После ряда подготовительных мер к объединению горцев Гамзат вместе с Шамилем стал открыто рассылать воззвания в Аварию, Табасаран, Кайтаг и в шамхальство с призывом к газавату. В ответ горцы охотно стекались партиями и одиночками в Гочатль. В начале 1834 г. армия Гамзата насчитывала свыше 20 тысяч человек².

Против растущего восстания и популярности Гамзата объединились все местные реакционные силы, муллы, кадии, ханы, беки, старшины. Гамзату и Шамилю не раз приходилось выдерживать с ними борьбу. Местные реакционные силы в начале 1834 г. делают последнюю попытку, опираясь на царские войска, подавить восстание и положить навсегда конец газавату. С этой целью с ведома русских генералов был составлен союз всех владельцев и аристократии Дагестана для борьбы с восставшим крестьянством Дагестана. Против Гамзата были двинуты силы во главе с шамхалом Тарковским Абу-Муслимом (генерал-майором царской службы), с генерал-майором Ахмед-Ханом Мехтулинским, акушинским кадем Алсаном и другими. Но они ошиблись в своих расчетах. Подавить восстание не удалось. У селения Гергебиль они были разбиты наголову восставшими горцами, руководимыми Гамзатом.

В начале 1834 г. только один Хунзах не признавал имама Гамзата, а вся остальная Авария была охвачена восстанием. Гамзат-бек в первую очередь решил овладеть Аварией—центром Дагестана, имевшим важное значение по своему стратегическому положению для дальнейших действий. С другой стороны, овладение Хунзахом вело к ликвидации опоры царизма в нагорном Дагестане.

В августе 1834 г. Гамзат с 12-тысячным отрядом восставших³ подступил к Хунзаху и предложил ханше Паху-Бике, чтобы она с хунзахцами приняла шариат, прервала сношения с колонизаторами и заставила своих сыновей сделаться открытыми врагами царской администрации; в противном случае он грозил штурмовать столицу. Ханша сделала последнюю неудачную попытку отразить наступление Гамзата с помощью имеющих во дворце

сил, но затем она вместе с Абу-Нуцал-ханом была вынуждена вступить с Гамзатом в переговоры. К Гамзату был отправлен хунзахский кадий Нур-Магомед с ответом, что ханша принимает тарикат и просит прислать в Хунзах одного ученого для введения шариата. Предложение о ведении борьбы с царскими завоевателями она отвергла, обещая, однако, не содействовать им в случае войны Гамзата.

Отправляя обратно посла ханши Нур-Магомеда, Гамзат велел ей сказать, что готов послать ученого для истолкования шариата, если только она выдаст вamanаты меньшего сына своего Булаче-хана¹. Ханша Паху-Бике согласилась на требование и на другой день отправила к Гамзату Булач-хана с несколькими почетными жителями Хунзаха. Гамзат, приняв молодого хана, в тот же день отступил за 2 версты от Хунзаха, а потом отправил Булач-Хана в Гочатль, поручив надзор одному из приближенных мюридов. После этого Гамзат немедленно отправил послов в Хунзах с требованием, чтобы ханша прислала ему сыновей своих Абу-Нуцал-хана и Ума-хана для весьма важных переговоров, от которых зависит спокойствие всей Аварии и выгоды их дома; в случае отказа он грозил лишением их ханства. В лагерь на требование Гамзата явился только Ума-хан.

Ханша, видя, что сыновья ее долго не возвращаются, настояла, чтобы ехал сам Нуцал-хан, и при этом велела сказать Гамзату, чтобы он оставил их в покое. «Мы не будем ему мешать,—говорила ханша,—но пусть только он без нас действует против русских, которым если мы изменим, то нам трудно будет жить в Хунзахе, имея незначительные доходы и питаясь только дарами от императорского двора»².

К Гамзату прибыл и третий сын ханши—Абу-Нуцал-хан. Таким образом цель, поставленная с самого начала, была достигнута. Однако, Гамзат проявлял некоторую нерешительность. Шамиль, видя это, сказал ему: «Гамзат, куй железо, пока оно горячо, иначе будешь раскаиваться в своей слабости». Вслед за этим последовало приказание Гамзата мюридам об истреблении ханской свиты. Началась резня между ханской свитой и восставшими. Рубился с ханскими нукерами и Шамиль, которого за дружеское отношение с Гамзатом беки хотели непременно убить. В самом разгаре боя один аварский бек крикнул: «Изрубите Шамиля, он в белой чалме». Тогда Шамиль быстро снял с себя белую чалму и надел ее на первого попавшегося ему мюрида, а его черную папаху надел на себя; мюрид, тоже слышавший крик

¹ Прушановский, Исторические записки, л. 28—29.

² А. Зиссерман, История 98 пехотного Кабардинского полка, т. II, стр. 31.

³ Штурмер, О настоящем положении дел на Кавказе, л. 18.

¹ Али-Гаджи, Сказание очевидца о Шамиле, стр. 8.

² Прушановский, Уничтожение Аварского ханства и убийство имама Гамзат-бека, л. 30.

аварца, беспрекословно повиновался Шамилю и вскоре был изрублен в куски, а Шамиль остался жив, получив лишь легкую рану шашкой»¹. Когда большая часть нукеров и приближенных была уничтожена,—был убит наповал Ума-хан, а вслед за ним и Абу-Нуцал-хан. Это было 13 августа 1834 г.

На другой день после этой расправы Гамзат с отрядом вошел в Хунзах и поселился в ханском дворце, а Шамилю было поручено забрать все ханские сокровища. После занятия древней столицы аварских владетелей, первым делом Гамзата была расправа с уцелевшими остатками ханского дома. По приказанию Гамзата, во дворце в присутствии восставших были отрублены головы ханши Паху-Бике² и полковника царской службы, родственника ханского дома—Сурхай-бека.

15 августа 1834 г. аварских ханов не стало. В живых были оставлены только жена Абу-Нуцал-хана, в виду ее беременности, и пленный Булач-хан—из-за малолетства. Это было одно из крупных предприятий Гамзата за все его имамство.

Против восставшей Аварии и Гамзата вновь объединилось реакционное духовенство и аристократия. Цудахарский кади Аслан и акушинский кади Магомед готовились к нападению. Гамзат, узнав о готовившемся походе, сам решил вторгнуться в Цудахар и Акушу и разбить врага. С 15-тысячным отрядом восставших он двинулся в селение Куппа³, занял его и послал к акушинскому и цудахарскому кадиям и старшинам гонца с предложением присоединиться к восставшим, угрожая им в противном случае физическим истреблением⁴. Они отказались присоединиться к восстанию и Гамзат пошел на них войною. Объединенными силами Акушинского и Цудахарского обществ отряд Гамзата был разбит, и он повернул обратно в Хунзах.

Гамзат-бек, вернувшись в Хунзах, весь отдался подготовке к походу против коварных владельцев Дагестана. Он мечтал освободить Дагестан от власти ханов, беков и царских колонизаторов. С этой целью он велел заготовить большое количество пороха и свинца, послал агитаторами своих приближенных в Койсубу, Гумбет, Анди, Технуцаль, Ункрать, Богуляль, Чамалал, Анцух, Анкрать, Глейсурух и др. места, чтобы население шло в Хунзах⁵.

На подвластной территории Гамзат стал наводить кое-какие административные порядки, назначил наибов, казначеев и т. д.

Осуществить на деле идею объединения разоренных горцев Северо-Восточного Кавказа для борьбы с внутренним и внешним врагами народа Гамзату, однако, не удалось. Он был предательски убит.

2. Убийство Гамзат-бека.

В то время как Гамзат вел усиленную подготовительную работу для осуществления поставленной цели, в Хунзахе организовался против него заговор¹, подготовленный родственниками ханского дома и аульской верхушкой.

Шамиль еще при занятии Хунзаха предупредил Гамзата и требовал, чтобы он был осторожен. Он советовал ему не избирать своей резиденцией Хунзах, а находиться попрежнему в Гоцатле. Рассказывая об убийстве Гамзата, Магомед-Шефи говорит, что отец его, Шамиль, за два дня до убийства предостерегал Гамзат-бека от поездки по случаю предстоящего праздника в мечети, но Гамзат отвечал ему. «Не боюсь, будет то, что написано мне на досках предопределения»². Потом Шамиль отправил в Хунзах посланца с письмом, в котором вновь предупредил Гамзата, но последний ответил попрежнему. Получив этот ответ, Шамиль тотчас же отправил Гамзату второе письмо, в котором писал: «Ты очень слепо веришь в предопределение, это хорошо, но попробуй, однако, кинуться со скалы, и ты увидишь, что наверное погибнешь, хотя бы тебе по здоровью твоему можно было прожить много лет»³. (Это второе письмо не дошло до Гамзата).

Несмотря на все эти предостережения Гамзат избрал своей резиденцией Хунзах и никаких мер предосторожности не предпринимал. Даже тогда, когда стало известно о существовании заговора, он отнесся к нему без внимания, считая это пустыми разговорами.

Во главе заговора стояли близкие к ханскому дому—Хаджи-Мурад и его брат Осман⁴. Заговор предполагалось осуществить 19 сентября 1834 г. в Хунзахской мечети, куда Гамзат должен был явиться, как и все остальные. Утром, 19 сентября Гамзат вновь был предупрежден о готовящемся убийстве, но и на этот раз не поверил, ограничившись лишь на всякий случай приказанием, чтобы никто из жителей не смел входить в мечеть в бурке с оружием.

Судьба Гамзата была решена. Хаджи-Мурад в своих показа-

¹ Ив. Захарьин, Встреча с сыном Шамиля и его рассказ об отце стр. 376.

² Смерть ханши Паху-Бике, «Кавказский сборник», т. XXXI, стр. 33.

³ Прушановский, Исторические записки, л. 35.

⁴ Там же.

⁵ Гамзат-бек—второй имам Чечни и Дагестана, «Кавказский сборник», т. XXXI, стр. 23—24.

¹ Заговор о Гамзат-беке. Там же, стр. 36—37.

² Ив. Захарьин, Встреча с сыном Шамиля и его рассказ об отце, стр. 377.

³ Там же.

⁴ Хаджи-Мурад и Осману Ума-хан приходился молочным братом.

ниях, данных главнокомандующему Воронцову, так описывает подготовку заговора и убийство Гамзат-бека: «После убийства Гази-Магомеда русскими явился Гамзат-бек, он также угрожал разорением, и я с Омар-ханом¹ вынужден был приехать в Тбилиси к барону Розену и просить помощи его, но, прожив в Тбилиси 10 дней и не получив желаемого разрешения, мы возвратились домой. Вскоре по прибытии нашем в Аварию, Хунзах был окружен Гамзат-беком. Не имея достаточных сил к защите, мы решились выдать ему аманатов, в числе коих находился младший брат аварского хана, но при выдаче завязалась ссора с неприятелем. Омар-хан с двумя своими братьями² и до 12 приверженцев его были убиты. После этого Гамзат-бек занял Хунзах и управлял в продолжение двух месяцев всей Авариею. Имея постоянной целью удержать свободу родины и желая свергнуть Гамзата, я с старшим братом моим Османом собрал 10 человек приверженцев и в мечети умертвил его. Брат мой, Осман, нанеши удар кинжалом Гамзату, был убит его нукерами. Родственники Гамзата укрепились в ханском доме, не желая сдаваться, но были выбиты оттуда и сброшены в кручу. Вслед за этим аварцы избрали меня старшим над собою и в продолжение долгого времени я управлял всею Авариею³.

Во время убийства Гамзат-бека Шамиль в Хунзахе не был. Узнав об убийстве Гамзата, он немедленно направился в Хунзах, чтобы наказать виновников убийства, но там во главе с Хаджи-Мурадом уже образовалась сильная партия. Получив отпор под Хунзахом, Шамиль отправился в Гочатль к тестю Гамзата, потребовав у него сына ханши Паху-Бике—Булач-хана и в отомщение за смерть Гамзата приказал убить его, а тело сбросить в Аварскую Койсу, что и было выполнено.

Смерть Гамзат-бека не остановила горцев Дагестана и Чечни от дальнейшей борьбы за свою независимость. Наоборот, борьба была продолжена, причем она приняла более ожесточенный характер. Народы Дагестана и Чечни обрушивались с новой силой на своих внутренних и внешних эксплуататоров. Во главе этой борьбы стоял друг и ученик Гази-Магомеда—Шамиль. Со времени появления Шамиля в роли вождя восставших горцев борьба приняла еще более острый и ожесточенный характер.

¹ Умар-хан.

² Это ошибочно, так как Булач-хан тогда там не был, а поэтому его и не могли убить.

³ «Записка, составленная из рассказов и показаний Хаджи-Мурада, по приказанию главнокомандующего, состоящим при его светлости по особым поручениям гвардии ротмистром Лорис-Меликовым», л. 2—3 (рукопись хранится в кабинете истории Дагестанского научно-исследовательского института).

ГЛАВА V.

БОРЬБА ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ПОД РУКОВОДСТВОМ ШАМИЛЯ.

1. Шамиль-Али.

Борьба народов Дагестана под руководством Шамиля за свою независимость—это яркая глава из истории народов СССР. В лице Шамиля горцы Дагестана имели замечательного человека, обладавшего обширным умом, громадной энергией и увлекательным красноречием.

Шамиль родился в 1798 г. в ауле Гимры¹. Родители Шамиля (отец Денгау Магомед и мать Баху-Меседу) были простыми узденями-крестьянами. При рождении он получил имя Али. Будучи еще маленьким ребенком, Али заболел настолько серьезно, что родители пришли в отчаяние и стали обращаться к знахарям и муллам, но ничего не помогало. Тогда они решили согласно обычаю, переименовать больного² и назвали его Шамилем, что значит «всеобъемлющий». Мальчик выздоровел и стал называться Шамиль-Али. Сведения о детстве Шамиля чрезвычайно скудны.

Абдурахман, современник Шамиля, говорит, что «Шамиль был от природы наделен железным здоровьем»³. С ранней молодости он отличался силой, ростом и умом. Современники свидетельствуют, что не было случая, чтобы кто-нибудь мог обидеть Шамиля. Шамиль постоянно заступался за обиженных и обидчику жестоко доставалось, даже в том случае, если обидчик являлся близким родственником.

В 15 лет молодой Шамиль очень увлекался джигитовкой, фехтованием и вообще всем, в чем можно было показать силу, ловкость и отвагу. В искусстве прыгания с ним никто не мог сравняться, и он свободно перепрыгивал через плетни, широкие канавы и камни.

Гаджи-Али, служивший у Шамиля секретарем, долгие годы пробывший с ним и знавший его хорошо, так отзывался о нем: «Шамиль был человек ученый..., проницательный, храбрый, мужественный, решительный и в то же время хороший наездник,

¹ Точно год рождения Шамиля неизвестен. В источниках по биографии Шамиля встречаются чаще всего три даты: 1797, 1798 и 1799, из которых наиболее распространенной является 1798.

² По мнению горцев, если переименовать имя больного, он обязательно должен выздороветь.

³ С. Шульгин, Рассказ очевидца о Шамиле и его современниках, «Сборн. материалов для описания местностей и племен Кавказа», т. XXXII, Тифлис, 1903 г., стр. 15.

стрелок, пловец, бегун. Одним словом, никто и ни в чем не мог состязаться с ним, он хорошо изучил народ и землю Дагестана в то время, когда находился при Гамзат-беке. Он был способен на все, что бы ни задумал предпринять»¹.

В 18 лет Шамиль был уже вполне сформировавшийся горец и пользовался уважением народа. С физическим развитием Шамиля шло и умственное его развитие. Одним из любимых занятий Шамиля было чтение священных книг. Корану он учился с шестилетнего возраста у дяди своего по матери — Хазура. В 12-летнем возрасте его учителем сделался друг и товарищ, первый имам, Гази-Магомед. Он пользовался познаниями и наставлениями всех известных тогда ученых Дагестана Гаджи-Магомеда Ирганайского, Личинилау Хунзахского, Джамалутдина Кази-Кумухского и др. Успешно прошел он курс грамматики, логики, риторики, арабского языка, а в 20-летнем возрасте приступил к изучению курса философии, толкования корана и законоведения². В особенности пленяли молодого Шамиля рассказы о жизни и подвигах древних героев Греции и Рима³.

Эго был умный юноша, энергичный и решительный в своих действиях. Жажда к учебе в нем была так велика, что он не довольствуясь официальным прохождением курса, постоянно искал новых ученых, много над собой работал, чтобы расширить и укрепить свои знания.

Воспитанный в суровых условиях гор, Шамиль был всегда строг к себе и к окружающим. Вина он никогда не пил и строго паказывал тех, кто пьянствовал. Он не любил зря проводить время и всегда был чем-нибудь занят. Вставал Шамиль рано, ложился поздно. В пище он не был взыскателен: его любимое блюдо составляли хинкал и мясо, а в походах он ел и пил все, что попадало. Шамиль был очень привязан к семье, детей любил до обожания, сердечно относился ко всякому честному человеку, ненавидел ложь и обман.

С первых же дней провозглашения газавата—борьбы с колониальными захватчиками—Шамиль встал в первых ее рядах. Он сделался самым близким советником и деятелем Гази-Магомеда. Он был один из очень немногих, окружавших первого руководителя восставших горцев, кто сознательно и честно боролся против царизма. Шамиль еще при Гази-Магомеде показал пример беззаветной преданности народному делу и на этой преданности он создал себе славу героя.

Одним из первых подвигов, в котором Шамиль проявил свою решительность, силу и ловкость, было его геройство при штурме Гимры. Когда пал Гази-Магомед, то Шамиль, защищая его тело и честь, ринулся в гущу вражеских сил, вступил с ними в рукопашный бой и своим подвигом ошеломил их. Вдруг штык николаевского солдата пронзил насквозь грудь Шамиля, боровшегося в это время против другого врага, и конец штыка вышел из спины у левой лопатки. Несмотря на смертельную рану, Шамиль отнял ружье из рук врага, выдернул штык из раны и им же убил своего противника. Сила Шамиля сказалась не только в самом этом подвиге, но еще в том, что он в эти минуты не пал духом, а продолжал драться и отражать новые нападения. После этого раненый Шамиль 25 дней находился между жизнью и смертью.

Храбростью и решительностью в своих действиях против царских завоевателей Шамиль воскресил образы легендарных героев Кавказа. Эти качества Шамиля закалялись в процессе той борьбы против царских опричников, которую горцы Северо-Восточного Кавказа в течение 30 лет вели под его руководством. «Шамиль был мужественным, опытным человеком и пользовался большим влиянием среди горцев. Шамиль стал умелым правителем и талантливым полководцем»¹. Он обладал большой выдержкой, настойчивостью, умением выбрать время для удара врагу, для исполнения своего распоряжения.

Историческая деятельность Шамиля, как вождя, начинается не со смертью Гамзат-бека, а гораздо раньше, и шамилевский этап борьбы восставших горцев не является оторванным от всего предыдущего периода борьбы. В период Гази-Магомеда и Гамзат-бека Шамиль был их правой рукой. Его бросали туда, где сильнее был враг и требовалась наибольшая решительность. В самых опасных местах он показал себя на деле, как бесстрашный народный полководец. И в этой непрерывной борьбе он был выдвинут как руководитель.

Гамзат-бек был предательски убит. Но народное восстание развивалось. Только на короткое время оно было лишено руководителя. «Мюридизм, не угасший при Гамзате, ожидал только главы,—говорил полковник Романовский,—чтобы воскреснуть с новой силой. Этой главой явился Шамиль, соединивший в себе редкие дарования воина и администратора»².

Шамиль при первом известии о смерти Гамзат-бека немедленно разослал гонцов во все общества Дагестана с приглашением

¹ Гаджи-Али, Сказание очевидца о Шамиле, стр. 12.

² Ив. Захарьин, Встречи с сыном Шамиля и его рассказ об отце, стр. 374.

³ Там же.

¹ Краткий курс истории СССР под редакцией проф. Шестакова Москва, 1937 г., стр. 90.

² Романовский, Кавказ и Кавказская война, стр. 334.

народных представителей явиться на гору Арак-Тау близ Ашильта. Через два дня народные представители съехались. Шамиль открыл сход речью, в которой объявил еще раз о смерти Гамзатбека, обрисовал создавшееся положение, внешнюю и внутреннюю угрозу и вместе с тем поставил вопрос о выборе достойного руководителя горцев. Народные представители единогласно, несмотря на решительный отказ, избрали своим предводителем-имамом — Шамиля¹.

Это был сентябрь 1834 г., когда разрозненным горским народам, оттесненным царскими колонизаторами в горные ущелья, грозило беспросветное порабощение. С этого времени Шамиль возглавляет 25-летнюю борьбу горцев Кавказа против царизма. Он 25 лет обращал на себя внимание не только России, Турции, Персии, но и всей Западной Европы. Годы борьбы горских народов под руководством Шамиля наполнены яркими эпизодами, свидетельствующими о блестящих организаторских и военных способностях Шамиля. Внимательно следили за упорной борьбой горцев под руководством Шамиля, основоположники научного коммунизма — Маркс и Энгельс.

Первым делом Шамиля после своего избрания в качестве руководителя было объединение разрозненных племен и общин Чечни и Дагестана в одну единую силу, могущую противостоять противнику — николаевской России, организатору всех реакционных сил для борьбы с надвигавшимися революционными движениями.

Шамиль создал большое государство на территории современного Дагестана, Чечни и Ингушетии основанное на военно-гражданской организации.

Варнер, автор специальной брошюры о Шамиле, отзываясь о нем, как о замечательном воине и законодателе: «Перед вождем Дагестана, — говорит он, — стояла задача образовать из множеств племен, разделенных религиозной и политической враждой, один народ, дать ему общие законы и одну религию, ограничить справедливыми рамками могущество племенных князей, организовать постоянную армию, ввести в этой армии порядок и дисциплину. Созданные им учреждения соответствуют духу его народа и потребностям положения». Ввести законность и порядок там, где веками царили адатные отношения, вражда и разобщенность горцев, объединить их в единую систему правления, — это являлось исключительно трудным для того времени делом. Этого мог достигнуть только человек с огромной силой воли и энергии, и такими качествами обладал Шамиль.

Царские генералы видели в Шамиле опасного противника, со-

четавшего в себе большие военные и административные способности. Коронованный жандарм, Николай I, не пожалел ни серебра, ни золота, ни солдат, чтобы уничтожить его. Двадцать пять лет царские генералы охотились за Шамилем, но он был неуловим.

Шамиль был народным героем, горцев. Он защищал независимость трудящихся горцев и был им всем одинаково дорог. Он был не только любимцем горского крестьянства, но и русских солдат. Достаточно только вспомнить, что Шамиль содержал из беглых русских солдат целый отряд. Русские солдаты были у него артиллеристами, инженерами, мастерами и боролись против общего врага с неменьшей отвагой и храбростью, чем горцы.

Таким образом Шамилю, благодаря выдающимся административным способностям и популярности, удалось объединить всю массу разноплеменных горцев и направить их на упорную борьбу с царизмом. Он возглавил полувекую ожесточенную борьбу против феодальных реакционных сил. Он, как гроза, обрушивался на дагестанских аристократов и беспощадно расправлялся с ними, как с предателями и изменниками родины и свободы горцев.

Шамиль был и остается любимым народным героем. «Он лишь родной стране служил ее свободу сторожил, лишь для нее он жил — Шамиль» (из поэмы Сулеймана Стальского — «Дагестан»).

2. Развитие восстания.

Гимринский погром и позднейшие события ясно показали, что для борьбы недостаточно одного героизма и решительности, а надо иметь более организованную живую силу, на которую можно было бы опереться. Учитывая это, Шамиль занялся искоренением адата из обихода горцев, вводя на его место шариат. Сам лично он ездил по аулам и своими красочными речами объяснял горцам угрожающее положение и необходимость объединения для совместной борьбы с наступавшими царскими завоевателями и местной феодально-клерикальной аристократией.

Пока Шамиль был занят подготовительной работой по организации горцев, русский отряд вторгся в Гимры и разорил дома главных инициаторов возмущения. Дом Шамиля был сожжен каранайским старшиной Уллу-беем — лазутчиком царизма. Шамиль, узнав об этом, поспешно двинулся в Гимры, но было уже поздно: русский отряд, разорив селение, ушел в Темир-Хан-Шуру. По прибытии в Гимры Шамиль потребовал привести к себе Уллу-бея и в присутствии всех гимринцев собственноручно снес ему голову шашкой, сказав во всеуслышание: «С этих пор всякого изменника ожидает точно такая же участь».

¹ Гаджи-Али, Сказание очевидца о Шамиле, стр. 11.

Царские завоеватели шаг за шагом захватывали земли, продвигаясь в глубь гор. В 1834 г. в Северном Дагестане было возведено новое укрепление Темир-Хан-Шура и в ней расположен Апшеронский пехотный полк; на правом берегу Сулака были построены Казниюртовское укрепление и ряд других укрепленных постов и башен—опорных пунктов для действий против Шамиля. Учитывая это, Шамиль после гимринских происшествий решает избрать своей резиденцией более отдаленный и неприступный аул Ашильта.

В первые два года Шамиль не предпринимал никаких решительных действий против колонизаторов. Он, создавая себе опору среди аварских джамаатов, накапливал силы для решительных действий. Зато вся Чечня, начиная с 1835 г., была охвачена восстанием. Главными организаторами чеченских событий были Шамиль и его мюриды: Ташов-гаджи, Уди и Магомед-эфенди.

Ташов-гаджи родился на Мичика и был лучшим другом и соратником Гази-Магомеда, после смерти которого он возвратился в Чечню и поселился в Бей-Булат-юрте, откуда и стал вести среди чеченского крестьянства пропаганду борьбы с царскими завоевателями; после избрания Шамиля имамом, Ташов-гаджи в 1835 г. ездил на совещание и, возвратившись из Дагестана, организовал сильный отряд восставших¹ и сделался опасным врагом царизма в Чечне. Уди—староюртовский чеченец, близкий сподвижник Ташова и Магомеда-эфенди. Магомед-эфенди—Герменчукский житель, мюрид Гази-Магомеда, проповедник мюридизма в Чечне. Через этих трех мюридов Шамиль и руководил всем движением в Чечне, где он уже был очень популярен среди трудового крестьянства.

В 1836 г. Шамиль стал действовать активно. Число восставших сторонников Шамиля в Дагестане и Чечне сильно возросло.

В конце 1836 г. под властью Шамиля находился весь Северный Дагестан. Оставался в Аварии еще Хунзах, преданный ханской власти, куда был назначен новый хан—Ахмед Мехтулинский. Шамиль готовился к окончательному удару по Хунзаху. Его в это время занимала одна мысль, одно желание—овладеть Аварией, чтобы слить воедино обширные владения преданных ему горских обществ и поставить для царизма сильную преграду к покорению Дагестана².

Победа Шамиля над Хунзахом и разгром остатка аристократических сил сделали бы Шамиля опасным соседом для царских

¹ Рапорт командира Отдельного Кавказского корпуса военному министру графу Чернышеву (ЦВИА, д. 6306, л. 4—5).

² Прушановский, Исторические записки, гл. III—Владычество Шамуила.

завоевателей. Царское командование сразу учло это обстоятельство. Поэтому барон Розен предписал командовавшему войсками в Шуře генералу Раутту двинуться в Дагестан и занять Хунзах. Раутт два раза подходил к берегам Койсу и всякий раз возвращался ни с чем. Хунзаху грозила опасность. Ахмед-хан, тогдашний правитель Аварии, а до него Хаджи-Мурад, принуждены были неоднократно обращаться с просьбой, чтобы русские генералы взяли Хунзах под свою защиту.

Влияние Шамиля в горах росло. Это «усиливающееся влияние Шамиля в Дагестане,—говорил барон Розен,—может иметь неприязненные последствия»¹. Шамиль усиленно подготавливал силы для решительных действий против колонизаторов. Об этом говорят и официальные донесения. В своем рапорте полковник Пулло сообщает, что «ежедневно подтверждаемыми известиями о неблагоприятных к нам намерениях гимринского Шамиля, притом же, соображаясь с действиями его, выражениями в письмах к народу..., я остаюсь в том мнении, что цель Шамиля есть весьма вредна и злонамерена против нашего правительства...»². В другом месте барон Розен сообщает, что постоянные стремления Шамиля «к введению зловерного учения, а равно и все нынешние действия сего хитрого возмутителя показывают, что он употребляет все возможные средства, чтобы усилиться в Дагестане и Чечне»³.

7 мая 1837 г. для наказания восставших горцев и Шамиля была снаряжена из Темир-Хан-Шуры специальная экспедиция. Называлась она «Аварской экспедицией» и находилась под начальством командующего войсками в Северном Дагестане генерала Фезе. 27 мая Фезе прибыл в Хунзах с отрядом в 8 батальонов и с 3 сотнями казаков при 18 орудиях. Сюда же прибыли отряды местных феодалов и аристократов из Мехтули во главе с Ахмед-ханом и из Кази-Кумуха во главе с Магомед-Мирза-ханом. По прибытии в столицу Аварии, Фезе прежде всего приказал укрепить ее и водворил в ней гарнизон из 4 рот. Комендантом Хунзаха был назначен подполковник Карцев. По дороге в Шуру были воздвигнуты укрепления в Бурунду-Кале, Зирани, Моксоке и Цитанихе.

Оставив в Хунзахе две роты, барон Розен предпринял поход на резиденцию Шамиля и его семейства в аулах Ашильта и Ахульго. Сам Шамиль в это время находился в Тлитле с отборными

¹ Предписание барона Розена генерал-майору Раутту от 8 июля 1836 г., № 728, стр. 218, «Кавказский сборник», т. XXXII.

² Рапорт полковника Пулло барону Розену от 11 июля 1836 г., № 84, «Кавказский сборник», стр. 282.

³ Отношение барона Розена генерал-адъютанту Адельбергу от 30 июля 1836 г., № 600, там же, стр. 287.

своими мюридами. 8 июня отряд Фезе уже стал под аулом Ашильта. В ауле остались только его защитники, а женщины, дети и имущество были переправлены в Ахульго. Аул Ашильта по своему местоположению являлся одним из наиболее укрепленных. К приходу царских войск аул был приведен в оборонительное состояние: окна и двери домов были заложены камнями или бревнами, деревья и строения, лежащие на правом берегу реки, были уничтожены; в каменных стенах были пробиты бойницы. Здесь стояло под ружьем 200 мюридов под начальством Алибека. В тот же день Фезе приступил к штурму аула. Началась ужаснейшая битва на штыках и кинжалах. Дрались на крышах, в тесных улицах, в темных саклях. Дрались грудь о грудь, кололись и рубились¹. После кровопролитной схватки, к двум часам пополудни Ашильта была взята. Такая же участь постигла и Ахульго.

К этому времени огромная партия восставших появилась на правом берегу Койсу: это были жители аулов Тинды, Богоз, Богулял, Каляло, Ансалта и др. под предводительством тиндальского Алиго-Магома. Двенадцать с лишним тысяч восставших горцев окружили у Ашильта войска генерала Фезе и стали угрожать окончательным разгромом. Это вынудило генерала прекратить дальнейшее продвижение в глубь гор и дать приказ к отступлению из Ашильта и др. мест в Шуру². Во время отступления царские войска подверглись ряду атак со стороны горцев и понесли большие потери. 19 июня 1837 г. генерал Фезе, встретив по дороге в Шуру новые отряды, возвратился в Хунзах, чтобы идти с новыми силами к очагу восстания, на Шамиля.

В ауле Тлитль действовали части отряда Фезе под начальством капитана Тулинского и подполковника Букчиева. Чтобы поддержать эти войска и окончательно ликвидировать один из очагов восстания, Фезе поспешно двинулся на Тлитль³. 4 и 5 июля после штурмов царским войскам удалось завладеть окранным аула. Однако, Шамиль с отборными своими мюридами все еще держался крепко и отражал натиск врага. Отряд Фезе предпринял еще ряд атак, но безрезультатно,—горцы держались устойчиво, выдерживая изнурительные штурмы.

Рассчитывать захватить Шамиля Фезе уже не мог. В его отряде после трехдневного боя обнаружился недостаток снарядов и продовольствия. Затяжка борьбы грозила отряду Фезе плохими последствиями, и это вынудило его пойти на переговоры с Ша-

милем. Трудно сказать, кому принадлежала инициатива переговоров, но факт тот, что положение обеих сторон было критическое, обе они оказались предельно истощенными. Фезе принужден был довольствоваться тем, что Шамиль поклялся не волновать горцев и в залог верности выдал в аманаты племянника своего Гамзата¹. Удовлетворившись этим, генерал Фезе возвратился с отрядом в Хунзах.

В это самое время вспыхнуло восстание в Южном Дагестане и в Азербайджане. Царские генералы захватывали земли у горцев, продвигались в глубь гор и стали грозить окончательным порабощением народов Дагестана. На эти шаги колонизаторов Шамиль ответил новым призывом горцев к борьбе. К нему стала стекаться масса горцев. Народное восстание в горах ширилось, сторонников борьбы за независимость становилось все больше.

Такое положение в горах толкнуло русских генералов, офицеров и местную аристократию к провокационным вылазкам против Шамиля. Были пущены в ход все средства, порочащие авторитет Шамиля, он обвинялся в измене народу и невыполнении условий заключенного с ним мира. В ответ на распространяемые ложные слухи Шамиль в специальном письме к генерал-майору Ключегу сообщил: «Вы не примите в уважение слов лживых людей... Вы, как доселе не видели и не слыхали от меня лжи и лести, равно и впредь не увидите, если я и буду жить на свете 100 лет... Я не намерен убить кого-либо, если он сам не думает учинить оное мне, равномерно я ни у кого не отнял ничего, кроме лошади Шахбана, и потому, что он также отнял у других. Восстание и старания мои в народе есть для их блага и усмирения». Далее Шамиль в письме указывает, что он «не позволит одному учинить обиду другому, также если кто-либо отнимет у кого что-либо, пока у меня сила, я дотоле не отстану от таковых, пока не возьму у него взамен и не удовлетворю обиженной стороны»².

На Кавказе ожидали приезда императора Николая I. В связи с этим кавказское командование решило убедить Шамиля лично явиться к императору с покорностью. Граф Адлельберг специально предписал барону Розену употребить «все меры умственного

¹ Вот содержание письменного договора, заключенного между Фезе и Шамилем: «Выдавая аманаты Магомед-Мирза-хану (уполномоченному с русской стороны) мы заключили мир с российским государством, которого никто из нас не нарушит, с тем, однако, условием, чтобы ни с какой стороны не было оказано ни малейшей обиды против другой. Если же какая-либо сторона нарушит данное ею обещание, то она будет считаться изменницей, а изменник почтется проклятым перед богом и перед народом. Сие наше письмо объяснит всю точность и справедливость наших намерений».

² Письмо Шамиля к генерал-майору Ключи-фон-Ключегу, «Кавказский сборник» т. XXXII, стр. 286.

¹ Казбек, Кюринцы в Чечне и Дагестане, Тифлис, 1885 г., стр. 53.

² Всеподданнейшее донесение Головина с кратким образованием военных действий на Кавказе в продолжении 1838 и 1839 гг., «Кавказский сборник», стр. 369—370.

³ Прушановский, Исторические записки, л. 50.

убеждения», чтобы «Шамиль непременно был представлен лично его величеству»¹.

В надежде на успех этого предприятия, для переговоров был назначен генерал Клюки-фон-Клюгенау. В аулы Гимры с небольшим конвоем одновременно прибыли и Шамиль и Кюленау². Кюленау стал убеждать Шамиля прекратить борьбу и выехать навстречу царю, который окажет ему внимание и милости. Шамиль сразу отказался, сказав генералу прямо, что в этом предложении он видит коварство и посягательство на его личность. «Я решил,—сказал Шамиль,—не отправляться на свидание, потому что я неоднократно видел измену от вас, которая всем известна». Кюленау, убедившись в бесполезности переговоров с Шамилем, вынужден был вернуться обратно ни с чем. Между прочим, при этой встрече произошел любопытный инцидент. Когда, здороваясь с Шамилем, Кюленау протянул ему руку для приветствия, тот не принял ее. При прощании Кюленау вторично протянул Шамилю руку, но и на этот раз он, по совету своего дяди Бартихана, снова не принял. Кюленау, заметив вмешательство Бартихана, закричал, затопал ногами и, обращаясь к приближенным Шамиля, назвал их дураками, собаками и т. д. Шамиль, заметив истерическое поведение генерала, сказал, обращаясь к своим мюридам: «Удалите скорее от меня эту донгуз³ или дело кончится худо»⁴.

Так кончилась первая попытка царского командования завлечь Шамиля в ловушку.

Выше мы видели, что попытка царского правительства покончить с сопротивлением горцев не увенчалась успехом. Ряды Шамиля, хотя и были расстроены, но до поражения еще было далеко. Шамиль со всеми присущими ему организаторскими способностями работал над объединением ранее разрозненных племен и обществ. Ни усиление числа царских войск, действующих в горах, ни умножение числа крепостей и укреплений на подступах к горам не могли остановить горцев от дальнейшей борьбы за свою независимость. С каждым годом число восставших сторонников Шамиля невиданно возрастало.

В ноябре 1837 г. командующим отдельным кавказским корпусом вместо барона Розена был назначен генерал Головин. Новый командующий в первое время особого значения происходящим

в Дагестане событиям не придавал. В 1838 г. он главное свое внимание обращает на утверждение царской власти на Западном Кавказе, по восточному берегу Черного моря. Что касается Восточного Кавказа, то все действия в 1837—1838 гг. были направлены на подавление восстания в Азербайджане (в бывш. Кубинской провинции), в Табасаране, Кара-Кайтаге, Ахтах и Рутуле.

Шамиль умело использовал этот момент отвлечения действующих сил от среднего Дагестана для своего укрепления в горах. Он употребил все силы и старания для того, чтобы сплотить в мощную силу восставших горцев, придать им определенные организованные формы. Особое внимание Шамиль обратил на общество Койсубу, откуда он мог беспрепятственно предпринимать свои набеги во все стороны Дагестана: на владения шамхала, на Мехтули, в Аварию и на царские укрепленные пункты. Здесь же на правом берегу Андийского Койсу Шамиль, очень искусно воспользовавшись отвлечением внимания кавказских властей на Западный Кавказ, приступает к возведению новых укреплений¹. В течение каких-нибудь нескольких месяцев, по указанию Шамиля, были построены с помощью пороха и самых простых инструментов гигантские сооружения. Шамиль на правом берегу Андийского Койсу в скалистых горах устроил обширные пещеры, соединил их крытыми ходами, преградил все ущелья завалами и другими искусственными препятствиями. Этими работами руководил его инженер и наиб Гаджи-Юсуф. Укрепленную таким образом скалу Шамиль назвал Новый Ахульго. Для того, чтобы оградить свободный доступ к этому укреплению, Шамиль сильно укрепил аул Ирганай, а жителей его переселил в горы.

Уже к концу 1838 г. многие дагестанские общества вокруг Аварии, Салатавии и в Чечне были объединены Шамилем. Он все более упрочивал свою власть в горах, число восставших ежемесячно увеличивалось. По первому его зову стекались сильные партии горцев, послушные его распоряжениям.

Генерал Головин в своем донесении Николаю I в конце 1838 г. о событиях в Дагестане и о предполагаемых действиях на 1839 год писал, что «Шамиль есть приемник и сподвижник Казимулы; в нем сосредоточивается теперь вся духовная власть. Это вредное направление присоединилось к собственному, буйному и данному состоянию дагестанцев и год от года делает сложнее и затруднительнее усмирение края. Такое состояние Дагестана далее не может быть терпимо, без очевидного вреда для нашего государства... так и для спокойного обладания Закавказьем...»

«На правом фронте,—продолжает далее Головин,—мы хотя

¹ Отношение графа Адлельберга барону Розену от 10 августа 1837 г., № 159, там же, стр. 342.

² См. материалы свидания Клюки-фон-Клюгенау с Шамилем, напечатанные в «Кавказском сборнике», т. XXXII, ч. I, стр. 342—366.

³ Донгуз—свинья.

⁴ Магомед-Тагир, Три имама, стр. 41.

¹ Там же, стр. 42.

имеем сильного неприятеля, но там никогда не было единства, там народ не соединяется общими силами, как это было в Дагестане... По этим соображениям я считаю усмирение Дагестана делом первостепенным, для которого употребить должно все способы, в моем распоряжении состоящие хотя они и недовольно достаточны, дабы совершенным успехом и меньшими пожертвованиями завершить столь огромное предприятие, долженствующее встретиться в исполнении своем большие трудности и упорное сопротивление. Предприятие это по возможности не должно быть подвержено случайностям. Усмирение же племен черкесских считаю делом второстепенным»¹.

Николай I, рассмотрев подробно предположения генерала Головина, написал резолюцию следующего содержания:

«В военном отношении для упрочения нашего владычества на Кавказе предстоят два главных предмета:

- 1) Покорение горских племен, т. е. черкес и проч. со всеми мерами из сего истекающими.
- 2) Покорение и усмирение горного Дагестана, или общим названием левого фланга.

Первое необходимо довершить и потому, что уже начато, и можно сказать успешно исполнится...

Второе равно необходимо, ибо без одного ни покоя, ни верного владычества иметь на Кавказе не можем»².

Влияние Шамиля все более усиливалось. В 1839 г. Шамиль приобрел такой вес среди горского крестьянства, что его распоряжения беспрекословно исполнялись. Генерал Головин в специальном донесении графу Чернышеву, за месяц до похода против Шамиля, сообщает, что «власть Шамиля в нагорном Дагестане усиливается... Самые отдаленные, непокорные нам лезгинские племена, обязались по первому требованию явиться к нему для неприязненных против нас действий. Главнейшие сообщники его с партиями мюридов разъезжают по Дагестану, силою и убеждением побуждают присоединиться к Шамилю тех горцев, кои ему еще не повинуются и принуждают их к исполнению разных требований сего возмутителя. По приказанию его жители четырех Аварских деревень, лежащих близ северной границы Койсубу, переселяются со всем своим имуществом в Гумбетовскую деревню Инхо, а запасы хлеба отправили в замок Ахульго»³.

• Таково было положение в Дагестане и в Чечне в начале 1839 г.

3. Походы царских генералов против восставших горцев в 1839 г.

Царское правительство признало необходимым принять срочные меры¹ против возраставшего могущества Шамиля, чтобы тем самым предотвратить возможное общее восстание в горах. С этой целью весной 1839 г. были предприняты две большие карательные экспедиции в Нагорный Дагестан и Чечню. Были сформированы два отряда: Самурский—под начальством корпусного командира генерала Головина для подавления восстания по Самуру и Чеченский—под командованием генерала Граббе для действий против Шамиля в Северном Дагестане и Чечне. Походы были тщательно подготовлены. По плану, чеченский отряд должен был начать действия движением в Дагестан против Шамиля и уже осенью занять Чечню.

Шамиль также не дремал; он объездил весь северный Дагестан и призвал жителей к войне. Энергично работали и все главные предводители восставших, чтобы привлечь к борьбе возможно большее число горцев.

В горах готовились к отпору². По приказанию имама стали укреплять и без того крепкую естественную крепость Новое Ахульго. В инженерном искусстве Шамиль оказался таким же мастером, как и в административном и военном деле. «Его искусство сделало бы честь европейскому инженеру»,—пишет один из современников. При помощи беглых поляков, сосланных на Кавказ после кровавого погрома Польши в 1831 г., и беглых русских солдат, Шамиль, разрушив старые башни, разлетавшиеся от пушечных ядер, возвел новые крепкие земляные валы и башни. Имам настолько укрепил Новое Ахульго, что он сам считал его неприступным. Но Шамиль не ограничился укреплением только одного этого пункта, он решил рядом с ним создать еще другие крепости—целую систему обороны. С этой целью он решил встретить царские войска у самого входа в горы, задерживать их на каждом шагу, оборонять лучшие позиции по пути у Буртуная, Салатавии и Аргуни и отрезать отряду Граббе всякое сообщение с плоскостью.

План отражения генерала Граббе был разработан довольно искусно. Над ним Шамиль работал с беспримерной энергией. Главная мысль плана заключалась в том, чтобы собрать побольше

¹ Казбек, Кюринцы в Чечне и Дагестане, стр. 80.

² А. Зиссерман, История 80 пехотного Кабардинского полка, стр. 80.

³ Отношение генерала Головина графу Чернышеву от 31 марта 1839 г., № 674, «Кавказский сборник», т. XXXII, ч. I, стр. 380.

¹ «Предначертания государя императора для действий в 1839 г. в Кавказском крае» (ЦВИА, д. № 6363, л. 1—118).

² Отношение генерала Головина графу Чернышеву от 31 марта 1839 г. № 684, там же, стр. 380.

всевозможных средств к предстоящей упорной борьбе против натиска царских войск.

Шамиль умело распланировал свои действия на случай неожиданного вторжения царских войск в глубь гор. По его плану действия должны были начаться в Чечне, в тылу отряда Граббе должно было вспыхнуть восстание ичкеринцев и мичиковцев, чтобы тем самым отвлечь войска от действий в Дагестане. Эта часть работы возложена была на Ташов-гаджи.

Ташов-гаджи в Чечне, по указанию Шамиля, накануне выступления отряда генерала Граббе поднял ичкеринцев, ауховцев и др. горцев—значительное число чеченского крестьянства—против колониальных захватчиков, и построил укрепление на реке Аксае близ Мискита и Саясан. Во главе с восставшими Ташов стал совершать систематические набеги на царские укрепления пункты.

При таких условиях, когда почти вся Чечня и Дагестан были охвачены восстанием, генерал Граббе не рискнул пойти прямо на Шамиля, в Дагестан, а вынужден был направиться в Чечню и начать свои действия с подавления восстания в самом тылу.

9 мая отряд Граббе выступил из крепости Внезапной в Мискиту, против Ташов-гаджи. В течение 6 дней отряд Граббе побывал в Ичкерии, Ахмет-Тале, в земле ауховцев, Саясане, Аксае и др. местах. По пути были выжжены самые крупные аулы (Хиля, Гулюк, Зухуми и др.), хлебные посевы растоптаны, а восставшие крестьяне истреблены. Сам Ташов-гаджи, после разгрома его отряда, вынужден был с горстью храбрецов, отступить в леса за селение Беней. «С истреблением ближайших к плоскости ичкеринских селений,—говорит полковник Милютин,—служивших пристанищем и сборным пунктом скопищам горцев, линия была на некоторое время предохранена от их набегов»¹.

Таким образом, в результате разгрома восстания в Чечне Шамиль лишился значительной вооруженной силы чеченцев, которые, оставаясь в тылу отряда Граббе, были бы весьма опасной силой.

Граббе стал готовиться к новому походу против Шамиля, но достичь главного очага восстания, резиденции Шамиля—Ахульго, было не так-то легко. В Ахульго можно было проникнуть двумя путями: или со стороны Темир-Хан-Шуры (ныне Буйнакская) через Аварию и Койсубу или со стороны крепости Внезапной через Салатау и Гумбет. Этот последний путь Граббе и избрал для наступательного движения к Ахульго из следующих соображений. Взятие Ахульго могло быть только последним, конечным ударом

владычеству Шамиля, но «чтобы достигнуть этой победы, необходимо было,—говорит один из современников,—так сказать, подготовить и облегчить ее нанесением поражения горцам везде, где только можно было встретить их скопища. Как бы ни были по всем вероятностям, кровопролитны эти встречи, как бы ни дорого обошлись они нашим войскам, только подобными успехами и можно было произвести нравственное влияние на умы горцев, поколебать доверие их к силе и непобедимости Шамиля и тем разрушить основания его могущества в горах. Лишившись содействия обществ дагестанских, левой стороны Андийской Койсу, Шамиль не мог бы держаться в Ахульго»¹.

21 мая 8-тысячный отряд генерала Граббе выступил из Внезапной. В состав отряда входили 8 батальонов пехоты, рота сапер, 170 орудий, 2 сотни конных казаков, 4 сотни пеших, 2 сотни горской милиции². Главная цель экспедиции заключалась в том, чтобы нанести решительный удар Шамилю в основном его укреплении—Ахульго и тем самым уничтожить оплот всякого сопротивления горцев. С царскими колонизаторами объединилась и дагестанская феодальная знать—ханы, беки, старшины и кадии. В 1839 году в помощь отряду Граббе шамхал Тарковский и Ахмед-хан Мехтулинский выставили 3320 человек. В экспедиции генерала Граббе против Шамиля участвовало 45 местных дагестанских князей, беков и старшин³.

Такой же карательный отряд под начальством генерала Головина был направлен для подавления восстания в Южный Дагестан.

Шамиль, как только узнал о движении отряда Граббе, собрал огромный отряд восставших и обратился к населению Дагестана и Чечни с воззванием. Он говорил, что наступление царских войск на Андийское Койсу несет для горцев опустошение и гибель и призывал вооружиться и вступить в войну. Призыв Шамиля нашел живой отклик во всех уголках Дагестана и Чечни. К нему стали стекаться со всех концов гор и плоскостей вооруженные отряды горцев, чтобы организованным отпором отстоять свою независимость. К 24 мая у Шамиля уже был 4-тысячный вооруженный отряд; к этому же времени Шамиль усиленно занялся укреплением аула Аргуни.

Не дожидаясь углубления отряда Граббе в горы, Шамиль сам отправился ему навстречу и вступил в бой у аула Буртунай.

В продолжение всего перехода отряда Граббе население, рас-

¹ Милютин, Описание военных действий в 1838 г. в Северном Дагестане, стр. 44. СПб, 1850 г.

¹ Там же, стр. 47.

² Там же, стр. 49.

³ Там же, стр. 139.

положенное по долине Андийского Койсу, задерживало наступление, вынуждало войска вступать в бой, разрушало мосты, заваливало проходы и всячески мешало наступающим. Отряду Граббе приходилось продвигаться с большими трудностями по неизвестным горным тропам и ущельям, где на каждом шагу поджидали горцы. Добраться до аула Аргунь стоило огромных человеческих жертв.

Пока отряд Граббе пробивался сквозь засады, устраиваемые на его пути горцами, Шамиль после некоторой неудачи под Буртунаем с новой энергией готовился к борьбе. Он собрал под свое знамя более 10 тысяч горцев, обитавших между районами Андийское Койсу, Сулаком и Аргуном, и решил загородить отряду Граббе дальнейший путь у аула Аргунь. В течение нескольких дней Шамиль «создал из скал и сакль твердыню, о которую, по расчету имама, должен был разбиться изнуренный отряд Граббе»¹. Действительно, Аргунская позиция была настолько сильна² по своим естественным и искусственным преградам и многочисленности живой силы, что Шамиль не без основания считал ее весьма важной. Бывший командир полка полковник Казбек говорит, что «с начала Кавказской войны русские в первый раз встречали перед собою горцев, собранных в такую массу, под командой одного человека, в укрепленной позиции. Аргунское дело должно было напомнить штурм Тлитля, составить эпоху в истории Кавказской войны»³.

30 мая генерал Граббе подступил к Аргуни и начал бомбардировку аула. Это оказалось бесполезным: ядра не брали прочно построенных сакль и укреплений. Тогда на рассвете 31 мая войскам был дан приказ идти на штурм с трех сторон. Началась ожесточенная битва. Горцы держались с необычайным упорством и отвагой. Они метко разили наступающего врага ружейными выстрелами. Царским войскам с большими потерями приходилось брать каждый завал и подступ к аулу.

Полковник Милютин, участник этой кровавой драмы говорит, что завалы были заняты самыми отчаянными горцами, которые решились здесь положить голову. Стремительное движение колонн царской армии показало горцам, что их не удержит самый жаркий огонь. Тогда осажденные бросились навстречу колоннам с шашками и кинжалами в руках и гибли под штыками. Некоторые оставались в передовых саклях до последнего издыхания. Поте-

ряв всякую надежду на спасение, они хотели дорого продать свою жизнь¹.

Сам Шамиль, борясь в передовых рядах как рядовой воин, своей храбростью и решительностью подавал пример остальным. Храбрые горцы, одушевленные примером неустрашимого своего предводителя, мужественно отражали натиск врагов. Бой завязался в саклях, на крышах, на улице. Царским войскам, ворвавшимся в аул, приходилось с боем брать почти каждую саклю. В течение целого дня происходила эта кровавая резня. Полковник Милютин, продолжая описание этой сцены, говорит, что целый день, до наступления темноты, продолжалось еще кровопролитие. Чтобы заставить горцев выйти из саклей, не было другого средства, как пробивать отверстия в крышах, бросать внутрь горючие вещества и зажигать балки, несмотря на то, что горцы оставались по несколько часов в каждом доме, им иногда удавалось пробивать себе выходы и скрываться потаенными сообщениями из одной сакли в другую. Много тел впоследствии было найдено совсем обгорелыми. При всей невыгоде своего положения горцы успевали, однако же, наносить много вреда царским войскам. С шашками и кинжалами отбивались они поодиночке до тех пор, пока не выпускали дух на штыках. Некоторые же бросались на десятки солдат без всякого оружия.

К концу дня в руках горцев оставалась еще значительная часть селения. Особенных же трудов стоила башня, возвышавшаяся в несколько ярусов на восточной оконечности аула. Тут все усилия царских войск были напрасны. К вечеру они принуждены были с невероятным трудом втащить в аул два горных и два казачьих орудия и поставить их на крышах ближайших домов, чтобы пробить брешь. Несмотря на это, горцы не сдавались. На ночь Граббе вынужден был принять строгие меры к своевременному обложению всего аула, в особенности тех саклей, в которых еще находился неприятель².

Бой под Аргуном продолжался непрерывно 36 часов. После изнурительной осады Шамиль с большими потерями отступил в сторону Ахульго. Он надеялся, что Граббе все равно будет разбит в горах.

Победа царских войск под Аргуном³ дала им возможность продвинуться в глубь гор к главному очагу восстания—Ахульго.

¹ Милютин, Описание военных действий в 1839 г. в Северном Дагестане, стр. 62.

² Милютин, стр. 63—64.

³ Аргунское дело царизму стоило больших потерь: только одних раненных, выведенных из строя, по официальным данным было до 500 человек, в том числе 30 офицеров.

¹ Казбек, Кюринцы в Чечне и Дагестане, стр. 89.

² Всеподданнейшее донесение генерала Граббе, «Кавказский сборник», т. XXXII, стр. 372.

³ Казбек, стр. 89.

Граббе, преследуя отступающих горцев, направился в Аварию, уничтожая по пути аулы и истребляя беззащитных женщин и детей. После Аргунского поражения Шамиль засел в неприступной горной твердыне Ахульго с четырьмя тысячами храбрцев. Он послал во все концы Дагестана и Чечни своих лучших агитаторов: Ахверды Магома—в Богулял, Сурхая—в Ихали, Галбац—в Анди¹, чтобы они призывали горцев на помощь имаму. Свою крепость Шамиль сильно укрепил.

Ахульго—это не один аул, а два: Старый и Новый. Старый и Новый Ахульго, по свидетельству современников, занимали два огромных утеса, разделенных между собою большим ущельем речки Ашильта. Оба аула составляли полуостров, огибаемый с трех сторон рекою Койсу. Верхние площадки утесов, огражденные кругом отвесными и каменистыми скалами, суживались к югу, примыкая к окружающим горам только двумя узкими перешейками. От старого Ахульго вдоль берега Койсу тянется хребет. Над новым высится почти отвесно остроконечная вершина, на которую можно взобраться только поодиночке. На этой вершине горцами была возведена башня, носившая наименование Сурхаевой². В одном месте оба утеса сближались между собой до того, что между ними было перекинуто несколько бревен, под которыми была пропасть более чем в 20 саженей глубины.

Это недоступное горное гнездо Шамиль укрепил еще многочисленными искусственными сооружениями. Так, например, оба гребня, которыми Старый и Новый Ахульго примыкали к соседним горам, были глубоко перекопаны и над ними высились каменные постройки с бойницами. А в Новом Ахульго перед передней башней было устроено нечто вроде бастиона: две каменные постройки, соединенные траншеей, откуда можно было бы обстреливать все передовые подступы, если бы была взята передняя башня, и другие. С лучшими своими мюридами Шамиль засел в этой неприступной твердыне.

11 июня отряд Граббе подступил к Ахульго, но штурмовать его сразу он не решился, так как боялся больших жертв. «О штурме открытою силою,—говорит полковник Милютин,—нельзя было и помышлять; для совершенной блокады с обеих сторон реки силы отряда оказались совершенно недостаточными. Местность была столь пересечена, что войска не могли иметь беспрепятственного между собою сообщения, а потому и не могли взаимно друг друга подкреплять в случае вылазки»³.

¹ Милютин, стр. 75.

² Названа по имени строителя башни—Сурхай-кадия.

³ Милютин, стр. 71—74.

Видя перед собой такое препятствие и не идя прямо на штурм, Граббе решает обложить Ахульго и тем самым вынудить Шамиля сдаться без боя. С 13 июня целую неделю войска были заняты работой по блокаде, но на практике все ожидания генерала вынудить Шамиля сдаться не имели никакого успеха. Число горцев в Ахульго стало расти за счет пришлых, а лучшие помощники Шамиля—Ахверди Магома и др.—стали собирать новые партии, чтобы совершать вылазки в тылу Граббе и постоянно грозить расположению войск генерала. Число горцев все более усиливалось вновь пришедшими на помощь. 22 июня Шамиль произвел вылазку и уничтожил всю осадную роту.

Так Граббе простоял до 28 июня. Тогда он решает идти на штурм, но прежде уничтожить Сурхаеву башню, как наиболее мешавшую штурму Ахульго. 29 июня штурм Сурхаевой башни был произведен, но безрезультатно. Граббе убедился, что брать башню силами, которыми он обладает, невозможно.

Шамиль держался крепко, умело отражая все коварные попытки генерала. Двадцатидневная блокада генерала Граббе никаких результатов не имела. Число войск Граббе постепенно уменьшалось. Поэтому в начале июля кавказское командование стало засылать в горы отряды за отрядами на помощь Граббе, а подавление восстания в Южном Дагестане освободило для действий еще три батальона под командой полковника Врангеля. Таким образом отряд Граббе усилился до 13 батальонов и 30 орудий, не считая отряда шамхала Тарковского, хана Мехтулинского и др., численность которых превышала 4 тысячи человек.

С прибытием подкрепления началась бешеная бомбардировка знаменитой Сурхаевской башни, командовавшей над всей местностью. Вскоре она была разрушена. Несмотря на то, что разрушение башни ослабило до некоторой степени позиции горцев, они тем не менее смело отражали врага. Шамиль употребил все средства к обороне своих позиций. Он с замечательным искусством укрепил все слабейшие пункты своего расположения и правильно расставил свои силы. Предпринятый генералом Граббе 1 июля штурм окончился полной для него неудачей, с большими потерями.

Слух об успехах Шамиля в борьбе с царским генералом разнесся по всему Дагестану и Чечне, к нему стали отовсюду прибывать подкрепления, привозившие с собою съестные припасы и порох.

Надо отметить, что в начале августа положение Шамиля сильно осложнилось в связи с тем, что среди защитников Ахульго появилась оспа. Болезнь выводила из строя много храбрых и преданных Шамилю горцев. Кроме того, защитники Ахульго были силь-

но истощены двухмесячной осадой и штурмом. В этот тяжелый для Шамиля момент генерал Граббе решает возобновить военные действия. Шамиль, не видя выхода из затруднительного положения, старается разными путями войти в переговоры с завоевателем. Наконец, 12 августа согласие на переговоры было достигнуто. Переговоры велись 4 дня. Граббе выставил свои условия Шамилю: выдать сына Шамиля в качестве аманата и самому Шамилю выйти в русский лагерь, после чего Граббе уйдет на плоскость.

На эти условия Шамиль не согласился, и 17 августа был начат кровавый штурм, известный в истории под названием штурма Ахульго. Был открыт сильный орудийный огонь. Началась беспримерная в истории Кавказской войны кровопролитная бойня. Горцы сражались с изумительной храбростью. Они, засевши на передовых позициях, с необыкновенным ожесточением отражали наступление царских войск. Ружье, кинжал, шашка, камень—все те средства, которыми защищался каждый горец. С неменьшей отвагой и храбростью сражались и женщины. Они героически умирали под развалинами своих завалов, но не отступали ни на шаг.

Царские войска ворвались в Новое Ахульго. Закипела отчаянная рукопашная битва. Горцы не знали отступления, они храбро гибли в этой борьбе. Шамиль, не имея достаточного количества сил, чтобы отразить наступление, вынужден был в знак примирения выставить белый флаг. Граббе потребовал выслать заложника. Шамиль отдает царским сатрапам в залог своего восьмилетнего сына Джамал-Этдина. Лишь после этого был прекращен огонь и для переговоров с Шамилем был назначен начальник штаба отряда—командир полка генерал Пулло.

18 августа Шамиль явился на границу русского лагеря для переговоров. Генерал Пулло стал читать ему нотации о восстановлении в крае спокойствия и порядка, а для этого «теперь по нашему обыкновению ты должен явиться к корпусному командиру, потому что он тоже обязан переговорить с тобою, утвердить условия и о последствиях донести императору». Но Шамиль медлил с ответом. Тогда, выведенный из терпения несговорчивостью его, Пулло возвысил голос и начал обвинять его в том, что он был виновником всех происходивших смут. Шамиль, полагая, что генерал хочет прибегнуть к насилию, привстал, притянул к себе полу его шинели и сел на нее так, чтобы генерал не мог встать раньше него. Шамиль не согласился на требования Пулло, видя в них лишь то, что «ему предлагают доверчиво вложить шею свою в ярмо русских и царя»¹. Переговоры прервались. На посылаемые

несколько раз предложения возобновить переговоры, Шамиль отвечал категорическим отказом.

Граббе делает последнюю попытку через приближенных Шамиля уговорить его явиться к нему. К этому делу был привлечен Юнус—один из влиятельных наибов Шамиля, который в качестве проводника явился с его сыном в русский лагерь. Но и эта попытка окончилась неудачей. Юнус вернулся со следующим ответом Шамиля: «Шамиль решил бороться с вами не на жизнь, а на смерть. Он больше вам не верит; вы обещали заключить мир, если он выдаст вам в аманаты своего сына. Требования ваше исполнено, но обещанного нет. Вы дали слово снять осаду, если семейства осажденных будут выпущены на свободу из осажденного укрепления. Желание ваше исполнено, но обещания остаются пустыми звуками»¹. Шамиль решил отстаивать крепость до последней возможности.

Царский опричник, неудовлетворенный взятием сына Шамиля, приказывает захватить и самого имама. «Приказано взять его в плен,—говорит Граббе,—и я его возьму, но пусть он тогда не ждет пощады или снисхождения, он будет казнен или сослан в Сибирь»².

21 августа военные действия возобновились. Вновь завязались кровопролитные бои, и горцы мужественно отстаивали свою независимость. «Каждую саклю,—говорит полковник Казбек,—каждый камень пришлось брать отдельно. Защитники напрягли все человеческие усилия; женщины и даже дети с оружием в руках встречали атакующих»³. Сподвижник Шамиля—Магомед-Тагир—в своих мемуарах говорит, что положение осажденных все более ухудшалось. Граббе три дня подряд непрерывно бомбардировал Ахульго. «Башни были разрушены, завал был спесен, жилища превращены в пепел. Громадное большинство защитников было истреблено, а меньшинство изнурено и доведено до последней степени изнеможения жаждой, голодом, отсутствием сна и отдыха, напряженной и тяжелой боевой жизнью»⁴. Оставшаяся горсть горских храбрецов проявила изумительную выдержку и напористость. Другой современник, описывая сцену боя, говорит, что каждую саклю, каждую пещеру войска должны были брать оружием. Горцы, несмотря на неминуемую гибель, ни за что не хотели сдаваться и защищались с иступлением: женщины и дети с камнями или кинжалами в руках бросались на штыки или в отчаянии кидались в пропасть на верную смерть. «Трудно изобра-

¹ Там же, стр. 52.

² Там же.

³ Казбек, Кюринцы в Чечне и Дагестане, стр. 101.

⁴ Магомед-Тагир, «Три имама», стр. 54.

¹ Магомед-Тагир, Три имама, стр. 50.

знить все сцены этого ужасного боя: матери своими собственными руками убивали детей... целые семейства умирали под развалинами саклей. Некоторые из мюридов, изнемогая от ран, и тут еще хотели дорого продать свою жизнь; отдавая уже оружие, они... наносили смерть тому, кто хотел принять его. Неимоверных трудов стоило выгнать неприятеля из пещер, находившихся в отвесном обрыве над берегом Койсу. Приходилось спускать туда солдат на веревках»¹.

К утру 22 августа, после трехмесячной осады, неприступная твердыня Шамиля была взята. Много горцев погибло при взятии Ахульго от рук николаевских палачей. В числе убитых были жена и маленький сын Шамиля. Продолжая описывать последствия кровавого штурма, современник говорит, что «тягостно было для войск переносить смрад, наполнявший воздух от множества мертвых тел. В тесном ущелье между обоими Ахульго войска не могли оставаться без смены более нескольких часов. Насчитано было свыше 1000 неприятельских трупов, большое число их несло по реке². В плен было взято до 900 человек, большую частью женщин и стариков, и те, несмотря на свои изнуренные раны, еще в плену покушались на самые отчаянные предприятия. Некоторые из них, собрав все силы свои, выхватывали штыки у часовых и бросались на них, предпочитая смерть унижительному плену»³.

Лучшие сподвижники Шамиля, любимцы горцев—Сурхай, Алибек, Али-Чула-Магома— вместе с тысячью храбрейших погибли под стенами Ахульго, мужественно отстаивая свою независимость от царских опричников. Но Шамиля коварному генералу Граббе не удалось захватить. Вождю горцев удалось ускользнуть от царских генералов. Ночью с несколькими верными соратниками он, раненый, ушел из враждебного окружения и вместе с маленьким сыном направился в Чечню, чтобы оттуда открыть новые военные действия против своих ненавистных врагов.

Царский сатрап Граббе считал, что разгром Шамиля под Ахульго положит конец всякому сопротивлению горцев по всему Северо-Восточному Кавказу, что с этих пор установится полнейшая тишина и покорность. Дело Шамиля он вообще считал проигранным. Поэтому сразу по окончании экспедиции Граббе разделил войска на постоянные гарнизоны, считая край «умиротворенным», территорией «победителя»; мало того, он по окончании экспедиции приступил к введению в Чечне, на кумыкской зем-

ле, царских порядков. Однако, генерал Граббе ошибся в своих ожиданиях: о покорности горцы еще и не думали, это было лишь временное затишье.

29 августа 1839 г. последовало торжественное донесение генерала Граббе государю о том, что Ахульго взят, «дело с горцами покончено» и Шамиль исчез. Николай на этом донесении написал: «Прекрасно, но жаль, что Шамиль ушел, и, признаюсь, что опасюсь новых его козней, хотя неоспоримо, что он лишился большей части своих способов и своего влияния»¹. Опасения царя имели под собой совершенно реальную почву. Потребовался только один год для того, чтобы такой энергичный неутомимый боец, как Шамиль, снова был готов к бою во главе многотысячной народной армии.

4. Всеобщее восстание.

Напрасно генерал Граббе считал разгром Ахульго концом борьбы горцев, а край уже покоренным. Напрасно он считал дело Шамиля проигранным и называл его оборванцем и бродягой. Шамиль не сложил оружия после неудачи в Ахульго, он только временно отступил под натиском царских войск. Умный имам, скрываясь в Чечне от преследования царских сатрапов, выжидал момента, чтобы возглавить недовольство масс против создавшегося для горцев тяжелого положения. Через несколько месяцев после казавшегося окончательного разгрома сил горцев, в Чечне и Дагестане вновь вспыхивает всеобщее восстание, затянувшееся до 1859 г.

По окончании экспедиции, Граббе приступил по всей Чечне и Дагестану к введению полицейской системы управления. Везде были назначены полицейские приставы. Население было обложено подушной податью и др. видами работ. Во главе всего колониального управления был поставлен царский сатрап—генерал Пулло, по признанию официальных историков «человек жестокий и несправедливый». Этот генерал стал творить насилия, издевательства над горцами. Подполковник С. Эссадзе в книге «Исторический очерк Кавказской войны», описывая несправедливость Пулло, говорит, что на эти жестокости генерала чеченцы несколько раз собирались жаловаться, но боялись, что жалобы навлекут на них еще большее гонение. Они терпели, пока не распространился слух, что их хотят намеренно обезоружить, обратить в крестьян и подвергнуть рекрутской повинности. В отношении оружия слухи эти действительно оправдались, так как по распоряжению Пул-

¹ Милютин, Описание военных действий 1839 г. в Северном Дагестане, стр. 118—119.

² Бросилась в реку также и сестра Шамиля, предпочитая смерть позорному плену.

³ Там же, стр. 119.

¹ Зиссерман, История 80 пехотного Кабардинского полка, стр. 155.

ло предлагалось, чтобы чеченцы платили свои подати не деньгами, а оружием. «Нельзя не упомянуть,—говорил Эссадзе,—что допущенные злоупотребления при введении нового порядка управления усиливали всеобщее недовольство»¹.

Шамиль, находясь с семейством в селении Уруш-Корт, «не без удовольствия следил за процессом обезоруживания чеченцев генералом Пулло и с минуты на минуту ожидал отпадения Чечни, которое он очень хорошо предвидел»². Он прекрасно воспользовался возникшим в Чечне недовольством жителей против царской администрации. Он вошел с ними в сношения, призывал их к вооруженной борьбе. Призыв Шамиля нашел отклик среди крестьянской бедноты.

Вновь началась усердная работа Шамиля по организации горцев против царских завоевателей³. Он разослал своих лучших агитаторов из народных масс ко всем обществам и аулам Чечни и Дагестана. Восстание усиливалось. Ичкеринцы, андийцы, ауховцы, карабулаки по первому зову Шамиля вооружались и становились в его ополчение. В начале генерал Пулло специально предпринимал карательные экспедиции в различные стороны, чтобы подавить восстание в самом его зародыше и наказать руководителей, но вскоре разразившееся по всей Чечне восстание показало бесполезность всех его стараний и ему пришлось отказаться от дальнейших таких действий.

Восстание приняло такие размеры, о которых никто не мог и думать. Оно коснулось окрестностей Владикавказа; поднялись назаровцы, карабулаки, галашевы; следовало опасаться за сообщение по Военно-грузинской дороге. Все эти происшествия грянули, как гром с чистого неба, и были решительной неожиданностью для местных властей.

8 марта Шамиль с большим отрядом горцев двинулся вверх по Сунже. По пути все население присоединялось к нему. В Нагорном Дагестане уже начали оказывать неповиновение царской администрации. Владычество царизма в Дагестане и Чечне стояло перед угрозой полного краха.

В начале марта 1840 г. вся Чечня была охвачена восстанием. «Общее восстание Чечни под управлением Шамиля,—говорит капитан Штюмер,—приняло решительный оборот: война сделалась народною. Соппротивление чеченцев не есть сопротивление людей,

увлеченных одной предприимчивостью, но людей, уже готовых на все жертвования»¹.

Шамиль новым своим местопребыванием избрал селение Дарго, посреди дремучих ичкеринских лесов. Отсюда он стал распространять свою власть по всей Чечне и Дагестану через своих приближенных: Ахверды-Магома, Шуанб, Ташов-Гаджи, Кибит-Магома, Гаджи-Магомед-эфенди и др. Влияние Шамиля росло, он становился все популярнее среди горцев Северо-Восточного Кавказа.

В течение всего 1840 г. кавказское начальство снаряжало для подавления восстания в Чечне и Дагестане и растущего влияния Шамиля ряд карательных экспедиций. Известны такие крупные экспедиции, как под начальством генерал-лейтенанта Галафьева² в различные местности Чечни, генерал-майора Клюгенау—против Гимры и на кумыкской плоскости, генерала Граббе — в Малую и Большую Чечню. Все эти экспедиции не имели никакого успеха, отряд же Клюгенау Шамиль едва не истребил под Ишкартами. По этому поводу в конце 1840 г. генерал Граббе в своем рапорте генералу Головину доложил следующее: «На левом фланге линии дела приняли весьма невыгодный для нас оборот. Продолжительное бездействие находящегося ныне в Чечне отряда значительно усилило Шамиля и утвердило его влияние как в этом крае, так и в Северном Дагестане. Ныне на всем этом пространстве остались покоренными только племена, ближайшие к укреплениям на Военно-грузинской дороге, кумыки, две чеченские надтеречные деревни и подвластные шамхала Тарковского и хана Мехтулинского. Не предупрежденный и не остановленный набег надтеречных жителей обнажил нашу линию от самого Моздока до ст. Червленной»³.

Ни жестокости, ни угрозы царских генералов не в силах были воспрепятствовать растущей волне освободительного движения. Жестокости и насилия генералов и офицеров еще больше озлобили население против царской администрации. Результатом всего этого было то, что в конце 1840 г. все население между Сунжею и Аварским Койсу поголовно восстало и признало своим предводителем Шамиля. Он уже имел прочную власть на огромном пространстве Чечни и Дагестана.

Капитан генерального штаба Штюмер в своей записке о положении дел на Кавказе, составленной на основании официаль-

¹ Штюмер, О настоящем положении дел на Кавказе.

² В экспедиции Галафьева участвовал Лермонтов. Одной из самых жестоких битв на р. Валерик Лермонтов посвятил стихотворение «Тенгинский полк на Кавказе».

³ Штюмер, С настоящим положением дел в той части кавказских земель, которые не подвержены непосредственному влиянию Шамиля, л 10.

¹ С. Эссадзе, Штурм Гуниба и пленение Шамиля, стр. 109—100.

² «Дневник пристава при Шамиле за январь 1862 г.» (ЦВИА, ВУА, д. № 1239, л. 3).

³ «Обзор политического состояния Кавказа в 1840 г.» (рукопись хранится в кабинете истории Дагестанского научно-исследовательского института).

ных донесений, говорит, что в начале 1841 г. Чечня уже представляла народ, соединенный под одной неограниченной властью. Но, недовольствуясь этим, Шамиль в то же время имел большое влияние на горцев в Гумбете, Андии и других местах Дагестана. Он был, без сомнения, весьма силен; имя его было известным во всех горах и снова стало там уважаемым.

Власть Шамиля в горах еще больше усилилась с восстанием в Аварии¹. В начале 1841 г. вся Авария стала на сторону Шамиля. Переходит на сторону Шамиля и Хаджи-Мурад, тот самый Хаджи-Мурад, который вместе со своим братом Османом в 1834 г. убил Гамзат-бека. Этот его переход был продиктован следующими обстоятельствами. После убийства Гамзата Хаджи-Мурад, оставаясь правителем Аварии, продолжал быть верным слугой русского царя, за что и был возведен в чин прапорщика милиции и награжден орденом Станислава 3-й степени, но потом принужден был уступить свою власть хану Магомед-Мирзе-Казикумухскому, а затем хану Ахмеду Мехтулинскому. Находясь в Аварии, Хаджи-Мурад пользовался особым расположением царского начальства, что возбудило зависть в Ахмед-хане, который стал дискредитировать Хаджи-Мурада, уверяя, что он двуличен и поддерживает тайные сношения с Шамилем. Вслед за этим донесением хана последовало распоряжение арестовать Хаджи-Мурада и доставить его в Темир-Хан-Шуру, что и было сделано. По дороге близ Моксоха (Боцринский хребет) Хаджи-Мурад бросился с кручи и увлек за собою в пропасть двух солдат. Оба солдата убились на смерть, а сам он со сломанной ногой кое-как дополз до овечьих загонов и с помощью пастухов был спасен. После выздоровления, пылая местью к Ахмед-хану и враждой к русским, он явился к Шамилю и поклялся ему в верности, а в доказательство тотчас же отправился в Аварию поднимать население². Избрав своей резиденцией аул Цельмес, Хаджи-Мурад начал действовать через верных ему людей, привлекая охотников в свою дружину.

Для военных действий против Шамиля прибыла 14 пехотная дивизия. Против Хаджи-Мурада и усилившегося восстания в Аварии, по приказанию генерала Ключенау, был двинут к Цельмису батальон Апшеронского полка с двумя горными орудиями. В это время в Дагестане находился генерал Бакунин, командированный для инспектирования всей кавказской артиллерии. Чтобы отличить-

¹ Рапорт полковника Фрейтага генералу Головину от 27 июля 1840 г. № 1269, стр. 405. Рапорт генерал-майора Ключенау генералу Головину от 22 сентября 1840 г. № 272, «Кавказский сборник», т. XXXII, стр. 407.

² О волнениях, обнаружившихся в Аварии и о действиях для сохранения спокойствия в Дагестане вообще и против Хаджи-Мурада, «Кавказский сборник», т. XXXI, стр. 1—30.

ся, Бакунин принял начальство над этим батальоном и двинулся к Цельмису. Здесь генерал был смертельно ранен горцами, его отряд истреблен. Так кончилась попытка царизма подавить восстание в Аварии.

В 1841 г. весь край между Сунжею и Андийское Койсу, все пространство до самой Аварской Койсу признало Шамиля своим имамом и предводителем. По его призыву горцы партиями шли против наступающего врага. На него возлагали свои надежды на освобождение от цепких лап завоевателей и самые отдаленные обитатели гор—осетины, чеченцы, ингуши, черкесы и др. горцы. Таким образом, Шамиль в 40-х годах снова стал во главе многочисленного воинственного народа Чечни и Дагестана. С этих пор он сделался популярным правителем, крупнейшим полководцем горцев. О нем говорили в это время не только на востоке Европы, но и на западе.

Отряды Шамиля успешно действовали во всех частях Северо-Восточного Кавказа. Так, например, после цельмесских событий, в апреле 1841 г. наиб Шамиля в Малой Чечне Ахверди-Магома с 2 тысячами вооруженных чеченцев прошел через Сунжу, Малую Кабарду, проник на Военно-грузинскую дорогу, напал на Александровское военное поселение, захватил много пленных и скота и, не встретив никаких препятствий, вернулся обратно. В этом месяце и сам Шамиль вторгся с 15-тысячным отрядом горцев в Назрань.

Ввиду критического положения, в 1841 г. была прислана на помощь действовавшим против Шамиля военным частям 14-я пехотная дивизия. В этом же году было заложено на Койсу (Черкей) укрепление Евгеньевское. Несмотря на все эти мероприятия царского правительства, Шамиль одерживал победу за победой, потому что за ним шел весь народ Чечни и Дагестана.

Об усилении Шамиля и о всеобщем восстании говорило и донесение Головина в военное министерство. «Дело наше в Дагестане,—писал он,—находится в самом опасном положении. С южной стороны Аварии все горские общества поднялись против нас и прямое сообщение с ханством Мехтулинским прервано, сама Авария, для защиты которой кроме хунзахского гарнизона расположены теперь в разных местах два батальона Апшеронского полка, будучи окружена неприятелем и открыта вторжению его со всех сторон, легко может быть отторгнута от нашей власти, а потеря этого важного угла наших владений может иметь самые бедственные последствия. Шамиль укрепляет гору Гуниб. Устройство почти неприступного убежища для главы шариата, в соседстве сомнительных своею преданностью племен Среднего и Южного Дагестана, Андалаяля, Акуши, Цудахара, Казии-Кумуха, вольной и

верхней Табасарании и горных магалов Кайтага угрожает упорной и продолжительной борьбой, если замыслы возмутителя не будут уничтожены в самом начале. Первым шагом к сему должно быть освобождение Аварии и Койсубу от власти Шамиля»¹.

Шамиль к началу 1842 г. сделался, по выражению Головина, «властителем гор». Царским войскам отрезаны были все пути в горы, Шамиль шаг за шагом уничтожал все завоевания царизма. Посылаемые в горы против горцев отряды, терпя неудачи, возвращались обратно с большими потерями.

Таким положением в Дагестане и Чечне кавказское начальство было поставлено в большие затруднения. Оно засуетилось, потребовались резервы, тревога была всеобщая. «Особенная опасность грозила кумыкской плоскости,—писал Зиссерман,—этой единственной стране, где мы оставались попрежнему хозяевами. Пока происходили переговоры Тифлиса с Петербургом, Шамиль начал уже добираться до кумыкской плоскости»².

В марте 1842 г. восстали жители Кази-Кумухского и Кюринского ханства, восстали и акушинцы. В Кумухе восставшие захватили окружного начальника подполковника Снаксарева и князя Орбелиани. Вслед за этим восстание охватило весь Средний Дагестан. Шамиль успешно действовал во всех частях Дагестана и Чечни. Горцы разбили вблизи Хунзаха отряд майора Познанского, посланный против них.

О критическом положении северного Дагестана свидетельствовало донесение генерала Ключенау к Граббе, где говорилось что «Шамиль уже опять успел привлечь все население на свою сторону и угрожает вторжением в Аварию, где были разбросаны в жалких укреплениях и башнях, без обеспеченного между собою сообщения и всяких почти резервов, наши отдельные слабые команды»³. О тяжелом положении говорило и донесение жандармерии из Тифлиса графу Бенкендорфу о том, что «Шамиль усилился, все возмутилось, ненадежно... от Владикавказа до шамхальских владений все в руках Шамиля», которому генерал Граббе в конце 1839 г. предназначил влачить стыд свой и ничтожность в скалах Кавказа.

Это обстоятельство заставило начальника войск на Кавказской линии генерал-адъютанта Граббе приказать прекратить всякие раздробленные действия отрядов и собрать все силы для усмирения Дагестана. Граббе решил предпринять экспедицию через Ичкериию и Андию и преследовать Шамиля всюду, где бы он ни нахо-

дился. 30 мая с 10-тысячным отрядом генерал выступил из Герзел-аула по направлению к Дарго. Он рассчитывал быстрым движением нанести первый удар аулу Дарго—резиденции Шамиля.

Шамилю было известно, что Граббе идет на него. Дарго было расположено в середине неприступных гор и громадных непроходимых лесов. Чтобы достичь его, отряду Граббе надо было пройти ичкеринские леса,—этот путь генерал и избрал. Шамиль решил дать отряду Граббе углубиться в леса и там истребить его, жестоко наказав коварного генерала за погром в Ахульго. Этот план Шамиль блестяще выполнил. По приближавшемуся отряду Граббе Шамиль приказал не давать ни одного выстрела, пока колонна будет в походе. Только после того, как отряд вошел в глубь Ичкерии в дремучие леса и ущелья, началась перестрелка.

По мере продвижения отряда Граббе в глубь страны горцы стали оказывать ему все большее сопротивление. Почти в каждом ущелье и возвышенности стали встречаться завалы, где горцы упорно отстаивали свою территорию. В продолжении 3 дней, с 30 мая по 1 июня, отряд Граббе смог пройти только 25 верст. К вечеру 1 июня на вершине Кожалыка, защищаемой отрядом одного из храбрых наибов Шамиля, Шуаибом, произошла решительная битва, после которой Граббе не решился идти дальше. В результате этого сражения в отряде Граббе оказалось до 500 убитых и раненых, а до Дарго еще было далеко. В ночь на 2 июня, убедившись в невозможности дальнейшего движения, Граббе приказал войскам отступить по той же дороге, по которой они пришли. Однако, эта дорога уже была занята отрядами Шамиля. Как только царские войска начали отступление, горцы стали преследовать их со всех сторон. «Ужасно было преследование,—говорит подполковник Эссадзе,—отступающего отряда. Весь лес был загроможден телами убитых, стоны раненых оглашали воздух и громкое эхо их разносилось по лесу»¹.

4 июня отряд Граббе возвратился в Герзел-аул, потеряв по официальным данным убитыми и ранеными 66 офицеров и более 1700 рядовых, одно орудие и почти весь обоз². После этого царские генералы, озлобленные повсеместными неудачами, не раз еще бросались в горы, думая сломить сопротивление горцев одним ударом. Но все их попытки кончались тем, что войска, приходя в ту или иную местность, находили пустые аулы, а горцы, засевшие в неприступных ущельях, устраивали засады и массами уничтожали солдат царской армии.

¹ «Записка о настоящем положении дел в той части кавказских земель, которая подвержена влиянию Шамиля».

² Зиссерман, История 80 пехотного Кабардинского полка, т. II, стр. 204.

³ Там же, стр. 205.

¹ «Штурм Гуниба и пленение Шамиля», стр. 126.

² Е. Вейденбаум, Путеводитель по Кавказу, стр. 181.

Необыкновенные успехи и усиление войск Шамиля грозили самому существованию и владычеству царизма на Северо-Восточном Кавказе. И действительно, Шамиль очень искусно пользовался неудачами противника. Он умело и расчетливо отражал все наступления врага. После ичкеринского и игалинских (в Аварии) погромов, Шамиль одерживает еще ряд славных побед. По этому поводу генерал Головин докладывал военному министру Чернышеву, что несмотря на усилия войск, успехи Шамиля так быстры, что к концу ноября 1842 г. большая часть Койсубу и Авария были уже в его руках и борьба превратилась в войну с властителем гор, располагавшим жизнью и достоянием горцев.

«Авария,—писал генерал Головин,—уже окружена со всех сторон, один путь оставался еще в нашем распоряжении—через Балаханы, но и тот настолько не обеспечен, что незадолго пред тем команду в 50 человек с офицерами окружила партия мюридов и истребила до единого человека. В Чечне же после экспедиции генерала Граббе только усилились набеги, чеченцы нападали на ближайшие окрестности Кизляра и на казачьи посты в низовьях Терека, нанеся в одном набеге большой урон донским казакам, потерявшим при этом пушку»¹.

Такое положение дел в Дагестане и Чечне вызвало то, что на Кавказ был прислан военный министр князь Чернышев для исследования положения края и причины неудач. После ознакомления с создавшимся для царской армии положением Чернышев совершенно прекратил военные действия в Дагестане и произвел перемену начальствующих лиц. Главнокомандующим на Кавказе был назначен генерал Нейдгард, вместо начальника кавказской линии Граббе был назначен генерал-лейтенант Гурко. Вслед за этим, по возвращении Чернышева в Петербург, последовало «высочайшее повеление», в котором воспрещались всякие экспедиции и предписывалось ограничиваться только обороной.

Перемена начальствующих лиц и плана действий не изменила положение дел на Северо-Восточном Кавказе. В оборонительной политике, которой придерживались кавказские начальники, Шамиль видел их слабость и, пользуясь этой слабостью, перешел в наступление. Горцы во главе с Шамилем действовали с большим успехом. Шамиль решил окончательно изгнать колониальных захватчиков из Северного Дагестана, где они еще кое-как держались. В начале 1843 г. в руках царизма находилась Авария—один из важнейших стратегических районов, господствовавших над всем Дагестаном. В различных местах Северного Дагестана завоевате-

ли имели до 11 опорных пунктов¹, из которых в Аварии—7 (Хунзах, Моксох, Балаханы, Зыряны, Ахальчи, Цатаных, Харачи) и на плоскости—2 (Шура и укрепление Низовое). Шамиль повел дело настолько искусно, что в течение нескольких месяцев не осталось и следа пребывания царских войск в Дагестане и Чечне.

1843 год был самым неудачным годом в истории владычества царизма на Северном Кавказе. Пользуясь благоприятным случаем², Шамиль прежде всего собрал огромные силы в Чиркате, Карате, Телетле и Дылыме и 27 августа 1843 г. неожиданно начал одновременно наступательное движение в Дагестане и Чечне³. К августу 1843 г. с новыми силами он подступил к Унцукулю—опорному пункту царизма, и после 4-дневной осады, 3 августа, взял его. Отсюда Шамиль брал одно за другим все царские укрепления, со всеми орудиями. Он в течение 2 недель овладел всеми укреплениями Аварии и Гумбета и истребил более 11 рот. В горах осталась последняя крепость—Гергебильская, с полторатысячным гарнизоном, которую в октябре Шамиль осадил и после непродолжительной осады взял; вслед за этим Шамиль с 20-тысячным отрядом горцев осадил Темир-Хан-Шуру и укрепление Низовое близ Тарков, но не успел их взять, так как против него своевременно стянули значительные силы⁴. Таким образом, в конце 1843 г. царские завоеватели окончательно были изгнаны из Аварии и Нагорного Дагестана.

С 22 августа до конца года царские войска потеряли по официальным данным⁵ убитыми, ранеными и взятыми в плен 92 офицера и 2523 нижних чина. Горцами были разрушены до основания 12 укрепленных пунктов. Шамилю за этот период достались 35 царских орудий⁶, 2152 ружья, 13 тысяч артиллерийских зарядов, 350 тысяч патронов, 50 пудов пороха, 180 палаток, 368 лошадей и т. д.⁷.

К концу 1843 г. царские завоеватели не владели в Дагестане ни одним укреплением. Шамиль сделался полновластным хозяином на огромном пространстве Восточного Кавказа. На этой территории восставших горцев Шамиль создал большое государство, и провел ряд социальных и военных преобразований.

¹ А. Юров, 1843 год на Кавказе, «Кавказский сборник», т. IV.

² Отсутствием экспедиций, самоуспокоенностью, ориентировкой генералов и офицеров на новый план обороны.

³ «Взгляд на события в Дагестане конца 1843 года» (ЦВИА, министерства военной канцелярии 1 отд., 1 стол, д. № 221).

⁴ Подоспел отряд генерал-майора Фрейтага.

⁵ Вейденбаум, Путеводитель по Кавказу, стр. 184.

⁶ Там же, стр. 184.

⁷ Казбек, Очерк истории 79 пехотного Кабардинского полка, стр. 151.

¹ Зиссерман, История 80 пехотного Кабардинского полка, т. II, стр. 212.

ГЛАВА VI.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО, ВВЕДЕННОЕ ШАМИЛЕМ НА ТЕРРИТОРИИ ВОССТАВШИХ ГОРЦЕВ.

1. Совет Шамиля.

Роковые для царизма 1840—1843 гг. усилили еще больше могущество Шамиля. Он после одержанных блестящих побед над регулярными войсками много трудился над внутренним устройством подвластной ему территории.

По первому зову Шамиля горцы шли тысячами в бой завоевателей. В этом Шамиль видел залог успеха борьбы, но он в то же время прекрасно понимал, что враг силен, что завоеватель будет и впредь стараться утвердить свое господство на земле горцев. Шамиль поэтому неутомимо трудился над созданием и укреплением в горах определенной государственной системы. Он считал, что лишь хорошо приспособленное к потребностям обороны и нуждам горцев управление может служить прочным основанием для дальнейших политических преобразований и успехов в борьбе с противником. Исходя из этого, Шамиль с самого начала своей деятельности старался во всех горских обществах установить власть на демократических началах.

К 1840—1841 гг. Шамиль создал большое государство, основанное на военно-теоретических принципах. Он сумел организовать борющиеся горские силы и окружить себя верными борьбе помощниками.

Во главе созданного Шамилем государства стоял он сам, вождь восставших горцев, избранник народа. Назывался Шамиль имамом¹, т. е. предводителем правоверных мусульман. В руках Шамиля была сосредоточена вся военная, гражданская и духовная власть² над всей подвластной ему территорией восточного Кавказа.

Виконт Кастильон³, который путешествовал в 40-х годах по Дагестану и указания которого для нас очень ценны, говорит, что Шамиль воплощал в себе военное и духовное руководство. «Нам придется различать,—говорит он,—две личности, объединенные сейчас в Шамиле, которые оказывают друг другу взаимную под-

держку в двойной цели, которую они перед собой ставят. С одной стороны, это—политический вождь, диктатор, которому событиями была предоставлена безграничная власть при демократическом строе, основанном на принципе абсолютного равенства, в то же время это—религиозный вождь, которому звание великого имама, верховного главы правоверных, придает священный характер. Имея это двойное звание, единственный судья в вопросе принесения жертв, требуемых войной против неверных, он распоряжается имуществом и жизнью населения. Его власть твердо организована»¹.

Военный талант, несокрушимая энергия, широкое административное дарование и железная воля, все это соединялось в Шамиле с личной храбростью и мужеством. Он все свои дарования отдал за общенародное дело, для защиты своей родины.

Для решения важнейших дел, относящихся к управлению страной, Шамиль учредил в 1841 г. государственный совет (диван-хана). В совет входили лица, пользовавшиеся свободным доверием самого Шамиля, из числа заслуженных наибов и старших лиц духовного звания. Известны и постоянные члены государственного совета: Магомед-эфенди Казикумухский, Раджабия-Магома Чиркеевский, Яхья-Гаджи, Джамалэтдин (тесть имама), Кибит-Магома Тлитлинский, Ахверди, Хаджи-Десир-Каранайский и др. При решении военных и гражданских вопросов голос Шамиля был вполне самостоятелен, все же прочие дела общего характера решались в совете большинством голосов².

Абдурахман, современник Шамиля, освещающая в своих записках вопросы управления государством, специально останавливается на функциях государственного совета и на его работе. «Занятия в главном совете имама,—пишет он,—были распределены следующим образом: понедельник, вторник, среда и четверг посвящались, главным образом, общим вопросам управления, причем в понедельник и вторник обсуждались дела обществ, ближайших к резиденции имама, как-то Чечни, Ичкерии, Андии и др., а в среду и четверг—дела более отдаленных обществ Дагестана, которыми управлял мюрид Гази-Магомед и Данил-бек. В эти же дни выслушивались письменные донесения наибов и устные доклады их, если они по вызову имама являлись лично. По обсуждавшимся вопросам совет не только принимал решения, но и указывал сейчас же, кем и как это решение должно быть немедленно исполнено. Суббота и воскресенье были предназначены для приема отдель-

¹ «Шамиль—бывший имам Чечни и Дагестана», СПб, 1859 г.

² Манатов, «Шамиль—гражданский и военный правитель» газ, «Кавказ», № 94, 1859 г.

³ Французский дипломат, состоял консулом в Тифлисе в 40-х годах. Письма Кастильона к Гизу (министру иностранных дел Франции) о положении дел на Кавказе опубликованы в журнале «Историк марксист», № 5, 1936 г.

¹ Кастильон, Письма журн. «Историк-марксист», № 5, 1936 г., стр. 118.

² Подробно рассказывается об авторитете Шамиля в записках пленного И. Н. Румянцева. Он лично был у Шамиля и находился несколько месяцев в Дарго. Записки изданы под названием «Новые проповедники мюридизма на Кавказе», СПб, 1878 г.

ных посетителей и для разбора их жалоб и претензий, пятница назначалась исключительно для молитв и отдохновения. О распределении занятий в совете все население государства оповещалось через летучую почту»¹.

В функции совета, кроме решения наиболее важных вопросов страны (управления, военной организации, хозяйственных мероприятий и т. п.), входил и суд. На суде разбирались все спорные вопросы и жалобы, поступившие через наиба или прямо от горца. Совет и суд шли под председательством Шамиля в присутствии секретаря и всех членов и приглашенных лиц. Современник Шамиля говорит, что «Шамиль лично принимал жалобы от трудящихся и давал по ним удовлетворения. Однако, он не спешил с приговором, он любил повторять, что правитель должен все знать, но быть очень осторожным при определении наказания, дабы не обидеть невинного. Вот почему, если дело было сложное, он предварительно наводил через наибов необходимые справки»².

По отдельным данным можно установить существование написанного «Уложения о правах великого имама и его ближайших сотрудников», в котором с поразительной последовательностью проводилась идея административной централизации³. К сожалению, текст этого «Уложения» до нас не дошел.

В чрезвычайных случаях, требующих особенно внимательного обсуждения и тесно связанных с общими интересами страны, Шамиль созывал собрания, куда приглашались, кроме упомянутых выше лиц, разного рода депутаты от народа⁴. В данном случае имеются в виду созываемые Шамилем съезды народных представителей.

Столицей государства горцев было первоначально Ахульго, потом Новое Ахульго, а после разрушения их генералом Граббе в 1839 г. столица была перенесена в Чечню, сперва в аул Дарго, затем в Ведено. Шамиль свою новую резиденцию сильно укрепил многочисленными постройками и башнями. В столицу вели только одни ворота, их сильно охраняла особая стража из горцев. В Дарго беглыми русскими солдатами был выстроен Шамилю специальный дом по европейскому образцу. Здесь находилась казна, средства ведения войны, отсюда исходило все руководство страной, сюда были обращены взоры угнетенного горского крестьянства. «Дарго, жилище Шамиля, заключало в себе,—говорит очевидец,—дворец и много других деревянных больших зданий, в коих поме-

щались приверженцы его и разные заведения; кроме того с западной стороны аула, за широким рукавом Аксая, устроены были с большими удобствами русские избы, служившие помещением... беглым русским, бежавшим к Шамилю из своих рядов в разное время»¹.

Из своей столицы Шамиль сносился с каждым наибством и аулом при помощи созданной им в 1842 г. так называемой «летучей почты»². Сообщение было организовано очень просто: каждый посланец Шамиля в любом ауле мог предъявить бланк, выданный имамом или наибом, и немедленно, без всякой задержки, получал свежего коня и проводника, а на почлег — место для почивки и продовольствие³. Летучая почта обеспечивала Шамилю быструю и постоянную связь со всей подвластной страной.

2. Административное деление и система управления.

Шамиль, исходя из военно-стратегических соображений, разделил всю подвластную территорию на округа—наибства⁴. За все время правления Шамиля их было организовано свыше сорока: в Аварии, Андии, Анкратле, Богуляле, Ботлихе, Балаханы, Тергебеле, Гимрах, Гибатле, Гоцатле, Карате, Ичкерии, Карахе, Койсубу, Унцукуле, Харахе, Хидатле, Цунте, Чамалале, Черболае, Чапаре, Большой и Малой Чечне, Чохе, Шубуте, Шали, Шаро, Аухове, Герменчуке, Мечиксе и др. До нас дошла карта территории Шамиля с границами округов. По целому ряду указаний устанавливается, что они между собой не были равны ни территориально, ни численностью народонаселения⁵.

Во главе округов стояли начальники, назначаемые Шамилем из наиболее способных, преданных и испытанных в боях горцев. Назывались они наибями, откуда и происходит название подвластной территории—наибство. Территория наибств и их число изменялись в зависимости от успехов и поражений горцев. В период наивысшего подъема борьбы горцев за независимость, в 40-х годах, число наибств доходило до 16⁶ и даже до 20-ти. Так напри-

¹ Б. М. Колюбакин, Кавказская экспедиция 1845 г., стр. 119.

² Прушановский, Исторические заметки, л. 79.

³ Там же, стр. 80.

⁴ В начале Шамиль образовал 10 областей, во главе которых стояли мудиры. В каждой области находилось по 4 наибства. Мудиры просуществовали недолго. После известного андийского съезда в 1846—47 гг., они были устранены от управления в связи с ростом трений между подчиненными и из военных соображений, так как эта система не отвечала запросам страны.

⁵ Записки генерал-адъютанта Нейдгарта об учреждениях, выделенных Шамилем в землях повинующихся ему горцев (ЦВИА, д. № 6468, 1842 г., л. 8)

⁶ Там же.

¹ Выдержка из записок Абдурахмана о пребывании Шамиля в Ведено, газ. «Кавказ», № 73, 1862 г.

² Рассказ очевидца о Шамиле и его современниках, стр. 16.

³ А. Эссалзе, стр. 128.

⁴ Шамиль и Чечня, «Военный сборник», № 9, 1956 г., стр. 136.

мер, Кастильон указывает, что Шамиль «разделил страну на наибства—на левое крыло, охватывающее области южного склона, подразделенные на 20 частей, порученных такому же числу наибов»¹.

Наиболее выдающимися наибам в 40-х годах у Шамиля считались: в Малой Чечне (Кехликсе) — Ахверди-Магома, в Мочковске — Шуанб, в Герменчук — Нур-Магомед Черкеевский, в Чепаре — Алил, в Шубуте — Суанб, в Лухове — Уллубей, в Салатаве — Гасан Буртунайский, в Гумбете — Абакар-кадий, в Анди — Газияв, в Хиндалале — Хаджи-Мурад, в Хидатле — Кибит-Магома, в Андаляле — Магомед-кадий, в Карахе — Абдурахман-Дебир², в Карате — Гольбан — Дебир³.

У каждого наива были сосредоточены права военного и гражданского администратора по вверенному ему наибству, за исключением права смертной казни, к которой мог присудить только сам Шамиль; без его санкции ни один из наибов не имел права кого бы то ни было казнить. В обязанности наибов входили: организация войск, охрана границ, постройка оборонительных сооружений, гражданское устройство и т. д. Современник событий капитан Прушановский, специально исследовавший административное устройство шамилевского государства, в своих записках дополнительно сообщает еще ряд обязанностей, которые должен был нести каждый наив. «Обязанности каждого наива состоят,—говорит он,—в том, чтобы управлять вверенной ему частью, строго и добросовестно наблюдать за исполнением шариата, уничтожать между различными племенами раздоры, существовавшие в то время, соглашать их различные выгоды, устранять между ними враждебные столкновения и в особенности кровное мщение»⁴. Наивы в своей деятельности должны были руководствоваться указаниями своего предводителя.

Шамиль при участии видных людей специально написал «низам», т. е. кодекс законов для руководства страной. Он установил суровые наказания за убийство, предательство, трусость и воровство. Специально он разработал в низаме «положение о наивбах». В первой главе положения говорится, что наибам «должно быть исполняемо приказание имама, все равно будет ли оно выражено словесно или письменно, или другими какими-либо знаками, будет ли оно согласно с мыслями получившего приказание или

не согласно, или даже в том случае, если исполнитель считал бы себя умнее, воздержаннее и религиознее имама»¹.

Низам Шамиля представлял собой сборник разного рода правил и постановлений и мер, отсылающих к безопасности страны и благосостояния народа. Все руководящие лица должны были строго им руководствоваться. Низам включал в себя следующие статьи: о денежном штрафе, о драке, о наследстве, по брачным делам, по бракоразводным делам, по торговле и обмену домашним скотом, обеспечению взаимных обязательств, об административных учреждениях, общественной казне и содержании административных лиц, о разделе добычи, о фальшивой монете, о военных учреждениях. Таким образом, кодекс законов Шамиля в основном охватывал все вопросы административной, военной и экономической жизни страны.

Каждое наибство представляло собой военно-административную единицу шамилевского государства, и наивы во всех своих действиях твердо руководствовались вышеизложенными положениями низама. «Я должен,—писал Шамиль,—привести этот низам в исполнение без всякого послабления и лени и нет по нему низаму пощады, заступничества и сострадания, кон падут в пучину этих наказаний»². Того, кто делал малейшие нарушения и отступления от законности, Шамиль жестоко наказывал. Наивы за выполнение служебных обязанностей не получали никакой денежной платы от Шамиля, каждого из них содержал народ за свой счет, «плата по своему состоянию»³.

Каждое наибство делилось на районы, которые управлялись мазунами. Во всех своих делах мазун, что значит предводитель пятисотни, отчитывался перед своим наибом. В обязанности мазуна входила заготовка по приказанию наива провианта на известное число дней и сбор вооруженных партий горцев. По первому зову он со своим отрядом должен был являться к наиву. Власть на местах находилась в руках выборных старшин, в обязанности которых входило исполнение всех распоряжений наибов и мазунов по аулу, селу, созыв народного схода, сбор податей, мобилизация населения и т. п. Для производства суда Шамиль назначил в каждое наибство муфтиев, а они назначили кадиев по аулам.

Организованная Шамилем государственная система управления была весьма существенным шагом вперед в деле создания им централизованного государства.

¹ Письма Кастильона.

² Прушановский, Исторические записки, л. 72—73.

³ Копия с рапорта командиру отдельного кавказского корпуса, командующего войсками в Северном и Нагорном Дагестане генерала Клюки-фон-Клюгенау от 22 марта, № 39 (ЦВИА, д. № 6468, л. 12—18).

⁴ Прушановский, Исторические записки, л. 73.

¹ Низам Шамиля, «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. III, Тифлис, 1870 г., стр. 15.

² Низам Шамиля.

³ Копия с рапорта командующего войсками в Северном и Нагорном Дагестане генерала Клюки-фон-Клюгенау, л. 13.

3. Армия Шамиля.

Военное устройство и вооружение горцев составляли предмет особых забот и внимания Шамиля. Он в чрезвычайно сложной обстановке тогдашнего Дагестана и Чечни собрал большую армию из горцев, способную в течение нескольких лет отражать натиск регулярных войск и нередко громить их. Армия Шамиля, по отзыву ряда современников была превосходно организована и дисциплинирована.

Вооруженные силы Шамиля составлялись из постоянных конных воинов и временно мобилизованных ополченцев.

Постоянные войска. По вопросу о количестве войск шамилевского государства в печатной литературе и в неопубликованных документах существуют самые разнообразные сведения. Так, на пример, по сведениям кавказского начальства, относящимся к 1841—1842 гг., устанавливается наличие у Шамиля постоянных войск в количестве 15 тысяч человек¹. Количество это подтверждается и данными советника Шамиля—Юсуф-Гаджи-эфенди Сафарова². По показаниям Хаджи-Мурада, Воронцову, в 50-х годах у Шамиля была 30-тысячная армия³. «Военная сила Шамиля состоит приблизительно из 30 тысяч войска и 30 наибо, числительную силу каждого наибо можно полагать до 1000 человек, у некоторых бывает менее, у других же доходит до 2000»⁴. Есть основание и по другим сведениям полагать, что в отдельных кампаниях против завоевателей число участвовавших в войне горцев доходило до 30—40 тысяч. Численность же постоянных войск Шамиля, находившихся на содержании населения, не превышала 15—20 тысяч.

Каждый горец, находящийся на службе у Шамиля или у наибо, назывался муртазагетом⁵; они и составляли постоянную армию горцев. Набор в состав муртазагетов производился следующим образом: каждые 10 дворов должны были выставить одного конного бойца; от какого двора и кто именно обязан был быть

всадником—решало само население. Служить муртазагетом считалось почетным делом. На службу брались только физически крепкие и мужественные горцы. Чтобы попасть в постоянные войска надо было отличаться преданностью и храбростью.

Муртазагеты составляли лучшую часть шамилевских войск, всегда готовых пожертвовать жизнью за страну. «Во время войны они составляют самую надежную и лучшую часть сборищ горцев, держатся с отчаянной решительностью, соблюдают отличную подчиненность. Малое число их опаснее, чем целое скопище горцев»¹. Они участвовали на всех фронтах военных действий, везде, где враг угрожал вторжением. Это были представители народа, посланные отстаивать его независимость. За службу в армии народ давал муртазагетам приют, хлеб, баранов, продовольствие лошадям, обрабатывал их поля и снимал посевы.

В армии Шамиля существовала крепкая дисциплина. Части подразделялись на десятки, сотни, пятисотни и тысячи; каждая из частей войск имела своего начальника. Шамиль обучал свою армию: «В лагерях постоянно происходили тренировки с большим искусством пехотинцами и конницей»².

В конце 1842 г. Шамиль учредил род военной иерархии. Пятисотенными начальниками Шамиль назначил почти везде наибо, которые у него назывались генералами, полковниками и капитанами. Генералами были Ахверды-Магома, Шуанб-мулла, Уллубей, Абакар-кадий и Кибит-Магома; полковниками—Абдурахман-Дибир и Омар Анкратлинский; капитанами назывались все остальные наибо³.

Знаки отличия. В целях поощрения наиболее храбрых наибо, командиров и рядовых горцев Шамиль ввел порядок награждения их знаками отличия и чинами разных степеней. По этому поводу генерал Граббе писал в военное министерство: «Давно уже до меня доходили слухи, что Шамиль для поощрения наибо, отличившихся в скопищах своих, раздает им знаки отличия вроде наших орденов, и старается вводить некоторую правильность между своими полчищами. Высшей наградой среди мюридов считался военный знак отличия»⁴.

Все наибо на правом плече носили эполеты; пятисотенные и

¹ Записки генерал-адъютанта Пейсгарта об учреждениях введенных Шамилем (ЦВИА, д. № 6468, л. 9). Прушановский в своих «Исторических записках» говорит, что «число всей конной милиции будет при общем сборе простираться до 5 тысяч». Надо полагать, что это—неточные сведения.

² Данные Юсуф-Гаджи относятся тоже к 40-м годам, причем по его сведениям устанавливается точное количество конных и пеших: из 15-тысяч было конных 5880 и пеших 8870.

³ Я считаю эти сведения более достоверными.

⁴ Записка, составленная из рассказов и показаний Хаджи-Мурада, по приказанию г. главнокомандующего, состоящим при его светлости по особым поручениям гвардии ротмистром Лорис-Меликовым, л. 6—7.

⁵ Муртазагеты — в переводе «постоянные войска».

¹ Прушановский, Исторические записки, л. 76.

² Письмо отца к сыну (имена стерты), л. 64.

³ Копия рапорта Ключи-фон-Клюгенау, л. 12.

⁴ Рапорт командующего войсками Кавказской и Черноморской линии генерала адъютанта Граббе управляющему военным министерством генералу от инфантерии, генерал-адъютанту кавалеру графу Клейнмихелю (ЦВИА, д. № 6468, л. 3).

сотенные носили на груди медали с надписью, обозначающей военное звание того лица, которому он дан: «Начальник пятисот человек такого-то вновь устраиваемого войска»¹. За особое мужество и неустранимость пятисотенные и сотенные начальники получали шашки, кисти для шашек, вроде темляка, с надписью: «Нет такого-то храбрее, нет сабли его острее»², этот знак отличия давал право на получение жалования по три рубля серебром в месяц³. За храбрость и особые отличия давался знак треугольной формы для ношения на груди с надписью: «Храбр и мужествен»⁴ или с надписью: «Имам Шамиль этого храброго наиба награждает первоклассным орденом». За особые дела и подвиги давался знак с надписью: «Это—герой, искусный в войне и бросающийся на неприятеля, как лев»⁵.

Были и другие виды наград: оружием, лошадьми, вещами, деньгами, знаменами и т. д.⁶. Наибы также имели свои знаки для награды. Практиковалось награждение наиболее отличившихся в бою целых обществ знаменами и др. видами наград.

Все это говорит о том, что Шамиль неутомимо работал над правильной организацией армии, над установлением порядка подразделений и дисциплины. Действительно, Шамилю в тех трудных условиях удалось много сделать по военному устройству своего государства.

Вот как описывает военное устройство Шамиля один из офицеров царской службы, которому пришлось иметь личное свидание с Шамилем и видеть все его порядки при обмене сына Шамиля Джамалэтдина на пленных грузинских дворян: «Среди горцев господствовал строгий порядок и в целом они имели сходство с нашей кавалерией; они были расставлены по отделениям, с интервалами, в две шеренги; каждое отделение имело свое знамя; начальники стояли перед фронтом и держали ружья, как мюриды, уперши их в лядвен. На правом фланге я видел две пушки, снятые с передков; позади их — арбы со снарядами»⁷.

Народное ополчение. У Шамиля был и другой вид войск — народное ополчение. Все население, входившее в состав шамилев-

ского государства, составляло одно военное сословие. Каждый горец от 16 до 60 лет считался военнообязанным, каждый житель имел винтовку (кремневку), шашку, пистолет, а некоторые и лошадей. Если кто-либо по болезни не мог выступить в поход, то лошадь свою передавал другому. Идя в поход, горец обязан был заготовить продукты; обоз в походах не участвовал. Если неприятель приближался к границам государства и обстоятельства требовали всеобщего вооружения¹, то все жители, способные носить оружие, выступали на защиту края. Временное ополчение так же подразделялось на сотни и пятисотни, над которыми назначались временные начальники.

«Для временных ополчений,—говорит командир кавказского корпуса генерал-адъютант Нейдгарт,—каждое семейство выставляет одного вооруженного, но бывают случаи, впрочем весьма редкие, когда требуются все, могущие носить оружие»². Число временных ополчений по официальным подсчетам доходило до 48 тысяч человек³. Это была большая сила для того времени.

4. Производство оружия и пороха.

Деятельность Шамиля, как народного полководца, не ограничивалась одним сплочением в единую силу ранее разрозненных и различных по своему укладу племен. Он обеспечил их артиллерией и значительным числом полевых и крепостных орудий, повседневно заботился о вооружении армии, вплоть до самых мелочей. Он впервые приступил к разработке недр Дагестана, организовал изготовление пороха из добываемой в горах серы и селитры, разработку и выплавку железных и медных руд, производство оружия, необходимого для вооружения горцев.

В первое время Шамиль сильно страдал из-за отсутствия орудий, но после блестящих побед в 40-х годах этот пробел был значительно пополнен за счет захваченных у царской армии пушек и снарядов. В своих показаниях Хаджи-Мурад дает интересные на этот счет сведения: «Орудий у Шамиля,—говорил он,—в разных местах до 30, русского литья, есть также много мелких орудий литья своего и турецкого. В Куяе живет мастер-лезгин, который выливает их. В Ведено хранятся все лучшие из них, а остальные же розданы по укреплениям или даны в распоряжение наибов. В Цатанихе в 1843 г. взято было 30 тысяч снарядов, которые ныне

¹ Опись знаков отличия, данная Шамилем чеченскому старшине Оздемиру (ЦВИА, д. № 6468, л. 5).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Копия с рапорта Клюки-фон-Клюгенау о сведениях относительно мер, принимаемых Шамилем в учреждении внутреннего управления в землях повинующихся ему горцев (ЦВИА, д. № 6468).

⁵ Шамиль и Ч. чия. «Военный сборник», т. IX, 1856 г., стр. 137.

⁶ «Менее же храбрым нашивается на чалму четырехугольный кусочек зеленой материи» (Прушановский).

⁷ Е. А. Вердеревский, Плен у Шамиля, СПб, 1856 г., стр. 19.

¹ Прушановский, Исторические записки, л. 75.

² Записка об учреждениях, введенных Шамилем в землях повинующихся ему горцев (ЦВИА, д. № 6468, л. 8).

³ Там же, л. 8.

хранятся в целости в Гидатли, в нарочно высеченной для этой цели скале. Стрельба же по неприятелю производится обыкновенно снарядами, собранными в делах с русскими»¹.

Шамиль, не надеясь на постоянные удачи в захвате орудий и снарядов, организовал для непрерывного снабжения армии оружием и боеприпасами собственное производство оружия и пороха. Он первый обратил внимание на то, чтобы народ учился ремеслам, сам выделял бы оружие и порох. К этой работе были привлечены все лучшие мастера из горцев и из русских солдат, перешедших на сторону горцев, этих мастеров Шамиль поставил в особые условия.

Учителями горцев в артиллерийском и инженерном деле были в большинстве беглые русские солдаты² и офицеры; первых у Шамиля было очень много и он очень ценил их. Вблизи Ведено был специально построен отдельный поселок для «женатых, преимущественно мастеровых, на обязанности которых лежит делание артиллерийских лафетов и ящиков»³, они по очереди ходили в поход с орудиями и обучали горцев; жили там и офицеры⁴.

Абдурахман, зять Шамиля, дает чрезвычайно интересные сведения о пребывании беглых и пленных солдат в горах и об их использовании. «Беглых и пленных,—говорит он,—Шамиль лично испытывал, к чему кто способен, и потом уже определял: кого кузнецом, кого артиллеристом или механиком; более смышленным и надежным доверял даже заведывание пороховыми заводами, шорнями, ремонтом конницы и др. Из них Шамиль образовал даже целое селение рядом с Ведено. Русских крестьянок или казачек, отбившихся от своего родного гнезда, он посылал в это селение и они вольны были выбрать там себе мужей, причем один из поселенцев по общему избранию исполнял при венце обязанности священника. Если же кто из этого пришлого люда соглашался принять ислам, то такому предоставлялось право жениться на мусульманке»⁵.

Литье пушек. Шамиль в Ведено открыл литейный завод, на котором он при помощи русских солдат, перебежавших из царской армии на сторону горцев, палатил литье собственных пушек и ядер. В первую очередь на заводе отливались малые пушки из больших крепостных, не приспособленных к горной обстановке. Лились пушки из железа и меди, добываемых из недр гор и привозимых из др. мест. На отлитых пушках обычно ставилась пе-

чать Шамиля. Процессом отливки заведывал оружейник Джабраил. Ядра для пушек отливались под руководством мастера из Гидатли. Всего на Веденском литейном заводе было отлито 50 орудий. Однако, качество пушек было низким: из всех 50 отлитых орудий годными оказались не более 12—14. Шамилю это очень не нравилось, но литье он не прекращал, а добивался качественного его улучшения.

Над литьем орудий хорошего качества и изобретениям работали и его мастера. Насколько серьезно относился к этому Шамиль говорит следующий факт. Мастер литейного цеха Гидатлинский Магома однажды пришел к Шамилю и предложил сделать пушки из кожи и железных полос, при чем ручался головой за их прочность. Шамилю не понравилась эта идея. «Пожалуйста, брат,—сказал он,—не хлопочи о твоей пушке: голова твоя для меня дорога, да и не хочется мне, чтобы русские над нами посмеялись и называли нас с тобой дураками»¹.

Изготовление оружия и пуль. Оружие изготовлялось в различных местах Дагестана, в том числе и на Веденском заводе. К работе над его изготовлением были привлечены лучшие оружейники из аулов Кубачи, Кумуха, Харбук, Унцукуль. Производство холодного оружия—кинжалов, шашек и пр.—славилось по всему Кавказу. Свинца у Шамиля не было, доставали его с большим трудом и поэтому литье пуль производилось из меди с примесью олова.

Изготовление пороха. Для производства собственного пороха Шамиль построил специальные заводы в Ведено, Гунибе, Унцукуле и Дарго. Производством пороха руководил тоже Джабраил, помогал ему Джафар. Почти во всех обществах Дагестана порох выделялся самостоятельно. Однако, надо сказать, что ни заводской порох, ни порох, приготовляемый жителями, большею частью не обладал хорошим качеством, так как нужные вещества брались в неопределенных пропорциях.

Шамиль много внимания уделял производству селитры, добыче серы и изготовлению материалов, необходимых для ведения войны: например, жителей Андалаяльского и Хиндалаяльского обществ за систематическое занятие производством селитры он освободил от военных обязанностей и, кроме того, платил из общей военной казны по 1½ рубля серебром в год на каждое семейство². Сера в большом количестве добывалась в окрестностях Чирката, Шубета и Кикуну.

¹ Рассказы и показания Хаджи-Мурада, л. 9.

² Веденбаум, Путеводитель по Кавказу, стр. 168.

³ Рассказы и показания Хаджи-Мурада, л. 10.

⁴ Там же.

⁵ Рассказ очевидца о Шамиле и его современниках, стр. 13.

¹ Д. А. Пахомова, Шамиль, сборник статей «Покорение Кавказа», изд. «Родина» стр. 141.

² Романовский, Кавказ и Кавказская война, стр. 343.

Общих запасов сырья и военного снаряжения у горцев было крайне недостаточно. На исключительную нужду Шамиля в оружии и боеприпасах неоднократно обращали внимание основоположники научного коммунизма Маркс и Энгельс. «Эскадра под командой контр-адмирала Лайонса¹ должна в это самое время вступить в связь с черкесами, в особенности с вождем их Шамилем. Что контр-адмирал Лайонс должен сообщить Шамилю, достоверно неизвестно; одно несомненно, что он не может доставить ему того, в чем тот наиболее нуждается, т. е. оружия и боевых припасов, ибо на военных кораблях во время боевой службы свободного места для провозки грузов нет. Два жалких торговых судна или шхуна, нагруженные этим драгоценным товаром показали бы гораздо больше услуги нежели все моральная, но совершенно бесполезная поддержка пяти военных кораблей. Одновременно мы узнаем, что сюда же плывет турецкий флот, который везет все необходимые вооружения»².

5. Общественная казна.

Шамиль создал на подвластной территории единую государственную казну, построенную в соответствии с экономической жизнью страны гор, организовал правильный сбор податей и установил основные источники доходов государства. Все это Шамиль подчинил единой, общей для всех цели—борьбе горцев за независимость. Земли, принадлежавшие раньше ханам и мечетям, были переданы государству; доходы духовенства резко были ограничены; все что раньше население платило своим помещикам, теперь поступало в общественную казну. При этом любопытно, что Шамиль облагая население различного рода податями, не вел унифицированной системы взимания налогов, а дифференцировал их по состоянию хозяйства и платежеспособности каждого двора. Ростовщики, торговцы и сельские богачи, платили вдвое и втрое больше, чем все остальное население гор. «Наибы придерживаются,—писал в своем донесении командующий войсками в Северном и Нагорном Дагестане генерал-майор Клюки-фон-Клюгенау,—системы управления своего имама и зажиточные горцы страдают больше всех. Они обыкновенно считаются людьми подозрительными и на них налагают огромные денежные штрафы, а часто и все их имение отбирается»³.

¹ Английский адмирал, помощник главнокомандующего флотом в Средиземном и Черном морях.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 239—240.

³ Кония с рапорта командующего Отдельным Кавказским корпусом, командующего войсками в Северном и Нагорном Дагестане генерал-майора Клюки-фон-Клюгенау от 22 марта 1843 г., № 39.

Главными источниками доходов общественной казны шамилевского государства являлись:

1. Закат¹—процентный сбор с движимого имущества: а) с 50 мер хлеба взималось 12 процентов, что по данным секретаря Шамиля, Али-гаджи, составляло не менее 523102 мер в год; б) со 100 овец взимался 1 процент, что составляло ежегодный доход казны в 3200 штук овец; в) с наличных денег в размере менее 40 руб. ежегодно взималось 10 руб. 20 коп., что давало казне 3200 руб. в год.

2. Харадж—подать с горных пастбищ и некоторых селений, ранее зависящих от ханов; ежегодный доход составлял 4500 руб. серебром.

3. Хамус—пятая часть военной добычи мюридов; доход этот увеличивался из года в год: в 1850 г. от мюридов было получено 100 руб. серебром, в 1851 г.—1613 руб., а в 1852 г.—15230 руб.; сюда же входили и средства, даваемые за выкуп пленных, офицеров и др.² (например, в 1854 г. за выкуп семейства князя Орбеллиани и Чавчавадзе Шамиль получил серебром 40 тысяч руб.).

4. Различные денежные и натуральные взносы, штрафы и пени, как-то: за уклонение от воинской повинности, за умышленное оскорбление женщин, за побои, драки, воровство и проч.

5. Имущество казненных за измену, умерших лиц высшего звания, беглых и др.

Все эти средства сосредоточены были в общественной казне, откуда распределялись поштатно для нужд страны. Наиболее крупная доля по смете падала на военный фонд (ибн-сабль), предназначенный специально на вооружение и содержание войск. Все приходные и расходные операции производились через казначея под личным наблюдением Шамиля, с чрезвычайной аккуратностью и бережливостью³. Шамиль время от времени обязан был давать отчеты совету о всех заприходованных и израсходованных суммах в казне. За весь период имамства за Шамилем не было замечено ни незаконного израсходования, ни расхода для личных нужд. Об этом говорят как современники, так и официальные историки. «Шамиль никогда не был корыстолюбив,—говорит полковник Романовский,—а, напротив, всегда отличался щедростью, он успел привязать к себе многих горцев. Доказательством отсутствия корыстолюбия в Шамиле может служить то обстоятельство, что когда он был взят в плен, то, несмотря на 25-летнее имамство, все его богатство оказалось состоящим из самой ничтожной суммы»⁴.

¹ Налог узаконенный шариятом.

² Гаджи-Али, Сказание очевидца о Шамиле, стр. 74.

³ Шамиль и Чечня, «Военный сборник», № 9, 1856 г., стр. 139.

⁴ Романовский, Кавказ и Кавказская война, стр. 345—346.

Вот те финансовые источники, с которыми горцы вели борьбу против царизма. Безусловно, эти средства были малы для той огромной борьбы, которая велась Шамилем. Он все время ощущал крайнюю нужду в средствах, но ему неоткуда было их получить; ему приходилось ограничиваться собственными средствами, используя все ресурсы страны.

6. Социально-бытовые мероприятия Шамиля.

В социальных вопросах Шамиль оказался большим мастером политики, умело и расчетливо приводящим на практике все, что служило интересам борьбы. У него мы встречаемся с заслуживающими особого внимания исследователей государственными мерами, направленными к укреплению страны. В частности следует особо отметить такие преобразовательные мероприятия, как попытка урегулирования вопросов сословного неравенства, кровомщения, освобождения рабов и т. п., направленная непосредственно к изменению социальных отношений среди горцев.

В предыдущих главах мы видели, что Шамиль в процессе борьбы уничтожил ханскую власть в Аварии, разгромил ханские дворцы в Кази-Кумухе и шамхальстве Тарковском, уничтожил власть родовых старшин. Но Шамиль не ограничился только этим,—он отменил все привилегии аристократического строя. Вместо ликвидированного феодального управления было введено народное.

«Прежде всего он (Шамиль),—по словам полковника Руновского,—уничтожил сословные различия обращением дворян в узденей, а вслед за этим объявил безусловно свободными тех из принадлежавших им крестьян, которые составляли исключительное население какой-либо местности. Таким образом, жители четырех деревень—Кахх, Хинниб, Кгуаниб и Тхляилоб, расположенных неподалеку от Хунзаха и с незапамятных времен составляющих собственность аварских ханов,—первые получили свободу и тотчас были подчинены общим правилам, действовавшим во всем крае. Вместо прежних условий крепостного быта, по которым весь труд крестьянина принадлежал помещику, распоряжавшемуся в его доме, как в своем собственном, освобожденные рабы были обложены такой податью в пользу общественной жизни, какую платило население целого края»¹. Таким образом, при Шамиле бывшие рабы 4-х указанных деревень были не только освобождены юридически, но они вместе с освобождением «получили и всю

обрабатываемую ими землю без всякого выкупа»¹. Шамиль этими мероприятиями многое сделал по линии уничтожения сословного неравенства, низводя бывших беков, дворян до положения простых людей—узденей, а крепостных поднимая до этого положения.

В горах пастбищный вопрос являлся одним из самых серьезных и насущных вопросов; на почве раздела пастбищ между аулами происходили постоянные распри, а иногда даже и убийства. Шамиль стал регулировать вопрос о пастбищах и орошении. Когда до него дошли сведения, что пастбищами аула Гимры пользуется только часть жителей, Шамиль написал письмо следующего содержания: «После салама—оказывается, что вы на свои пастбищные участки допускаете баранту одних членов обществ Гимры, а другие не допускаете. Это действие неправильное, да отдалит аллах от нас то, что неправильно. Если это так и если вы допускаете на ваши пастбища баранту гимринцев, то вы должны рассматривать все общество Гимры одинаково и оставить на ваших пастбищах всю баранту. Если же не оставите, то уберете с ваших пастбищ всю баранту, начиная с Магомед-Али, которую оставляли до сего времени. Нельзя без всякой на то причины оставлять баранту одних лиц и отгонять баранту других. Это будет неправильно»².

Шамиль вникал во все нужды горцев и делал все, чтобы облегчить положение населения управляемой им территории. При всем этом все его мероприятия, направленные для облегчения положения горского крестьянства, были крайне недостаточны. То, что делал Шамиль, разрушали его приближенные наибы и старшины, разбогатевшие во время длительной войны. Духовные лица и старшины, пользуясь своим служебным положением, притесняли горское крестьянство и наживались за его счет. Так, например, привилегированные верхи общества Хиндал лишили жителей поливной воды; когда до Шамиля дошла жалоба этих жителей, то он своему наibu Кибит-Магома приказал «запретить пользование поливной водой всяким привилегированным лицам до тех пор, пока полностью не будет обеспечено общество Хиндал водой»³. Тогда, кто злоупотреблял его доверием, Шамиль немедленно снимал с должности.

Большой интерес представляют для нас меры, принятые Шамилем относительно урегулирования положения мусульманской женщины и особенно заботы его о вдовах. С течением времени, в результате длительных боев количество мужского населения в

¹ Руновский, Взгляд на сословные права и на взаимные отношения сословий в Дагестане (записано со слов Шамиля), «Военный сборник», № 7, т. XXVI, СПб, 1862 г., стр. 392.

¹ Письмо Шамиля наibu Кибит-Магома, № 5.

² Там же, № 6.

³ Там же.

шамилевском государстве стало заметно уменьшаться. Осиротевшие дети и вдовы стали материально страдать. До Шамиля стали доходить вести об этом положении овдовевших женщин. «Понимая ненормальность их положения и зная, какую важную роль играет женщина в обществе, помня, что, главным образом, чеченки воодушевили своих мужчин к мятежу в 1840 г., Шамиль придумывал способы для облегчения участи вдов. Применяясь к мусульманскому закону, имам установил дополнительный порядок бракосочетания; он приказал наiban собирать в селениях через некоторый период времени в особые помещения всех вдов и вообще женщин, оставшихся без замужества, и там их обязывали называть имена тех мужчин, за которых они желали бы выйти замуж. Некоторые по женской стыдливости отказывались назвать своих будущих супругов, но воля Шамиля была непреклонна и они все же указывали желанного. Названный мужчина, холостой или женатый, обязан был жениться на той, которая его выбрала. Многим мужчинам не нравилась эта принудительная женитьба, но Шамиль не обращал никакого внимания на протесты, зная очень хорошо, что сами мужчины более цивилизованных народов, чем горцы, нередко женятся на девушках против их желания»¹.

Одной из положительных мер Шамиля следует считать урегулирование им дел о кровомщении. В Дагестане и Чечне сильно было развито кровничество; целые семьи, а иногда и аулы враждовали между собой, и в столкновениях напрасно погибало много горцев. Кровничество сильно мешало объединению горцев, и Шамиль вел с ним решительную борьбу. Он издал распоряжение, которым запрещал кровомщение. Если кровник совершал преступление, убийство, то Шамиль его жестоко наказывал, вплоть до конфискации имущества. Шамиль приложил много усилий, чтобы все столкновения кончались примирением обеих сторон, и своими строгими мерами уменьшил кровомщение². По этому поводу в 1843 г. Нейдгарт доносил военному министру Чернышеву, что «в настоящее время в Чечне убийство, воровство, насилие и другого рода преступления сильно преследуются, и Шамиль принял самые строгие меры к искоренению из нравов чеченского зверского обычая—кровомщения»³.

Наряду со всем этим особый интерес представляют мероприятия Шамиля по борьбе со шпионажем, изменой, нарушением общественного порядка внутри страны. Шамиль применял суровое

наказание за измену и шпионаж—смертную казнь. Изменников он называл проклятыми людьми, «им,—говорил Шамиль,—лучше находиться в земле, чем на ней»¹. «За шпионство полагается,—говорил ген. Нейдгарт,—тоже смертная казнь. Всекие сношения покорных племен с русским правительством, хотя бы и торговые, строго воспрещаются, провинившихся сажают в яму и наказывают телесно»².

Шамиль в борьбе со всякого рода шпионажем добился того, что ни один «лазутчик» не мог добыть сведений о военных силах и планах Шамиля. Об этом говорят и официальные донесения. «Вообще теперь чрезвычайно трудно иметь положительные сведения,—доносил генерал Клюгенау,—даже и хорошие «лазутчики» не могут ничего верного узнать»³. При всем этом шпионы, конечно, не прекращали своих преступных действий, они пускали в ход золото и серебро, подкупали местных людей и доставляли секретные сведения о делах Шамиля.

За проявленную в сражении трусость или малодушие виновному обшивали правую руку войлоком или пришивали на спине «кусок материн»⁴, заставляя носить эти знаки до тех пор пока он не отличился в бою. Имущество перебежчиков-горцев конфисковывалось⁵.

Шамиль не пощадил никого, от всех своих подданных от требовал, чтобы каждый из них, «христианин ли, еврей, магометанин—строго следовал предписанию своего закона, хотя, конечно, карал за поступки против религии только единоверцев. За различные же преступления наказывают без различия веры и национальности»⁶.

С нарушителей государственного распорядка взыскивались штрафы деньгами или натурой; за вторичную вину взыскивался штраф в двойном размере. Все доходы, получаемые от штрафов, поступали в общественную казну.

Шамиль в течение 25 лет руководил борьбой за независимость горских народов, в течение этого периода он сделал очень многое, создав новую государственную систему управления среди горцев Чечни и Дагестана и осуществил ряд военных, административных и социально-экономических преобразований. Однако, ему не уда-

¹ С. Эссадзе, Штурм Гуниба и пленение Шамиля, стр. 131—132.

² Копия с рапорта командующего войсками в Северном и Нагорном Дагестане, л. 16.

³ Записка о политическом состоянии Чечни со времени нового управления, введенного Шамилем (ЦВИА, д. 6468, л. 20—23).

¹ Письмо Шамиля Гадису, № 30.

² Записка о политическом состоянии Чечни со времени нового управления, введенного Шамилем.

³ Копия с рапорта генерал-майора Клюгенау.

⁴ Прушановский, Исторические записки, л. 81.

⁵ Директивное письмо Шамиля к наiban, № 98.

⁶ Рассказ очевидца о Шамиле и его современниках; стр. 16.

лось полностью удовлетворить интересы горского крестьянства: освободив целые поселения рабов и крепостных, он все же достиг освобождения рабов и крепостных у верхушечной части узденей и духовенства.

Наряду с положительными делами, Шамиль проводил и чрезвычайные меры, направленные к укреплению мусульманской религии: он, например, из чисто религиозных соображений запретил танцы, пение и музыку.

7. Тактика Шамилевского боя

Шамиль в своих военных делах с большим искусством использовал естественно-географические условия страны. Зная хорошо местности и условия гор, он умело и расчетливо в течение десятков лет вел горцев на ожесточенную борьбу с хорошо обученными царскими полками. В процессе борьбы он прославился как талантливый полководец, будучи и умелым руководителем и смелым военным тактиком.

Царские генералы хотели сразу уничтожить движение горцев и одним ударом покончить с их «возмутителем» Шамилем. Для этого они снаряжали большие экспедиции, огнем и мечом уничтожая и истребляя все на пути. Добравшись до столицы восставших, где находился Шамиль, они превращали ее в развалины и затем возвращались обратно с уверенностью, что Шамиль уже уничтожен и «умиротворение» Восточного Кавказа уже окончено. В действительности же дело принимало иной оборот: вытесненный из одного места, Шамиль появлялся в другом, выстраивал новую крепость и начинал новую упорную борьбу; при этом он появлялся внезапно там, где его меньше всего ожидали, и с замечательным мастерством совершал вылазки на позиции царских войск. В этом и заключалась своеобразность шамилевской тактики в ведении войны.

«Опытные» генералы и офицеры, не зная местности и условий края, не понимая тактических приемов Шамиля, озлобляясь новыми действиями его, засылали в горы еще больше войск, думая, что на этот раз будет положен конец. Но и эти экспедиции кончались полнейшим поражением.

Движение в горы, разорение аулов царскими войсками изнашивало горцам сравнительно незначительный вред, так как жители обыкновенно успевали унести с собой имущество в горы, леса, где они вынуждены были скрываться. В боях горцы несли гораздо меньше потерь, чем царские войска, потому что они были воору-

жены нарезными винтовками, которые стреляли и дальше и вернее плохих кремневок, составлявших вооружение царских солдат. В силу этого в стрельбе, следовало и в бою, до перевооружения царской армии (т. е. введения в ней нарезного оружия) перевес был на стороне горцев. К тому же надо добавить, что горцы были очень меткими стрелками, приученными к этому с детства. Важно, наконец, и то, что горцы весьма искусно умели пользоваться местностью и действовали враспынную, в то время как завоевательские войска должны были двигаться только массами. Горцы были легко одеты, не имели ноши, могли быстро менять место, между тем как царские войска с тяжелым боевым снаряжением и с шестидневным сухарным запасом должны были двигаться крайне медленно¹. Вот те преимущества, которые были на стороне горцев.

Кроме того, Чечня и Дагестан по своим специфическим условиям являлись совершенно различными участками войны.

Если взять Дагестан и горную часть Чечни, то это была страна гор: заняв командующую высоту, можно было господствовать над местностью и видеть все подступы; заняв крепкую позицию, с незначительным количеством людей свободно можно было удерживать наступление целой армии. С командующей высоты виден противник, можно оцепить его силы и в соответствии с обстоятельствами комбинировать свои маневры. Населенные пункты Дагестана были построены тоже из камня и потому каждый аул являлся укреплением, которое можно было взять только штурмом и притом с большими для противника жертвами. Каждому горцу был дорог свой клочок земли и жилище, разорение которого равнялось отнятию у него всего, что было; поэтому каждый горец обязан был упорно защищать то, чего он добился с большим трудом. По словам генерала Пассека «дагестанцы воевали положительно все. Они встречали нас большею частью открытым боем и на крепких позициях; усиливали их завалами, башнями, подземными ходами, навесами для защиты от гранат, занимали пещеры, переправы через реки, овраги и вообще держались в них с удивительной решимостью, стреляли метко, дрались до последней крайности»².

В Чечне условия боя были совсем иные. Большая и Малая Чечня представляют собой сплошь равнины, покрытые лесом.

¹ В. А. Гейман, 1845 год (воспоминания), «Кавказский сборник», т. III, стр. 366.

² Записка Пассека полностью приведена в книге Романовского «Завоевание Кавказа», стр. 371—378.

Дорогами служили лесные тропинки. В лесу не видно ни своих, ни противника. Здесь побеждал тот, кто хорошо знал местность и не терялся при случайностях боя. Чеченцы при движении царских войск, оставив свои дома, уходили в леса и рассыпались в разные стороны, чтобы через некоторое время вновь собраться для схватки. В бою чеченцы дрались отлично, с большой подвижностью. Одним из любимых способов их действий служил набег на царские укрепленные пункты и части.

Шамиль все эти особенности страны полностью использовал в своих действиях, выработав разнообразные тактические приемы войны—в соответствии с условиями местности. Обычный же тактический прием Шамиля заключался в следующем. Шамиль не мешал завоевателю углубляться в горы. Проходя ту или иную местность, противник находил пустые аулы, разорял их и все больше углублялся внутрь страны. Шамиль не препятствовал этому и дожидался того момента, когда войска завоевателей, исчерпав весь свой запас провианта и расстреляв большую часть снарядов и патронов, должны были повернуть обратно. Обратный путь оказывался прегражденным десятками завалов, где сидели сотни метких стрелков горцев. Возникала ожесточенная сеча, кончавшаяся полнейшим разгромом царских войск. Так Шамиль поступил с отрядом генерала Граббе в Ичкерии в 1842 г., с отрядом князя Воронцова в 1845 г. и с множеством др. отрядов.

Шамиль не только умел отступать, но с большим искусством умел и наступать. После знаменитого погрома в 1845 г. Шамиль перешел в активное наступление. Своими стремительными набегами на позиции неприятеля, постоянно тревожа его своим неожиданным нападением, Шамиль дезорганизовал силы противника и бил его поодиночке.

«...Сила сопротивления горцев,—писал Энгельс, — заключалась в их непрерывных вылазках из своих гор на равнины, во внезапных нападениях на русские гарнизоны и аванпосты, в быстрых набегах на глубокий тыл русских передовых линий, в засадах, которые устанавливались на пути русских колонн. Иначе говоря, горцы были легче и подвижнее, нежели русские, и использовали это преимущество. Фактически во всех случаях, даже случаях временно успешных жителей восстаний гор, эти успехи, таким образом, были результатом наступательных действий»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12., с. 203.

ГЛАВА VII.

НАСТУПАТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ГОРЦЕВ В 40-х ГОДАХ.

1. Успехи Шамиля.

Разгром царских войск в 1842—1843 гг. сделали Шамиля полно-властным хозяином гор. Всякое сообщение царизма с горной частью Кавказа прекратилось. Производить движение по почтовой дороге между Дербентом и Темир-Хан-Шурой возможно было только под прикрытием значительных отрядов¹.

Шамиль, владея огромным пространством, крепким по своим природным условиям, и пользуясь выгодностью своего положения, мог в любой удобный момент обрушиться всеми своими силами на любую позицию царских войск. В этот период все выгоды в военном отношении были на стороне Шамиля. Он, наряду с упорной работой над организацией внутреннего устройства горцев и укреплением страны, не прекращает наступательных действий на позиции завоевателей.

Царизм, несмотря на ряд систематических неудач и громадных жертв, не думал отказаться от своих дальнейших захватнических стремлений. Император Николай I, огорченный неудачами и потерями за последние годы вплоть до конца 1843 г., приказывает усилить кавказские войска присылкою всего 5-го корпуса генерала Лидерса и вместе с тем предлагает Нейдгарту решительным ударом сокрушить власть Шамиля. В собственноручном рескрипте Николай писал Нейдгарту: «разбить все скопища, разрушить все его заведения, овладеть важнейшими пунктами в горах и укрепить те из них, занятие которых будет признано нужным»². Вместе с тем Николай требовал от кавказского начальства усиления системы подкупа близких к Шамилю людей, «не щадя денег», и применения «политических средств», сущность которых заключалась в распространении среди горцев дискредитирующих Шамиля писем и прокламаций, призывающих добровольно покориться «законной власти». В одной из таких прокламаций говорилось, что тот, кто покорится добровольно русскому царю, «заслужит милости государя, получит все гарантии неприкосновенности религии обычаев, собственности и все выгоды спокойного и благоустроенного быта».

Согласно указания Николая I, для наступательных действий

¹ Юров, 1844 год на Кавказе, «Кавказский сборник», т. VII, стр. 161.

² Высочайший рескрипт генерал-адъютанту Нейдгарту от 18 декабря 1843 г., № 130.

против горцев были сформированы 5 отрядов: Чеченский, Дагестанский, Самурский, Лезгинский и Назрановский, и разосланы прокламации по всему Дагестану и Чечню. Шамиль в ответ на наступление завоевателя тоже ответил усиленным наступлением в сторону равнинного Дагестана. В июле 1844 г. 27-тысячный отряд Шамиля, заняв селения Кака-Шура и Гелли стал угрожать владениям Мехтулинского хана и шамхала Тарковского.

Попытка царских завоевателей приостановить развивающееся освободительное движение не имела успеха. С появлением Шамиля в Южном Дагестане, против царской администрации восстали елусейцы, ахтынцы, рутульцы и джаро-белоканцы. Елусейский султан Данил-бек тоже перешел на сторону Шамиля.

Несмотря на усиленные мероприятия по дискредитации Шамиля перед населением, его влияние росло с каждым днем и охватывало все окружающие горские народы. Что бы Шамиль ни задумал, какое бы начинание ни предпринял, всегда он находил живой отклик и горячую поддержку в народе. Причина подобного успеха Шамиля, по словам официального историка, крылась, главным образом, в неприятии к завоевателям «большинства местного населения, покоренного силою оружия, удерживаемого в повиновении страхом наказания, но в душе непокидавшего надежду свергнуть при первом удобном случае чуждую им власть, и, кроме того, в числе других причин отчасти и оттого, что Шамиль умел привлечь на свою сторону и привязать к себе бедный класс народа»¹. Вследствие этого, Шамиль мог вполне рассчитывать на поддержку людей, готовых всегда по первому требованию идти с оружием в руках, куда бы их ни повели имам и нанбы².

Таким образом, в 1844 г. положение царизма в Дагестане и Чечне не улучшилось, несмотря на значительное увеличение военных сил. После ряда неудач, недовольный действиями Нейдгарта, Николай I в конце 1844 г. назначил нового главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом и наместником своим на Кавказе—генерал-лейтенанта графа Воронцова. В Петербурге был составлен план больших военных действий на Кавказе, где предлагалось «кончить с Шамилем одним решительным ударом, в условиях нанесения в центре могущества Шамиля, где и утвердиться, т. е. в Дарго»³. Исполнение плана было назначено на 1845 г. и возложено на графа Воронцова.

25 марта Воронцов прибыл в Тбилиси. Вместе с назначением

¹ А. Ржевуский, 1845 год на Кавказе, «Кавказский сборник», т. VI, стр. 228.

² Там же.

³ Воспоминания графа Бенкендорфа о Кавказской летней экспедиции 1845 г., СПб, 1911 г., стр. 3.

его наместником, из России была двинута на Кавказ 40-тысячная армия. Новый главнокомандующий усиленно стал готовиться к осуществлению указания императора. Предполагалось сильным отрядом проникнуть через Салатавию и Гумбет в Андию, истребить там отряды Шамиля и возвести укрепление, соединив его промежуточными укрепленными постами с Евгеньевским на Сулаке; затем повернуть вновь в сторону к Ичкерии для истребления столицы шамилевского государства Дарго и возведения ряда укреплений на передовой чеченской линии.

Для достижения поставленной цели были сформированы несколько отрядов: Чеченский под начальством генерала Лидерса, Дагестанский—генерала князя Бебутова, Самурский — генерала князя Аргутинского Долгорукова, Лезгинский—генерала Шварца, Назрановский—генерала Нестерова. Все эти отряды должны были начать наступательные действия одновременно, причем центр тяжести выполнения поставленной задачи был возложен на Чеченский и Дагестанский отряды, а остальные должны были отвлекать часть войск горцев в различных местах во время наступления главных сил в Андию. Общее руководство военными силами было поручено графу Воронцову.

3 июня войска графа Воронцова в составе 21 батальона пехоты, 4 рот сапер, 3 рот стрелков, 16 сотен казаков и милиции, 2 грузинских пеших дружин по 500 человек каждая и 46 орудий двинулись из урочища Гертме по направлению к Андии.

Шамилю было известно о движении царских войск. Он прекрасно знал, что враг силен, что наступательные действия начаты одновременно в различных частях Дагестана и Чечни и что малейшая ошибка с его стороны даст завоевателю возможность восторжествовать. Но Шамиль, как и в предыдущих боях, показал себя на деле талантливым полководцем и стратегом. Употребляя все меры для того, чтобы отстоять независимость страны, он и на этот раз очень искусно применил свой обычный тактический прием боя с неприятелем.

Шамиль не решает открыто вступить в бой с многочисленными царскими войсками, вооруженными до зубов. Он отдельными отрядами занимает главные дороги, ведущие в Андию, и по мере приближения неприятеля, после некоторой перестрелки, без боя, разрушая дороги и мосты, отступает дальше в горы, на одной из крепких позиций он вновь укрепляется и ждет пока приблизится завоеватель. Такая система боя с неприятелем повторялась несколько раз, имея целью заманить его войска как можно глубже в горы, чтобы уничтожить их.

Войска графа Воронцова беспрепятственно углублялись в горы

и занимали оставленные Шамилем сильные укрепления: Буртанайскую позицию гору Анчимсер, вблизи перевала Кырк и др. С 7 числа начались проливные дожди с бурями, а потом выпал глубокий снег и температура понизилась до 6°. Царские войска бедствовали; в течение нескольких дней отряд потерял 12 человек замерзшими и до 500 обмороженными; от голода и бескормицы пало 500 лошадей. 11 мая войска Воронцова двинулись в Андию через перевал Букур-Андийских ворот. В Букур-Кале Шамиль делает безуспешную попытку приостановить дальнейшее движение царских войск, затем еще раз отступает, давая царским войскам возможность еще больше углубиться в горы. 14 июня, оставив эшелон у Андийских ворот, войска вступили в Андию. Когда они стали приближаться к населенным пунктам, в особенности к Андийским аулам, Шамиль дал населению распоряжение со всем имуществом переселиться в горы, а аулы сжечь, что и было выполнено. В тот же день у аула Анди завязался жестокий бой. Шамиль оказал решительное сопротивление завоевателю, но к вечеру царскими войсками после упорного боя были заняты аул Анди, а затем Гочатль. Шамиль отступил. Граф Воронцов поспешил известить Николая I сообщением о взятии Андии и окончании первого этапа экспедиции.

Кавказское командование, идя в Андию, рассчитывало на то, что с появлением войск жители добровольно сдадутся и войска «ускоренными темпами, завершив утверждение новой власти» в горах, смогут двинуться в Ичкерню, к резиденции Шамиля. Надежда на такой исход войны сохранялась до самого начала боев в Андии. Участник похода граф К. К. Бенкендорф в своих воспоминаниях рассказывает, что «в главной квартире убаюкивали себя надеждой, что жители с благодарностью примут тут же предложенную им нами помощь и поддержку»¹, мечтали, что успех оружия, прокламации и слова мира «разорвут узы подчинения различных народностей Шамилю—главному препятствию нашего владычества на Кавказе»². На деле все расчеты «опытных» царских генералов оказались ошибочными. С самого начала их появления население гор оказало сильное сопротивление. С особенной храбростью оно дралось при взятии аулов Андии и Гочатль, где горцы показали постоянную готовность к борьбе за независимость своей страны.

Шамиль отступил, Андия была взята. Это называлось по

суждениям «опытного «администратора, дипломата и полководца» графа Воронцова крупной победой. Однако, Воронцов со своей многочисленной армией застрял в Андии. Он здесь не мог ни наступать, ни отступать: это было дело рук Шамиля, который отступил не потому, что не мог отстоять Андию, а для того, чтобы довести противника до такого состояния, когда он обессиленный не сможет двинуться дальше.

Период неудач для царизма все еще продолжался. Целый месяц продолжалась дождливая холодная погода. Лошади из-за недостатка корма гибли сотнями, сухари мокли, в самой Андии войска по два—три дня оставались без хлеба, без соли, питаясь одним только мясом. «Пойдет, бывало, нетерпеливо ожидаемый транспорт и привезет вместо 8- или 9-дневного запаса сухарей, на два, много на три дня, которые поедят и опять ждут нового подвоза, не имея возможности двинуться вперед»¹. Недостаток продовольствия и затруднения в достатке ставили царские войска в очень тяжелые условия. Отряд Воронцова вынужден был оставаться в Андии 22 дня (с 14 июня до 6 июля).

Шамиль действовал с необыкновенной осторожностью. Его решение было ясно—истребить все неприятельские войска, не дав им вырваться из долины Андии и Ичкерии, и он очень умно повел свои действия. В то время как отряд Воронцова почти наполовину вышел из строя, у Шамиля силы были еще не тронуты. Царским войскам досталась страна, разоренная Шамилем, «горная пустыня», выжженная, без населения; ничего нельзя было достать, чтобы снабжать отряд продуктами и снаряжением.

По приказанию главнокомандующего были заведены многочисленные вьючные транспорты. С одной стороны—дожди и бездорожье, с другой—нападения горцев сделали доставку продуктов почти невозможной. Шамиль понял затруднения царской армии и все свои усилия направил на тыл царских войск, на прекращение снабжения. Князь Воронцов, недовольный медленным ходом снабжения, поручает дело снабжения отряда и безопасности эшелонов лично генералу Бебутову. Однако, горцы напали на колонну генерала Бебутова и чуть было не захватили его самого в плен. Таким образом, с самого начала прихода в Андию армия Воронцова боролась с горцами исключительно за продовольствие для своих войск, которые по несколько суток оставались без сухарей, соли и топлива.

4 июля стало ясно, что дальше оставаться в таком положении нельзя, ибо партии обозов и вьюков с продовольствием из крепос-

¹ Тут речь идет якобы о помощи и поддержке, оказываемой населению гор, чтобы освободиться от власти Шамиля.

² Воспоминания графа К. К. Бенкендорфа, о Кавказской летней экспедиции 1845 г., стр. 89.

¹ А. Зиссерман, История 80 пехотного Кабардинского полка, т. II, стр. 415.

ти Темир-Хан-Шура должны прибыть только через неделю. Граф Воронцов решает покинуть Андию и начать наступление на резиденцию Шамиля—Дарго.

6 июля в 4 часа утра Воронцов с 8-тысячным отрядом пехоты, 1200 конными при 22 орудиях двинулся через хребет Регели, Черные Горы в Ичкерью. Но дорога была испорчена и преграждена завалами, за которыми сидели горцы, так что пройти каких-нибудь 14 верст стоило больших усилий и жертв. При вступлении в Ичкерийские леса, вся дорога также оказалась прегражденной завалами, устроенными из срубленных толстых деревьев, укрепленных насыпью из земли и камнями. Каждый из этих завалов, за которыми засели храбрейшие горцы, надо было брать с боя.

Воронцов предпринимает все меры к тому, чтобы как можно скорее пробиться к аулу Дарго. Когда Шамиль убедился в невозможности удержать аул, он предал его огню, а жителей с имуществом переселил в горы. Ночью 6 июля отряд Воронцова занимает брошенное Шамилем Дарго. Завоевателю это стоило больших потерь: по официальным данным были убиты 1 генерал, 3 офицера и 32 нижних чина, ранено 9 офицеров и 228 нижних чинов, контужено 82 человека, погибло много лошадей¹.

Таким образом, цель, поставленная царем перед новым командующим, была достигнута: войска заняли резиденцию Шамиля. Но Шамиль был еще силен, отряды его действовали в различных местах, население было на его стороне.

Шамиля не смутило то, что царские войска утвердились в Дарго,—он только теперь предполагал начать решительную борьбу с завоевателем. Шамиль обращается к населению Чечни и Дагестана с призывом подняться на борьбу с царскими колонизаторами. Граф Бенкендорф в своих воспоминаниях пишет, что «в день занятия Дарго силы Шамиля были слабее наших, но уже на другой день вся Чечня и весь Дагестан собрались вокруг него, и теперь многочисленный противник, словно громадный муравейник, окружил нас со всех сторон; горцев собралось несомненно не менее 30000 человек»².

Шамиль окружил отряд Воронцова и по всем направлениям построил завалы. 7 июля с окрестных высот он открыл учащенную стрельбу по лагерю неприятеля. Для того, чтобы отогнать Шамиля, в тот же день была сформирована особая колонна из 6 батальонов под начальством генерала Лабинцева. Отряд Лабинцева атаковал горцев. Шамиль очистил высоты и аул Бултугай, генерал занял этот аул, а затем начал отступать. Шамиль и здесь

применил свой обычный тактический прием: когда войска неприятеля наступали, он отошел и засел в лесу, а когда противник начал отступать, горцы напали на него и уничтожили половину отряда.

В Дарго Воронцов очутился в еще худшем положении нежели в Анди. Окруженный горцами и отрезанный от продовольственной базы, он оказался в ловушке. Запасы продуктов приходили к концу. Колонна с продуктами, следовавшая из Чиркея, все еще не показывалась. Наконец, 10 июля было получено известие о том, что транспорт с провиантом подошел к даргинским лесам, но не может двинуться дальше, так как дорогу преградили горцы. В связи с этим был сформирован усиленный отряд под начальством генерала Клюки-фон-Клюгенау, в задачу которого входило пройти «через лес навстречу транспорту, доставить предназначенный отряду провиант, частью на людях, частью на вьюках»¹. Движение колонн началось в 3 часа того же дня. Отряды Шамиля, зная намерение неприятеля, заняли лес, устроили вновь завалы и стали поджидать приближения войск. К 11 часам ночи, понеся большие потери и бросив на пути 2 орудия, отряд Клюгенау еле добрался до стоянки транспорта. На следующий день царским войскам предстоял обратный путь при еще более худших условиях, так как Шамиль усилился за счет вновь прибывших чеченцев. Продовольственный отряд, за исключением нескольких десятков человек, был истреблен горцами. Попытка подвезти продовольствие—«сухарная экспедиция»²—окончилась полным крахом.

Воронцов делает попытку пробиться с оставшимися силами на линию, но безрезультатно: непрерывные атаки горцев настолько дезорганизовали отряд, что он, будучи уже недалеко от укрепленной линии, принужден был прекратить свое дальнейшее продвижение. Только появление воинских частей Фрейтага спасло отряд и самого Воронцова от полного истребления.

Даргинская экспедиция дорого обошлась царизму: он лишился 4 генералов (Фока, Пассека, Викторова, Василевского), 186 офицеров и до 4000 нижних чинов убитыми; к этим потерям Воронцова следует еще прибавить потери отряда генерала Фрейтага и потери Лезгинского и Самурского отрядов. Однако, несмотря на полный провал экспедиции, граф Воронцов за этот поход получил от Николая I княжеский титул.

Так закончилась одна из попыток царизма сокрушить власть Шамиля и утвердиться в горах. Это было крупное поражение, нанесенное николаевской армии горцами. После этого разгрома цар-

¹ Зиссерман, т. II, стр. 423.

² Воспоминания графа К. К. Бенкендорфа, стр. 101.

¹ Воспоминания графа К. К. Бенкендорфа, стр. 102.

² Это название было дано солдатами, участвовавшими в экспедиции.

ским войскам на несколько лет был отрезан путь в государство Шамиля.

После Даргинского похода, кавказскому начальству предоставлено было право вести дело покорения горцев по своему усмотрению. Теперь князь Воронцов уже не получал заранее утвержденных в Петербурге планов, а ему было разрешено планировать дальнейшее завоевание Кавказа самостоятельно. И он, после горького опыта, уже больше не решался совершать походы в горы, совершенно прекратив выступления в глубь страны.

Экспедиция 1845 г. явилась поворотным пунктом в истории завоевания Кавказа. С этого времени кавказское командование переходит к новой системе покорения Чечни и Дагестана: решено было перейти к систематическим действиям, т. е. продвигаться вперед медленно, прочно укрепляясь в занятых пунктах. Иначе говоря, вместо движения в глубь гор Чечни и Дагестана с большими отрядами, начато было постепенное покорение горских народов. Это достигалось посредством рубки просек, открывавших войскам доступ к аулам чеченцев, постепенным вытеснением последних из удобных мест, лишением возможности заниматься в обширных размерах хлебопашеством и скотоводством, стеснением их и других горцев, приобретающих хлеб в Чечне, в способах продовольствия, и вместе с тем постройкою укреплений, поселений, казачьих станиц, с тем, чтобы создать себе опорные пункты и прочно утвердиться в занимаемой местности¹. С этого времени и началась длительная осада Кавказа, на что в свое время особо указывали Ермолов и Вельяминов.

После разорения Дарго, Шамиль перенес свою столицу в Ведено (на реке Хулхулау в Ичкерии). Он попрежнему не ослабляет своей борьбы, наступает на врага и даже делает попытку расширить базу восстания за счет привлечения на свою сторону адыгейцев. 16 апреля 1846 г. Шамиль прорывается через Сунженскую линию и с 10-тысячным отрядом пеших и конных, с 5 орудиями появляется в Кабарде, чтобы поднять восстание среди жителей. Однако, кабардинские князья и родовитая аристократия были прочно связаны с царизмом и сумели удержать крестьянские массы от выступления. При всей неудаче, поход Шамиля в Кабарду все же еще больше поднял его авторитет среди горских народов Северо-Восточного Кавказа.

В этом же году Шамиль совершает поход в Акушу. Царское командование двинуло в средний Дагестан отряды под начальством князя Бебутова. В сражении при Кутиша Шамиль был раз-

бит, но зато его отряды действовали с большим успехом в других местах Дагестана и Чечни. Например, в середине сентября 1846 г. отряд горцев во главе с Хаджи-Мурадом вторгается в столицу Мехтулинского ханства, Джунгутай, и похищает ханшу Нох-Бике¹.

Шамиль был еще достаточно силен. Попытка царизма проникнуть в глубь Дагестана натолкнулась на серьезное сопротивление. В 1847 г. Воронцов повел осаду укрепленного аула Гергебель, но после чрезвычайно кровопролитного и неудачного штурма принужден был отступить.

Царские колонизаторы, захватывая земли, начали наступать одновременно со всех сторон против восставших горцев. Это медленное движение в глубь гор путем оседания на захваченной земле обеспечивало царизму значительный успех в борьбе с горцами. Царские колонизаторы начали брать горцев измором, уничтожали леса, разрушали селения, прокладывали в горах дороги и медленно, но недоступно двигались в глубь Дагестана и Чечни.

Шамиль, видя, как окружают его страну, делает в 1848 г. попытку разорвать сомкнувшееся вокруг территории восставших кольцо крепостей, поселений и т. д. Он появляется в Южном Дагестане, в обществах, расположенных по реке Самуру (Ахты-Пара, Алты-Пара, Докуз-Пара и Рутул), и осаждает укрепление Ахты, но отряд Аргутинского-Долгорукова освобождает Ахты из осады². В 1849 г. царские генералы в погоне за Шамилем проникают в глубь гор и осаждают укрепленный аул Чох, но терпят полную неудачу.

В последующий период наблюдается, с одной стороны, активные наступательные действия горцев, с другой—постепенное возведение линии царских укреплений (Ишкартинское, Аймакское, Ходжал-Махинское и форт Цудахар), осадную работу укрепленных аулов, рубку просек и т. д. Такая система военных действий на Кавказе продолжалась вплоть до самого окончания Крымской войны. Накануне восточной войны Шамиль вновь наносит сильное поражение одному из царских отрядов у аула Гурдали и вступает в крупное столкновение на реке Мичик с отрядом будущего наместника на Кавказе—Барятинского.

2. Сношения Шамиля с соседними народами.

Шамиль с самого начала своей деятельности пытался расширить базу восстания, распространить свое влияние в сторону Цент-

¹ Зиссерман, Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский, 1875 - 1879 гг., т. I, Москва, 1888 г., стр. 119.

¹ Впоследствии ханша была возвращена Шамилем за большой выкуп.

² Н. А. Волконский, Трехлетие в Дагестане, 1848 год, взятие Гергебеля и геройская защита укрепления Ахты, «Кавказский сборник», т. VII.

рального Кавказа и объединить всех борющихся горцев: абадзехов, натухайцев, шапсугов и др. для совместной борьбы против царизма.

На Западном Кавказе, как и в Дагестане и Чечне, также происходила упорная борьба за независимость. Но здесь горские народы еще не были объединены и действовали разновременно. Шамиль решил объединить их с чеченцами и дагестанцами в борьбе с общим врагом, царизмом, и создать из них крупную военную силу, готовую в любое время отразить наступления завоевателя.

Еще в 1841 г. при помощи своих агитаторов и прокламаций Шамиль «не только успел взволновать умы в Дагестане и на левом фланге кавказской линии,—сообщает штаб-офицер корпуса жандармов,—но, переписываясь с покорными нам владельцами, поселил недоверчивость к русскому правительству между всеми горцами от Каспийского до Черного моря»¹. Шамиль пользовался большим влиянием среди всех горских народов: у него можно было найти десятками представителей от каждого народа.

После своих блестящих побед, одержанных в 40-х годах, Шамиль снаряжает ряд посольств к обществам Западного Кавказа. Начиная с 1842 г., среди горцев Западного Кавказа действуют шамилевские агитаторы. Официальный историк Ржевуский, описывая действия шамилевских эмиссаров в 40-х годах, пишет, что «пастроение закубанских жителей становилось относительно нас с каждым днем все более и более враждебным, и причиной тому было появление среди шапсугов, натухайцев и абадзехов двух энергичных эмиссаров Шамиля»².

Это было дело рук умного сподвижника Шамиля—Гаджи-Магомеда. В течение короткого срока своего пребывания он сумел многое сделать для объединения горцев Западного Кавказа и для совместной борьбы. В 1844 г. близ реки хабль Гаджи-Магомед внезапно заболел и умер.

В начале 1845 г. Шамиль снова снаряжает посольство³ на Западный Кавказ во главе с Хаджи-Бекиром и Сулейманом (Сельман) Эфендием с поручением сколотить из западных горцев отряды и идти в Чечню на соединение с отрядами Шамиля. По прибытии к абадзехам Сулейман и Хаджи, разъясняя свои планы на сходах, говорили, что «цель наша вести вас на соединение с Шамилем». В сравнительно короткий срок посланцы Шамиля сумели

собрать вооруженные отряды в различных местах и совершить ряд вылазок против царских войск. Соединиться с Шамилем, однако, не удалось (хотя он в 1846 г. и явился в Кабарду), так как собранному отряду было нанесено сильное поражение, и сам Сулейман, изменив борьбе горцев, перешел на сторону царизма. Так кончилось второе посольство Шамиля на Западный Кавказ.

В конце 40-х годов Шамиль вновь посылает на Западный Кавказ своего наиба—Магомед-Амина. Царские колонизаторы в это время перешли в наступление и начали активно вытеснять абадзехов из плодородных местностей между реками Белая и Лаба. В ответ на это горцы подняли восстание. Началась ожесточенная борьба с колонизаторами. В 1849 г. Шамиль поставил во главе черкесов способнейшего Магомеда-Амина. Горцы Западного Кавказа получили правильную военную организацию, сплотились вокруг своего вождя для борьбы с наступающими врагами. Магомед-Амин навел среди горцев Западного Кавказа такие же порядки и устройство армии, какие имелись у горцев Чечни и Дагестана. Стоя во главе горцев, он одержал ряд побед над царскими войсками.

Борьба, происходившая на Западном Кавказе, была теснейшим образом связана с борьбой горцев Северо-Восточного Кавказа во главе с Шамилем.

3. К. Маркс и Ф. Энгельс о борьбе кавказских горцев.

Наступил 1850 год. Это был 21-й год борьбы горцев за свою независимость под руководством Шамиля. Двадцать с лишним лет Шамиль вел ожесточенную непрерывную войну с царскими колонизаторами, пытавшимися поработить горцев, одержав в этой борьбе ряд блестящих побед над царизмом. Каждая победа и успех, одержанные горцами, были в данной исторической обстановке прямым ударом, направленным против европейского жандарма, душителя революционного движения—царизма.

В то время, когда Николай I при первом известии о революции в Париже и о брожении в Пруссии и Австрии двинул свою армию на запад, чтобы задушить революционное движение, горцы во главе с Шамилем громили его отряды то в одном, то в другом месте¹. В такой обстановке происходила борьба горцев на всем протяжении первой половины XIX века.

В 50-х годах, после жестокой расправы с революционным движением, с молодым классом—пролетариатом—на западе, Нико-

¹ «Замечания о шариатском и тарикатском учении Шамиля, распространяемые между кавказскими племенами» (ЦВИА, ч. I, № 4156, отд. 2).

² Ржевуский, 1845 год на Кавказе, стр. 432.

³ «Посольство от Шамиля к абадзехам» (извлечение из военного журнала атамана Черноморского Кавказского войска).

¹ Дарго, Гергебель, Чох, Южный Дагестан и др.

лай I, жандарм Европы, вновь усиливает свои захватнические действия на Востоке. Чтобы быть полным хозяином на берегах Черного моря и на Кавказе и свободно провозить через проливы в Европу помещичий хлеб, Николай I в 1853 г. начал войну с Турцией.

Усиление царизма на Востоке, хозяйничание на Черном море означали на данном историческом этапе прямой удар по международному революционному движению.

Начиная с 1853 г., внимание царского правительства всецело было обращено на захват Черного моря. Однако, западные страны, прежде всего Англия и Франция, отнюдь не были заинтересованы в усилении России на востоке за счет разгрома ослабшей к тому времени Турции. Англия и Франция в Черном море и в проливах экономически были заинтересованы не меньше, чем Россия. Отсюда—прямое вмешательство с их стороны в восточные дела царской России. Чтобы помешать усилению России и разгрому Турции; они заключают между собой союз и объявляют совместную войну Николаю I.

В связи с началом войны, значительное число кавказских войск было отвлечено для участия в турецкой кампании. В этой обстановке Шамиль и его наиб Магомед-Амин усиливают наступательные действия против царских войск во всех частях Кавказа¹.

Это было время очень напряженной международной обстановки. О борьбе на Кавказе, идущей под руководством Шамиля, заговорила и европейская печать. Почти еженедельно в европейских газетах появлялись сообщения о кавказских делах. Появились масса очерков, исследований и мемуарных работ на английском, французском, немецком и др. языках о борьбе горцев и об их руководителе Шамиле.

Английское правительство через своих дипломатов в Турции и путем послышки эмиссаров стало непосредственно вмешиваться в кавказские дела под видом сочувствия борьбе горцев за независимость. На своих и турецких судах Англии удалось отправить западным горцам оружие и боевые припасы. Такую же политику проводила и Франция.

Однако, ни англичане, ни французы, ни турки не могли дать горцам той свободы и независимости, которой они добивались в своей борьбе. Заигрыванием с горцами Англия хотела скрыть свои действительные цели. Дело в том, что кавказский вопрос в то время теснейшим образом был связан с турецким. В этот период Кавказ, вместе с Черным и Каспийским морями, сделался ареной

борьбы между Россией, с одной стороны и Англией, Турцией и Францией—с другой.

В этой обстановке, когда Россия была занята войной с Турцией, Шамиль развивает наступательные действия против николаевских войск. В конце 1853 г. он на левом фланге, войдя в соглашение о совместных действиях с командующим турецкой армией, предпринимает поход в Джаро-Белоканы, чтобы прорвать лезгинскую линию и пойти на соединение. Шамилю удалось овладеть укреплением Закаталы. В 1854 г. он вторично совершил поход в Кахетию и отсюда стал угрожать Тифлису, где сидел наместник Кавказа князь Воронцов. Такие же походы были предприняты по указанию Шамиля и Магомед-Амином на Западном Кавказе.

Вскоре князь Воронцов оставил пост наместника, и главнокомандующим на Кавказе был назначен князь Муравьев. Шамиль наносит еще ряд поражений царским войскам. Горцы энергично противодействуют усилению царизма на востоке, расстраивая своими действиями захватнические планы царизма.

В этой обстановке развернувшаяся борьба горцев Кавказа под руководством Шамиля сливалась с международным революционным движением. Недаром за упорной и мужественной борьбой горцев, за деятельностью «великого» демократа Шамиля-бея» внимательно и с восхищением наблюдали основоположники научного коммунизма Карл Маркс и Фридрих Энгельс. В их переписке и в статьях за 1852—1854 гг. содержится много высказываний о борьбе горцев за независимость.

ГЛАВА VIII.

ПОДАВЛЕНИЕ ВОССТАНИЯ ГОРЦЕВ.

1. Наступление царских войск и пленение Шамиля.

Крымская война окончилась полным поражением царизма. В марте 1856 г. в Париже был заключен мир, развязавший царизму руки для расправы над восставшими горцами. Сменивший Николая I новый царь Александр II решил покончить с Шамилем. Для решительной борьбы с горцами на Кавказе было сконцентрировано 270 тысяч войск, во главе которых был поставлен один из любимцев царя—прославившийся в борьбе с горцами своей жестокостью и беспощадностью князь А. И. Барятинский.

До начала военных действий новый главнокомандующий добивается «высочайшего» утверждения «положения о реорганизации всего военного управления Кавказа и распределения войск. Сог-

¹ В. Солтан, Обзор событий в Дагестане в 1855 и 1856 годах, «Кавказский сборник», т. XII.

ласно этому «положению», весь Кавказский край был разделен на 5 военных отделов (правое и левое) крыло Кавказской линии, Прикаспийский край, Лезгинская кордонная линия и Кутанское генерал-губернаторство), во главе которых были поставлены начальники с самостоятельной властью как по местному военному управлению, так и по командованию войсками. Это было одним из важнейших условий, обеспечивавших успех Бяратинского при покорении горцев.

Система ведения войны при Бяратинском осталась той же, что и при князе Воронцове, он только придал ей более активный характер. Если раньше прорубка просек и прокладка дорог носила характер предприятий, стремившихся преимущественно к захвату отдельных частей страны, то в период Бяратинского вся система военных действий была построена на захвате всего непокорного края.

В конце 1856 г. согласно, общему плану Бяратинский приступил к военным действиям против Шамиля. Наступление началось с Чечни, где для действий против чеченцев был назначен генерал Евдокимов. Наступили решительные битвы. Царские генералы, прорубая просеки, сооружая дороги, строя укрепления, разрушая аулы и истребляя горцев, шаг за шагом захватывали новые земли, продвигались в глубь Чечни и Дагестана. Шамиля теснили все дальше в горы, отряды его истреблялись.

В 1857 г. войска под начальством князя Орбелиани проникают в непокорную Салатавию. Шамиль употребил все средства чтобы отстоять ее, но безрезультатно. Салатавия была приведена в «покорность», здесь было выстроено укрепление.

Со стороны лезгинской линии отряд барона Вревского после жестокой расправы, длившейся целый год, приводит к покорности общества Нагорного Дагестана: Дидо, Анкратль, Анцух и Капучу¹. Только за один 1857 год было разорено более 40 аулов Анкратлинского и Дидовского обществ. Тот же барон Вревский заставил часть жителей, в числе 400 человек, переселиться в Кахетию.

В Чечне, где действовал отряд генерала Евдокимова, в 1857 г. прорубаются просеки к Майюртупу и Гурдали, сооружается дорога до укрепления Куринского и укрепленный лагерь в Шали. В результате этих мероприятий к концу года вся плоскость Большой Чечни оказалась захваченной царскими войсками. А в начале 1858 г. Евдокимов проникает в знаменитое Аргунское ущелье, устраивает при входе в него укрепление для штаб-квартиры Куринского полка и вырубает леса в верховьях Шаро-Аргуна. По

верхнему течению Аргуна возводится еще одно укрепление—Евдокимовское (Итум-Кале). Таким образом, царские войска в 1858 г. окончательно овладевают и Малой Чечней и течением Аргуна¹.

С занятием Аргуна и Ауха был открыт путь во фланг Дагестана. Передовая линия переносится в горную полосу шамилевских земель. С утверждением в Аргуне; все пути сообщения с Малой Чечней и Западным Кавказом были отрезаны.

Против непокорной нагорной Чечни и кумыкской плоскости были двинуты силы генерала Евдокимова и князя Святополк-Мирского. При подавлении борьбы горцев царские генералы в своих действиях ничем не брезгали, уничтожали аулы, посеы, скот и истребляли самыми варварскими методами сотни и тысячи семейств восставших горцев. Вся Чечня и кумыкская плоскость была предана огню и залита кровью. «Чечня горит,—имам, иди тушить»,—писали паибы Шамилю, но Шамиль не мог оказать необходимой помощи, ибо он был занят обороной против царских войск, двигавшихся в Средний и Нагорный Дагестан. Царские генералы в захваченной нагорной Чечне строят укрепление Шатоевское.

Так шаг за шагом, заливая горы кровью, продвигались царские войска по территории горцев.

Большое значение имело введение нарезного оружия. В первых же боях новая винтовка царской армии показала большие преимущества в бою перед старой винтовкой горцев. Дальность выстрела и большой калибр пули заставляли горцев держаться на почтительном расстоянии. До этого горцы всегда имели перевес в огнестрельном оружии. Интересные на этот счет данные дает Бяратинский в своем письме к военному министру Сухозанету: «Горцы,—говорит он,—всегда имели над нами преимущество в ручном огнестрельном оружии; у них нет гладкоствольных ружий, а винтовки их уступают в действии только новейшим штуцерам и нарезным ружьям. Но в последнее время у них все более и более распространяются в употреблении европейские винтованные ружья, которые к ним путем Черного моря проникают. Прежде впрочем полагалось много достаточным на Кавказе вооружить на первое время нарезными ружьями только одну стрелковую роту и сверх того, для опыта, один полк в Дагестане. Мне до того времени не случалось видеть употребление этого оружия в бою и потому я считал опыт необходимым. Но теперь, после экспедиции нынешнего года, я постоянно слышу со всех сторон о изумительном действии нарезных ружей и, очевидно, мы обязаны этому оружию незначительности потерь, понесенных нами в нынешнем году, в со-

¹ Н. Волконский, Лезгинская экспедиция (Дидойское общество) в 1852 г. «Кавказский сборник», т. I.

¹ Н. Волконский, 1858 год в Чечне, «Кавказский сборник», т. III.

размерности с нашими успехами. Убеждаясь этими опытами, я имею честь покорнейше просить вас, исходатайствовать высочайшее повеление о вооружении всего Кавказского корпуса парезными ружьями возможно в кратчайший срок»¹.

Огромный вред горцам в их борьбе принес николаевский топор. Лесные пространства Чечни, где горцы так искусно маневрировали и громили завоевательские войска, были вырублены, а взамен их были выстроены укрепления и крепости. Войска вооружились новым оружием. Теперь горцы уже не рисковали вступить с царскими войсками в бой на открытом месте.

Разоренная страна, пустые аулы—вот как выглядели плоскостные районы шамилевского государства. Шамиль, видя, что его окружают со всех сторон и что силы ослабевают, делает попытку поднять восстание в тылу у царских войск, чтобы отвлечь их от углубления в горы. Для этого он совершил смелый поход в сторону Владикавказа, но был разбит генералом Мищенко.

В конце 1858 г. Евдокимов с главными своими силами двинулся в ущелье реки Бассы, по которому пролежала прямая дорога в Ичкерню и к Ведено—столице Шамиля. «Шамиль давно предугадывал,—говорит капитан Игнатович,—такой исход наших операций, а потому заблаговременно укрепил свою резиденцию, сосредоточив здесь громадное количество рабочих рук и защитников»². Для обороны Ведено были сосредоточены отряды не только из Чечни, но и из Дагестана. Этим силам Шамиль вверил охрану последнего своего оплота в Чечне и передовых укреплениях позиций у аула Таузена и в Бассовском ущелье.

Царские войска, захватывая один аул за другим, продвигались в резиденцию Шамиля. К началу февраля 1859 г. Чеченский отряд занял и расчистил все пространства от Таузена до аула Алистанжи. Генерал Евдокимов 7 февраля двинулся на резиденцию Шамиля Ведено и расположился в двух верстах к северу от него. К Ведено завоевателем были стянуты громадные войска. Двадцать дней он готовил силы и 1 апреля начал кровопролитный бой. Горцы дрались с беззаветной храбростью, бой длился с раннего утра до позднего вечера, и Шамиль, видя, что удержать Ведено нет возможности, отступил в Дагестан—в Андию. Может быть, ему удалось бы еще некоторое время отстаивать Ведено, если бы не предательство некоторых наивов.

Таким образом, 1 апреля 1859 г. после кровопролитного штур-

¹ Письмо князя Барятинского к министру Н. О. Сухозанету, от 8 ноября 1857 г.

² «Боевая летопись 82 пехотного дагестанского полка во время Кавказской войны», Тифлис, 1897 г., стр. 289.

ма последний оплот в Чечне—Ведено — был захвачен царскими войсками. Захват Ведено решил судьбу всей Чечни, откуда Шамиль черпал значительную долю своих вооруженных сил. В покоренной Чечне царские сатрапы учинили жестокую расправу и сами выселили горцев на плоскость.

Шамиль, однако, не сложил оружия, в его руках находился еще Нагорный Дагестан. Он решил бороться до последней возможности и отстаивать свободу и независимость горцев. Шамиль укрепился на правом берегу трудно проходимого Андийского Койсу, а сам поселился в ауле Килятль, который был вооружен 30 орудиями. Со стороны Северного и Среднего Дагестана Шамиль вел укрепленные пункты.

Однако, Барятинский не думал оставлять Шамиля в Нагорном Дагестане. Он стал готовиться к организации большого похода для окончательного покорения Восточного Кавказа. План этого похода и все подготовительные работы были возложены на начальника штаба Кавказской армии генерала Д. А. Милютину. План, одобренный Александром II, заключался в следующем: двухсоттысячное войско при 38 орудиях должно было наступать одновременно в ущелье реки Андийское Койсу с трех сторон: Чеченский отряд под начальством генерала Евдокимова—из Ведено на Андию и Технуцал, Дагестанский отряд барона Врангеля—из Салатавии на Гумбет и Лезгинский отряд князя Меликова—из Кахетии через Богозский хребет.

Движение в горы началось в половине июля 1859 г. Царские войска шли кольцом, охватывая горы и громя последние отряды Шамиля в Койсубу, Дидо. Это одновременное и концентрическое движение наносило горцам крупное поражение. Шамилю приходилось выносить один за другим ожесточенные и изнурительные бои и штурмы, во время которых горцы гибли массами. Царские генералы, окружив горские отряды плотным кольцом, били их со всех сторон. Завоеватель захватывал земли горцев, Шамиля теснили все дальше в горы, отряды его истреблялись, лучшие сподвижники его били убиты.

Некоторых наивов и старшин царским генералам удалось склонить на свою сторону. Подкупленные золотом и чинами, они изменили Шамилю. Например, елусийский наив Данил-бек сдал аул Ириб со всеми находившимися в нем запасами; так же поступили и телитинский Кибит-Магома, андийский Дибир, хунзахский Дебир, согратлинский Нур-Магома и др.

Когда Шамилю стало ясно, что дальше держаться невозможно, он с остатками своего отряда в 400 человек при орудиях наступил в последнее свое убежище, в естественную крепость Гуниб. К 10

августа высоты Гуниба, где засел Шамиль с храбрейшими горцами, были окружены 40-тысячным царским войском. 18 августа к месту стоянки войск прибыл князь Барятинский, начавший 20 числа переговоры с Шамилем о сдаче, которые, однако, ни к чему не привели. Шамиль был уверен, что он удержится в Гунибе до наступления холода, а к этому времени царские войска—отступят. На предложение Барятинского он ответил: «Гуниб—гора высокая, я сижу на ней, надо мной еще выше—бог. Русские стоят внизу, пусть штурмуют. Рука смочена, шашка вынута...»¹

Раздраженный ответом Шамиля, Барятинский приказал начать штурм. На этот счет дает интересные сведения современник гунибских событий Абдурахман: «Первый приступ,—говорит он,—русские сделали 24 августа в час ночи. Этому нападению имам, однако, не придавал значения. Он его считал фальшивым, ходил среди нас и всячески успокаивал. За тот пункт, на который теперь направились действия неприятеля, он не опасался, единственно чего он боялся—быть обойденным с тылу, так как эта местность была почти не защищена и удалена от главных сил на 12 верст. Мы находились в местности, превосходно защищенной естественными условиями, и всеми, имевшимися у нас, средствами Шамиль старался сделать ее еще более неприступной. Но наш противник имел над нами громадные преимущества: в его распоряжении имелась артиллерия, а у нас ее не было, если не считать 4-х пушек, из которых только одна была исправная, да и та была чугунная, и без колес, так что ее нельзя было направлять на неприятеля. Когда в ней миновала надобность, мы ее сбросили с кручи, и при своем падении она убила до 15 русских солдат. Пушки же Барятинского принадлежали к типу горной артиллерии и были малого калибра, правда, мало причиняли вреда нашим укреплениям, но зато производили сильные опустошения среди мюридов. За неимением артиллерии, мы сыпали в неприятеля градом камнями, которые нам в изобилии подносили женщины и дети»².

25 августа с раннего утра приступ вновь возобновился. Горсть защитников Гуниба боролась с большим одушевлением хотя испытывала крайний недостаток продовольствия. Абдурахман говорит, что «питались мюриды, как птицы небесные. Я, например, семеро суток ел только клубнику да поджаренные колосья пшеницы. От такой пищи я заболел молериной и едва не умер. Удивляюсь, откуда только брались у нас силы для таких, например, горячих схваток, какая была на ручье, протекающем через аул Гуниб:

мутные волны этого ручья побагровели от крови, а берега устлали 200 трупов»¹.

К полудню царским войскам удалось незаметно для осажденных ворваться в Верхний Гуниб. Отряд Шамиля, за исключением нескольких десятков человек, был перебит. С остатками горцев и женщин Шамиль, несмотря на ожидаемую неминуемую гибель, продолжал бороться.

Князь Барятинский, прекратив стрельбу, вступил в переговоры с Шамилем. Уговаривал Шамиля и его сын, но Шамиль не хотел сдаваться живым. Секретарь Шамиля—Гаджи-Али—говорит, что «Шамиль уже приготовился защищаться, положив перед собою шашку и заткнув полы за пояс. Он решился умереть, а потому отвечал нам: «Вы должны сражаться, а не говорить мне, чтобы я шел к главнокомандующему. Я хочу сражаться и умереть в этот день»².

На неоднократные требования Барятинского сдаться Шамиль отвечал отказом. Тогда было дано еще 1/4 часа для размышления, а войскам было приказано быть готовыми к штурму. Князь уже оценил голову Шамиля: он обещал 10 тысяч рублей тому, кто возьмет его живым. Шамиль, не видя иного выхода, чтобы спасти женщин и детей от верной гибели, решился, наконец, сдаться в руки царских генералов. Но до самых последних минут своего пленения он оставался верен той борьбе, которую возглавлял в продолжение тридцати лет.

25 августа 1859 г., после сдачи Шамиля, Барятинский спешно телеграфировал императору: «Гуниб взят, Шамиль в плену».

С взятием Гуниба и пленением Шамиля Дагестан был окончательно покорен царизмом. Царские завоеватели отправили Шамиля, как военнопленного, в Россию. Царь Александр II поселил Шамиля, в качестве ссыльного, под постоянным надзором полиции в климатически суровой Калуге, где он с девятнадцатью ранами на теле находился до 1870 г. Одиннадцать лет спустя после пленения его по настоятельным просьбам отпустили в Мекку, где этот замечательный человек и умер в 1871 г.

Через 4 года (в 1864 г.) было подавлено восстание горцев Западного Кавказа и завоеван окончательно весь Кавказ. «Чрезвычайный предпринятый в настоящее время русскими на Кавказе, на который русские совершили теперь написал Маркс Энгельсу,—шаг, на который Европа взирает с идиотским равнодушием, почти принуждает их закрывать глаза на то, что делается на другой стороне, а также облегчает им эту возможность. Эти два

¹ «Рассказ очевидца о Шамиле и его современниках», стр. 19—20.

² «Рассказ очевидца о Шамиле и его современниках», стр. 19—20.

¹ Там же, стр. 21.

² Гаджи-Али, Сказание очевидца о Шамиле, стр. 67.

дела:—подавление польского восстания и овладения Кавказом—я считаю самыми серьезными европейскими событиями со времени 1815 года.»¹

2. Причины поражения восстания

Борьба горцев за свою независимость под руководством Шамиля потерпела поражение. Было уничтожено и все то, что было создано Шамилем на территории восставших горцев.

Опыт крестьянских восстаний показал, что изолированные попытки крестьян осознать свою силу, по-своему направить экономику и политику, как это было и в государстве созданном Шамилем, кончались крахом. Восстание горцев во главе с Шамилем не считалось с рабочими восстаниями и не руководилось рабочим классом.

К этой причине нужно присоединить целый ряд внутренних причин, ослабивших силу и боеспособность борьбы горцев: крайнее истощение страны от длительной войны, катастрофическая убыль населения в Дагестане и Чечне в результате систематического истребления его царскими колонизаторами, обострение борьбы среди наибов и старшин, рост имущественной дифференциации внутри господствующей верхушки, предательство и т. п.

Классовая неоднородность в рядах восставших горцев дала себя почувствовать уже в начале борьбы. В руководящей верхушке восставших горцев, среди наибов и старшин, с самого начала обнаружился разногласия по основным вопросам внутренней и внешней политики государства Шамиля. Из 85 наибов, выдвинутых в разное время, больше половины были смещены Шамилем. Некоторые наибы и старшины, получившие высокие посты по управлению страной, пользуясь своим служебным положением, заботились во время войны только о том, чтобы как можно больше нажить себе богатства за счет грабежа и насилия над горцами. «Наибы наказывали,—говорит современник,—виновных и невиновных по разным несправедливым доносам. Часто из своих корыстных целей они приказывали умертвлять людей. Наибы стали после того походить на голодных волков, которые с жадностью растерзывают детей своих»².

Много горцев стало приходить к Шамилю с жалобами на несправедливость наибов, и Шамиль жестоко наказывал всех, кто притеснял горцев. Тогда наибы стали упрашивать Шамиля, якобы «для поддержания уважения к наибам», чтобы он не прини-

мал жалоб от тех, у которых не будет бумаги от наива. Шамиль, не зная о всех гнусных поступках наибов, поддавался обману, и некоторые наибы попрежнему грабили народ и думали меньше всего о всенародной борьбе с царизмом. «Шамиль же не знал,—говорит тот же современник,—о такой низости наибов и вполне полагался на них. Таким образом, власть Шамиля была уничтожена коварством и изменою наибов и его приближенных, русскими войсками и золотом».¹

Наряду со всем этим, особо следует отметить групповые раздоры и соперничество в совете Шамиля. Вокруг Шамиля образовались группы, которые вели между собой борьбу за руководящую роль в борьбе горцев и в Государстве Шамиля. Одну группу составляли Хаджи-Мурад и Кибит-Магома—представители зажиточных родовых старшин, другую—Данил-бек и его зять, Гази-Магомед (сын Шамиля),—сторонники феодальных порядков. Каждая из этих групп, борясь между собой, пыталась захватить власть; в общем же итоге отремления обеих групп совпадали в одном, а именно—в сохранения в Дагестане реакционных феодальных порядков. Эти групповые раздоры сильно мешали Шамилю в борьбе, ослабляли его силы, подрывали его авторитет в глазах масс.

Шамиль, опираясь на широкие слои народных масс узденей, райят и на преданных ему наибов типа Ахверды-Магома, Шуаиба, Уллубия, Алибека и многих других, вел решительную борьбу со всеми, кто мешал делу освобождения горских масс. Но главари указанных выше групп оставались в рядах восставших до самых последних дней и под конец, изменив борьбе, перешли на сторону царизма. Они в течение десятка лет не помогали Шамилю и его борьбе, а разрушали то, что он создавал с таким трудом. Современник (Гаджи-Али) указывает, что на практике «наибы не исполняли приказаний Шамиля и при содействии Гази-Магомеда, с которым они поалам делились, убивали многих, чтобы завладеть имением и тем самым ослабить власть Шамиля, и роняли дух в народе».

Наконец, последнее, что способствовало ослаблению сил Шамиля,—это перевооружение русской армии и тактика активного наступления с трех сторон двухсоттысячных царских войск. Восстание горцев было раздавлено военной силой царизма. Все это вместе взятое послужило причиной поражения одного из крупнейших восстаний на Кавказе в первой половине XIX века.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXX, стр. 335.

² Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле, стр. 75.

¹ Там же.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Дагестан и Чечня накануне царского завоевания	3
1. Социально-экономический строй	3
2. Колониальная экспансия царской России на Кавказе до начала XIX столетия	12
Глава II. Начало борьбы горцев Кавказа	22
1. Занятие царизмом территорий на Кавказе в первой четверти XIX века и борьба горцев	22
2. Восстание в Чечне в 1825—1826 гг.	34
Глава III. Восстание горцев Дагестана и Чечни в 1828—1834 годах под руководством Гази-Магомеда	38
1. Магомед-Эфенди Ярагский	38
2. Гази-Магомед	44
3. Война Гази-Магомеда с ханами, беками и царизмом	48
Глава IV. Восстание 1834 года в Дагестане	53
1. Истребление ханов Аварии	53
2. Убийство Гамзат-бека	59
Глава V. Борьба горцев Дагестана и Чечни за независимость под руководством Шамиля	61
1. Шамиль-Али	61
2. Развитие восстания	65
3. Походы царских генералов против восставших горцев в 1839 г.	73
4. Всеобщее восстание	83
Глава VI. Государственное устройство, введенное Шамилем на территории восставших горцев	92
1. Совет Шамиля	92
2. Административное деление и система управления	95
3. Армия Шамиля	98
4. Производство оружия и пороха	101
5. Общественная казна	104
6. Социально-бытовые мероприятия Шамиля	106
7. Тактика шамилевского боя	110
Глава VII. Наступательные действия горцев в 40-х годах	113
1. Успехи Шамиля	113
2. Сношения Шамиля с соседними народами	121
3. К. Маркс и Ф. Энгельс о борьбе кавказских горцев	123
Глава VIII. Подавление восстания горцев	125
1. Наступление царских войск и пленение Шамиля	125
2. Причины поражения восстания	132
Послесловие	

БИБЛИОТЕКА ФОНДА ШАМИЛЯ

Заслуженный деятель науки РСФСР и ДССР
профессор Магомедов Расул Магомедович внес в
Фонд Шамиля авторский гонорар за переиздание
этой монографии.

Переиздание оригинала 1939 года

© Фонд Шамиля, 1991, РИП ДССР
ISBN 5-207-00051-9

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

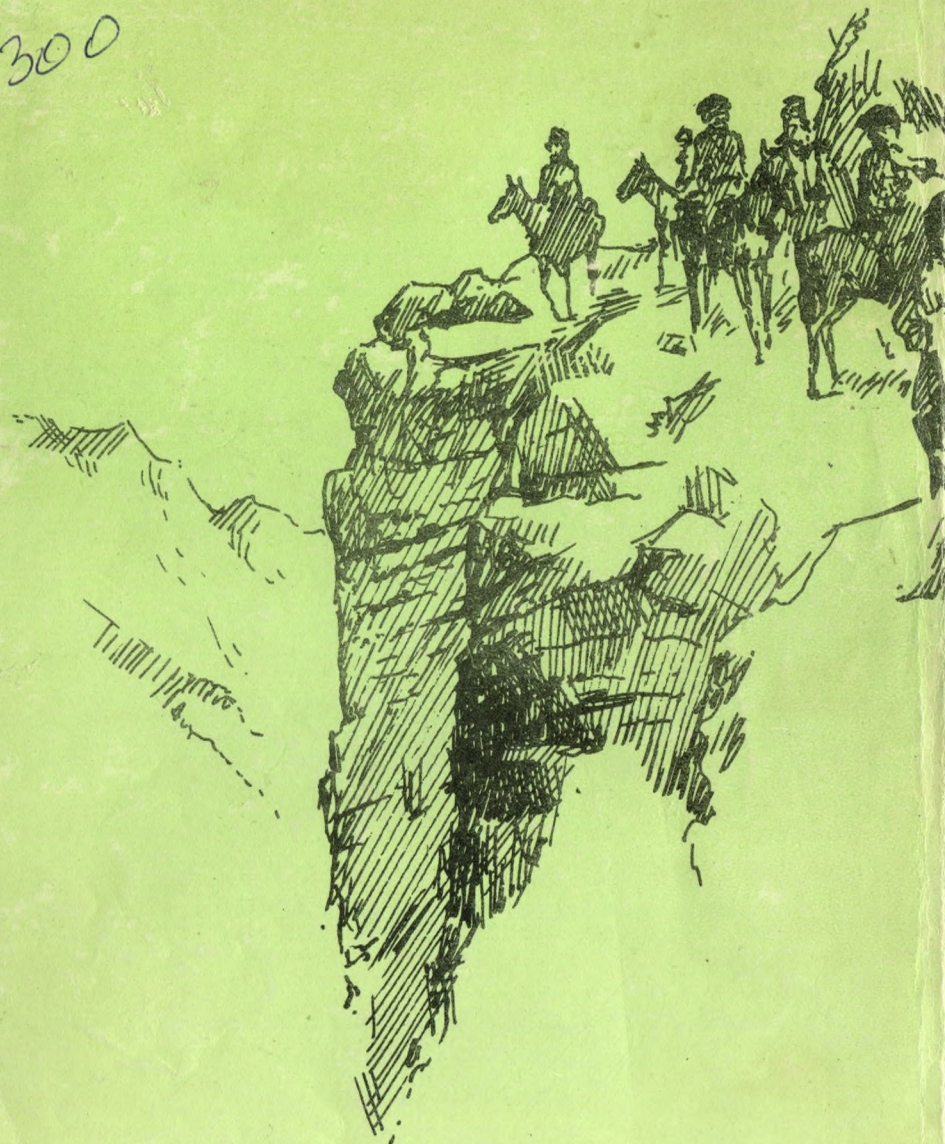
**БОРЬБА ГОРЦЕВ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ
ПОД РУКОВОДСТВОМ ШАМИЛЯ**

Редактор Д. М. Магомедов
Технический редактор А. Симандуев
Корректор А. Мансурова

Сдано в набор 10.06.91 г. Подписано в печать 10.08.91 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура «Лите-
ратурная». Печать высокая. Усл. печ. л. 7,9. Тираж 15000.
Заказ 2834. Цена 5-руб.

Типография МСХ и продовольствия ДССР
367025, Махачкала, ул. Маркова, 18.

300

БИБЛИОТЕКА ФОНДА ШАМИЛЯ

МАХАЧКАЛА — 1991